

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Дипломатическая академия Министерства
иностраннных дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Воробьев Сергей Сергеевич

**«Формирование образа врага как инструмента внешней политики в
международных отношениях 1914-1991 гг.»**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук
специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

Научный руководитель:

доктор политических наук, профессор

Штоль Владимир Владимирович

Москва, 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы исследования образа врага как инструмента внешней политики в международных отношениях.....	24
§1. Теоретические основы исследования образа врага в современной науке.	24
§2. Историография исследования проблемы формирования «образа врага» в международных отношениях.....	47
Глава 2. Эволюция формирования образа врага как инструмента внешней политики зарубежных стран, Российской империи и Советской России/ СССР (1914-1939 гг.)	71
§1. Подходы зарубежных стран в формировании образа врага для реализации национальных интересов перед началом и в ходе Первой мировой войны и межвоенном периоде.....	71
§2. Российские и советские подходы в формировании образа врага для достижения целей национального интереса (1914 – 1939 гг.).....	91
Глава 3. Особенности формирования образа врага как инструмента внешней политики в международных отношениях во время Второй мировой и «холодной» войн до 1991 г.....	111
§1. Трансформация образа врага в условиях кризисного состояния системы международных отношений в годы Второй мировой войны.....	111
§2. Влияние образа врага на внешнюю политику государств в международных отношениях в годы «холодной войны».....	139
Заключение.....	185
Список источников и литературы.....	195
Приложения.....	229

Введение

Актуальность темы диссертации определена возрастанием значимости невоенных инструментов, особенно методов информационного воздействия и пропаганды, для достижения национальных интересов в условиях противоборства субъектов международных отношений с учетом нынешней информационно-психологической войны, которую сегодня ведут против России западные державы.

Кроме этого, при достаточно широком спектре теоретических исследований категории «враг» в мультинаучной сфере и недостаточным исследованием этого феномена в международных отношениях и внешней политике государств, как одной из составляющих, существует потребность осмысления эволюционного развития исторической роли образа врага, как инструмента внешней политики государств в формировании современной международной среды для получения опыта и извлечения уроков.

Исследование обосновано необходимостью систематизации и упорядочению современных подходов к оценке значимости образа врага и возможностей его использования в условиях кризисной трансформации современной системы международных отношений, сформированных на основе исторического опыта и уроков. Особенно важно это для выявления противоречия в восприятии образа врага зарубежными и отечественными доктринальными источниками, средствами массовой информации, непосредственными участниками международного взаимодействия с целью осмысления вопросов войны и мира в современных условиях.

Наряду с указанным, актуальность определена необходимостью оценки роли отечественной дипломатии в трансформации образа врага в международной среде для формулирования теоретических положений и практических рекомендаций по повышению эффективности отечественных

внешнеполитических структур в контексте активизации их деятельности в международной среде.

Объект диссертационного исследования – международные отношения и внешняя политика XX века. **Предмет** исследования – формирование образа врага как инструмента внешней политики в международных отношениях указанного исторического периода – 1914 -1991 гг.

Хронологические рамки – охватывают период с начала XX века и до 1991 года. При этом, нижняя граница хронологических рамок исследования определена исходя из времени, предшествовавшего началу Первой мировой войны (1914 год). А верхняя граница - 1991 годом, событиями прекращения существования СССР. Выделение указанных хронологических рамок стало возможным, исходя из авторского понимания активизации обращения внимания участников международных отношений к категории враг в периоды обострения международной ситуации, чреватые возможным военным противостоянием. А также событиями в международной жизни, сравнимым с войной. Таким событием следует определить год прекращения существования СССР и переход системы международных отношений от биполярности – к однополярности в 1991 г.

Географические рамки исследования охватывают, кроме Российской империи, Советской России и СССР, следующие зарубежные государства: Австро-Венгрию, Германию, Францию, Великобританию, Финляндию, Японию, США, Кубу, Израиль, Афганистан. Такой охват представляется научно обоснованным для исследования формирования образа врага в 1914-1991 гг., по ряду причин. Во-первых, он включает ключевые государства-участники всех основных конфликтов эпохи. Во-вторых, представляет разнообразные типы зарубежных государств, их роли и культурно-политические контексты. Можно условно выделить великие державы (Австро-Венгрия, Германия, Франция, Великобритания, США, Япония) и малые государства (Финляндия, Куба, Израиль, Афганистан). Исследование

показывает, как крупные игроки используют образ врага для глобальных целей. И как статус государства влияет на формирование и трансформацию образа врага как инструмента внешней политики. Географический охват включает различные культурно-цивилизационные ареалы и политические системы.

В-третьих, географический охват позволяет проследить эволюцию использования образа врага как инструмента внешней политики на протяжении всего XX века до конца холодной войны. Круг стран достаточно широк для выявления общих закономерностей и контрастов, но и не чрезмерно велик, что позволяет провести предметный, но глубокий сравнительный анализ. Каждая из этих стран была либо активным конструктором образа врага, либо ключевым объектом такого конструирования, либо и тем, и другим – в разные периоды в рамках указанных хронологических рамок.

Источниковая база исследования включает несколько групп: 1. Архивные документы из АП РФ, АВП РФ, ГАРФ, ЦАМО РФ, АВПРИ, РГАКФД, РГАСПИ, РГВИА. Документы архивных фондов позволили автору документально подтвердить внешнеполитические позиции по предмету исследования как нашей страны, так и зарубежных государств, а также сформировать понимание роли и значимости отечественной дипломатии в формировании дружественности/враждебности международной среды. 2. Международные договоры¹ позволили оценить необходимость или

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Албанией, Народной Республикой Болгарией, Венгерской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Румынской Народной Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой. Варшава. 14 мая 1955 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. М.: ВПШ при ЦК КПСС, 1957. С. 265-268; Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой. 21 апреля 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. С. 21-23; Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой. Москва, 12 декабря 1943 года // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной

вынужденность использования в качестве инструмента внешней политики образа врага в межгосударственных отношениях. 3. Тексты выступлений и письма первых лиц государств² дали возможность сформировать целостную картину по поводу первичности формирования и причин трансформации образа врага в международных отношениях. 4. Закон РФ "О государственной

войны. Т. 1. 22 июня 1941 г. - 31 декабря 1943 г.: Док. и материалы. М.: Госполитиздат, 1944. С. 373-376; Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Югославией. 11 апреля 1945 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. 1 января - 3 сентября 1945 г.: Док. и материалы. М.: Госполитиздат, 1947. С. 175-178; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Республикой. Москва. 18 февраля 1948 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. — М., 1957. С. 175-176; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой. Москва. 4 февраля 1948 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. М.: ВПШ при ЦК КПСС, 1957. С. 173-174; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой. Москва. 6 апреля 1948 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций ... Москва, 1956. Вып. 13. № 505. С. 22-24; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ. 18 марта 1948 г. // Известия, 19 марта 1948 г. Опул. в газ.: Държавен вестник, 1 июля 1948 г.; в сб.: Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг. Документы и Материалы. М.: Политиздат, 1969, с. 411—413; в сб.: Външна политика на Народна Република България. София: Наука и изкуство, 1970, т. 1. 1944—1962, с. 111—114; Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия. 4 апреля 1949 г. // НАТО [Офиц. сайт] URL: <https://www.nato.int/docu/presskit/010219/005ru.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

² BBC (Великобритания): речь Уинстона Черчилля, 22 июня 1941 года. URL: <https://inosmi.ru/20110622/171041761.html> (дата обращения 17.10.2024); Выступление В.М. Молотова на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР первого созыва. 31 августа 1939 г. // "Правда", 1 сентября 1939 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102783-iz-vystupleniya-v-m-molotova-na-vneocherednoy-chetvertoy-sessii-verhovnogo-soveta-sssr-pervogo-sozyva-31-avgusta-1939-g> (дата обращения 12.10.2024); 48. В.М. Молотов «О внешней политике Советского Союза» - Доклад на заседании внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва // Интернациональная литература 1939, -№11, С.10 URL: <http://www.inostranka.ru/data/documents/1939-11-Molotov.pdf> (дата обращения 28.08.2024); Послание президента США Ф.Д. Рузвельта председателю ЦИК СССР М.И. Калинину в числе других глав государств - участников Мировой экономической конференции и Конференции по сокращению и ограничению вооружений. 16 мая 1933 г. // ДВП СССР. Т. XVI. С. 300-302. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/155494-poslanie-prezidenta-ssha-f-d-ruzvelta-predsdatelyu-tsik-sssr-m-i-kalininu-v-chisle-drugih-glav-gosudarstv-uchastnikov-mirovoy-ekonomicheskoy-konferentsii-i-konferentsii-po-sokrascheniyu-i-ogranicheniyu-vooruzheniy-16-maya-1933-g> (дата обращения 28.08.2024) и др.;

тайне" от 21.07.1993 N 5485-1³ подтвердил авторское восприятие сложности исследования архивных документов критически важных периодов истории нашего государства. 5. Заявления Советского Правительства⁴ представили возможность оценки методов и способов методов пропагандистского влияния образа врага на население нашей страны, а также на правительства и общества ведущих зарубежных государств в исторической ретроспективе. 6. Сборники официальных документов и стенографические отчеты, изданные органами государственной власти⁵ позволили верифицировать полученные научные результаты исследования. 7. Стратегические концепции, доктрины и официальные отчеты⁶ стали основой информационного массива для обработки и анализа, позволившего дополнить картину влияния образа врага

³ Закон РФ "О государственной тайне" от 21.07.1993 N 5485-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения 17.10.2024).

⁴ Заявление правительства СССР о положении на Ближнем Востоке. URL: <https://stylopedia.ru/2x9d4b.html?ysclid=m9eqjwnik3433207681> (дата обращения 13.02.2025); Заявление советского правительства. 23 октября 1962 года // МИД России [Офиц. сайт] URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/779/dv8v684gtgwyg2ejcoqn74v6a4445z0h/%d0%9f%d0%a0%d0%98%d0%9b%d0%9e%d0%96%d0%95%d0%9d%d0%98%d0%95%20%d0%98%d0%97%20%d0%a2%d0%95%d0%9a%d0%a1%d0%a2%d0%90.pdf> (дата обращения 12.02.2025) и др.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. 1 января - 31 декабря 1933. - М., 1970. - 921 с.; XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. - М., 1934. - 716 с. и др.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. N 229. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/5a8fbcac394ddab0776787a083406b2583bd2bdc/ (дата обращения 12.04.2023); Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения 20.10.2023); Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 20.10.2022); Стратегические концепции // NATO [Official Website] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_56626.htm?selectedLocale=ru (accessed: 09.02.2025); Бжезинский, З. Меморандум помощника президента по вопросам национальной безопасности президенту Картеру. Вашингтон, 28 декабря 1978 г. Еженедельный отчет СНБ № 83 (U). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d106> (дата обращения 15.11.2022); The Truman Doctrine, 1947 // Department of State. USA [Official Website] URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/truman-doctrine> (accessed: 08.02.2025) и др.

как инструмента внешней политики в кризисном состоянии системы международных отношений.

Кроме этого, были исследованы и использованы в работе материалы официальных сайтов государственных органов Российской Федерации и зарубежных стран, касающиеся темы диссертации. Следует также указать об использовании автором в качестве источников наглядную агитацию (иллюстративные средства), а также художественные произведения, передающие особенности формирования данного образа.

Степень научной разработанности проблемы. Доступные и исследованные автором научные труды по направлению, обозначенному в теме работы, следует разделить на несколько групп. Первая группа: общетеоретические отечественные и зарубежные исследования образа врага, реализованные в сфере психологического, культурологического, политологического, лингвистического и социологического научного поиска. В этом направлении значительный вклад в разработку тематики образа врага внесли отечественные ученые: Белоконева А.С., Евгеньев В.А., Камалова С.Д., Козырев Г.И., Палеева Н.В., Рябцева Е.Е., Хауэр-Тюкаркина О.М., Хоруженко В.А., Феклюнина В.С.⁷, а также зарубежные исследователи: Макнамара Р.,

⁷ Дроздова А. С. (Белоконева) Механизмы формирования «образа врага» в период «холодной войны» // Диалог. Компромисс. Консенсус. - М, 1998 - С. 19-29; Евгеньев В.А. Образы США и СССР в концепции мировой политики Збигнева Бжезинского // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 179-186. URL: https://www.politstudies.ru/index.php?page_id=489&jid=3146 (дата обращения 13.11.2022); Камалова С.Д. Специфика понятийного аппарата имагологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-1 (88). С. 26-29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ponyatiynogo-apparata-imagologii> (дата обращения 14.11.2022); Козырев, Г.И. Образ врага в меняющемся мире. Является ли деление на «своих» и «чужих» родовой приметой человечества. М. 2013. URL: https://nvo.ng.ru/scenario/2013-06-25/9_enemy.html (дата обращения 14.11.2022); Палеева, Н.В., Гарсиа де ла Пуэнте И. и др. Культурная память. Интерпретация культурных кодов. / Монография. Саратов: ЛИСКА, 2008. 158 с. URL: https://www.academia.edu/13139079/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C_%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1

Бжезинский З., Кин С., Робинсон Л., Самнер У., Тодд Х. и др.⁸ Представленный корпус работ объединен ключевой темой конструирования образа «другого» (врага, чужака, оппонента) в политическом, медийном и культурном дискурсах. Работа Н.В. Палеевой содержит ценный исторический анализ и позволила материалы ее исследования принимать в качестве основы формирования образа врага в исследуемый период. Работа А.С. Белоконевой содержит углубленный анализ официальных государственных документов и периодической печати, рассматривая их как рупор власти. В ее работе недостаточно учтены неофициальные мнения и сложности восприятия. Исследование В.А. Евгеньева представляет собой достаточно важный ракурс на исследуемую в диссертации проблематику – взгляд «со стороны» на работы З. Бжезинского. Однако анализ одного мыслителя (пусть и влиятельного) представляет лишь фрагмент картины, не раскрывая контекст американского дискурса в целом. В работах С.Д. Камаловой используется новаторский метод

%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2_2008 (дата обращения 14.11.2022); *Рябцева Е.Е., Карабущенко П.Л.*, Элита и общественность США: мнения и предпочтения/монография. -Астрахань: Астрах. гос. техн. ун-т, 2002. 240 с.; *Хауэр-Тюкаркина, О.М.* Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государств//Мир и политика. М.: октябрь 2018, С.181-194; *Хоруженко, В.А.* Формирование мифологизированного образа Врага в политической публицистике и пропаганде // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2010. № 2. С. 223-227; *Феклюнина В.С.* Иррациональные составляющие политического имиджа // Проблемы политологии и политической истории. 2003. № 12. Издательство Саратовского государственного университета. С. 209-214.

⁸ *Макнамара, Р.* Путем ошибок - к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры: Перевод с английского. Издание. М. 1988. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie7057.html> (дата обращения 15.11.2022); *Бжезинский, З.* Меморандум помощника президента по вопросам национальной безопасности президенту Картеру. Вашингтон, 28 декабря 1978 г. Еженедельный отчет СНБ № 83 (U). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d106> (дата обращения 15.11.2022); *Бжезинский, З.* Власть и принцип: воспоминания советника по национальной безопасности, 1977–1981 гг. NY. 1983. URL: <https://www.raptisrarebooks.com/product/power-and-principle-memoirs-of-the-national-security-adviser-1977-1981-rare/> (дата обращения 15.11.2022); *Робинсон, Л.* Современная политическая война: текущие практики и возможные ответы. Санта-Моника, Калифорния. 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1772.html (дата обращения 16.11.2022).

для получения выводов о политических образах врага в реальности на основе художественных текстов, что требуют крайне осторожной интерпретации и верификации иными методами.

Работы Е.Е. Рябцевой и В.С. Феклюниной являются исследованием восприятия образности врага. Однако при их детальном изучении представляется недостаточной оценка сложности формирования общественного мнения по поводу этой образности. Анализ прессы требует дополнения анализом других медиа и методов изучения общественного мнения. Настоящим исследованием, с учетом указанного, автором представляется попытка указанную недостаточность устранить.

Представленные в данной группе работы зарубежных авторов принадлежат к различным жанрам (мемуары, официальные документы, аналитические отчеты) и охватывают ключевые аспекты холодной войны и современной геополитики: ядерную стратегию, принятие решений в кризисах, механизмы политического противостояния.

Работы Р. Макнамары и З. Бжезинского являются значимыми источниками для понимания мотивации и механизмов принятия решений ключевыми фигурами американской внешней политики в критические периоды холодной войны. Мемуары одного из главных «архитекторов» ядерной стратегии США Р. Макнамары представляют собой глубоко личную рефлексию о периоде Карибского кризиса и войны во Вьетнаме. Взгляд изнутри на процесс принятия решений в условиях экзистенциального риска раскрывает механизмы сбоев в системах управления, коммуникации и оценки. Работа служит неким предостережением для будущих поколений о хрупкости мира в ядерную эпоху. В ней возможны подсознательные попытки оправдать принятые решения или представить события в более выгодном для автора свете, однако изучение мемуаров является ценным для понимания настроений лиц, принимавших решения в конкретный исторический период. Работы З. Бжезинского представляют размышления и рекомендации ключевого

архитектора внешней политики администрации Картера на пике холодной войны, позволяя увидеть реальные приоритеты и опасения высшего руководства США, детальное описание и обоснование внешнеполитического курса администрации президента.

Вторая группа научных трудов включает исторические работы с исследованием, кроме прочих направлений, таких категорий как «война», «неприятель», «враг». По этому направлению следует рассматривать работы таких отечественных ученых как: Акопов А.А., Арнауты Н.Б., Васильева Н.Ю., Григорьева О.И., Доминик О.И., Жарких Е.В., Забелина Н.Ю., Кокошин А.А., Колесникова А.Г., Маркелов С.Ю., Сенявская Е.С., Ситникова Е.Л., Черниловский А.А., Штоль В.В.⁹ Данные работы фокусируются на

⁹ *Акопов, А.А.* Проблема пропаганды и формирования образа врага в периодической печати начала XX века: историографический обзор // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 10. С. 4-9.; *Арнауты, Н.Б.* Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 - ноябрь 1938). / монография. Новосибирск: НГУ. 2012. 251 с.; *Васильева, Н.Ю.* Французский национальный фронт и ближневосточный конфликт в 80-е-90-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4. С. 93-101 URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2000/4/countries-and-regions/frantsuzskiy-natsionalnyiy-front-i-blizhnevostochniy-konflikt-v-80-90-e-godi> (дата обращения 16.11.2022); *Григорьева, О.И.* Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты "Правда" (январь 1933 -июнь 1941 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 61. С. 92-97.; *Доминик, Ю.И.* Эволюция взглядов на применение невоенных средств в военных конфликтах будущего (по официальным документам США: 1946–1991 гг.). Историческое исследование. Диссертация. 2022. URL: <https://vagsh.mil.ru/Nauka/Dissertacionnyj-sovet/D07.2.001.01/item/375144/> (дата обращения 18.11.2022); *Жарких, Е.В.* Германия и немцы глазами русских в конце XIX-начале XX веков: социально-экономические аспекты восприятия / монография. Орел: Орловский государственный технический университет, 2009. 200 с. URL: <https://elib.oreluniver.ru/monografiya/germaniya-i-nemcy-glazami-russkikh-v-kon.html> (дата обращения 16.11.2022); *Забелина, Н.Ю.* Первая мировая война: немцы глазами британцев // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 210-218.; *Кокошин, А.А.* Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политике // Вестник РАН, Т.88, №11, 2018, С. 271-278; *Колесникова, А.Г.* "Бой после победы": образ врага в советском игровом кино периода холодной войны./ монография. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. 230 с.; *Маркелов, С.Ю.* Политико-моральное состояние Красной Армии как реакция на внешнеполитическую ситуацию и советскую пропаганду в преддверии нападения Германии // Социальные конфликты в истории России: Материалы Всероссийской науч. конференции. Омск, 22 октября 2004 г. Омск: Изд-во Ом ГПУ, 2004 С. 350-354.; *Сенявская, Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа

конструировании, эволюции и воздействии образа «врага» или «чужого» в политике, пропаганде, общественном сознании и культуре.

Эти труды характеризуются широтой хронологического и тематического охвата: от преддверия и опыта Первой мировой войны (А.А. Акопов, Е.В. Жарких, Н.Ю. Забелина) через межвоенный период (О.И. Григорьева, Н.Б. Арнаут, С.Ю. Маркелов) и холодную войну (А.Г. Колесникова, Е.Л. Ситникова) – до современной «гибридной войны» (А.А. Кокошин) и историко-философских обобщений (В.В. Штоль). В них представлено разнообразие источников и методов анализа прессы (А.А. Акопов), официальных документов (Н.Б. Арнаут, О.И. Григорьева, С.Ю. Маркелов, Е.Л. Ситникова), кинематографа (А.Г. Колесникова), общественного мнения/восприятия (Е.В. Жарких, Н.Ю. Забелина, С.Ю. Маркелов, Е.С. Сенявская), мемуаров элит (А.А. Черниловский), современных политических концепций (А.А. Кокошин). Каждое из указанных исследований представляет собой большой интерес, однако сфокусировано на достаточно конкретной проблеме, что позволило провести анализ совокупности влияния выявленных автором факторов на формирование образа врага в значимом историческом периоде времени.

Работы зарубежных исследователей из данной группы, таких, как Грос П., Эверт Т. и др.¹⁰ посвящены роли властных структур и конкретных

врага» в сознании армии и общества. / монография – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 288 с., URL: https://iran.ru/sites/default/files/Senyavskaya_E.S._Protivniki%20Rossii%20v%20voinah%20XX%20veka%282006%29.pdf (дата обращения 17.11.2022); Ситникова, Е.Л. Роль СМИ В процессе эволюции образа СССР в США в годы президентства г. Трумэна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. Т. 2. № 3 (34). С. 48-52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-protivostoyanii-obraza-sssr-v-ssha-v-gody-prezidentstva-g-trumena> (дата обращения 17.11.2022); Черниловский, А.А. Будущая мировая война в общественном сознании россиян конца XIX – начала XX вв. // Аспирант и соискатель. 2004. №2. С. 13-19.; Штоль В.В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетей, 2019. – 434 с.

¹⁰ Грос П. Операция «Откат»: тайная война Америки за железным занавесом. Бостон: Хоутон Миффлин. 2001. URL: <https://www.jstor.org/stable/4087034> (дата обращения

персоналий высшего государственного уровня, исследуемые в контексте формирования внешнеполитических решений. К примеру: работа П. Гроса посвящена важной и малоизученной теме тайных операций США в ранний период холодной войны. Автор ставит целью пролить свет на скрытые аспекты внешней политики. Работа Кнотт Стефан Ф. структурирует понимание взаимоотношений между президентской властью, разведсообществом и Конгрессом США в сфере тайных операций.

Автор считает уместным выделить и третью группу научных работ, которая является базой отечественных исследований международных отношений, представленной трудами таких ученых, как Каширина Т.В., Карпович О.Г., Неймарк М.А., Гришаева Л.Е., Бруз В.В., Курылев К.П.; Орлов А.А., Миргородский Д.С., Матвеев О.В., Епифанова Т.В., Рудницкий А.Ю., Пашенцев Е.Н., Закаурцева Т.А., Зверева Т.В., Воробьев С.В., Штоль В.В.¹¹ и

18.11.2022); *Кнотт Стефан, Ф.* Секретно и санкционировано: тайные операции и президентство США. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1996. URL: https://books.google.ru/books/about/Secret_and_Sanctioned.html?id=DgYxLklV7UwC&redir_esc=u (дата обращения 18.11.2022); *Эверт, Т.* «Историческая справка по российским немцам» выступление на круглом столе молодежного клуба «HoffnungWind» 22 апреля 2012 г. URL: <https://rusdeutsch.ru/Nachrichten/3594> (дата обращения 18.11.2022) и др.

¹¹ *Каширина, Т.В.* Экономический фактор и его влияние на политику советско-американской разрядки в 1970-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 210-215; *Каширина, Т.В.* Внешнеполитический курс США на советском направлении в период президентства Дж. Картера (1977-1980 гг.) // Дипломатическая служба. 2016. № 2. С. 7-12; *Карпович, О.Г., Смагина, Л.А.* Основные факторы идеологического противостояния или «война идей» // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 2-3; *Неймарк, М.А.* Мир и Россия, Россия и мир: о неизбывности одной тенденции в западноцентричном дискурсе // Обозреватель. 2024. № 6 (407). С. 135-140; *Неймарк, М.А.* Эволюция внешнеполитической стратегии России: монография. М.: Проспект, - 2020, - 320 с.; *Гришаева, Л.Е., Кокорев, М.А.* Политика СССР по урегулированию военного конфликта в Афганистане: 1978-1991 гг. // Человеческий капитал. 2025. № 2 (194). С. 9-24; *Гришаева, Л.Е.* Превентивная война с нацистской Германией: вероятность и реальность / В сборнике: Европа в 1938-1939: на пути к мировой катастрофе. Сборник научных статей. Москва, 2024. С. 39-58; *Гришаева, Л.Е.* Черчилль о разделе сфер влияния и новом устройстве мира // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 166-190; *Бруз, В.В., Вититнев, С.Ф., Шмелёва, А.В.* Феномен фашизма в трактовках современных зарубежных авторов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 133-145; *Бруз, В.В.* Историческая оценка событий 1968 года в Чехословакии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 83-94; *Курылев, К. П.* Советская внешняя

др. Работы этих авторов позволили сформировать авторское представление об общетеоретических подходах и прикладных аспектах в исследовании сложного явления в истории международных отношениях XX века, обозначенного темой работы. Содействовали осмыслению проблемности предмета и основного исследовательского вектора диссертации.

Представляя группы ученых и специалистов-исследователей, следует констатировать, что указанные персоналии и их труды – это лишь часть того значительного блока исследований, только касающихся или создающих теоретическую мультинаучную основу направления, обозначенного темой диссертации. Историографические элементы темы исследования,

политика 1960-1980-х годов. Эклектичность и противоречивость // Свободная мысль. 2024. № 2 (1704). С. 161-176; Орлов, А.А. Перед Отечественной войной 1812 г.: Дипломатическая борьба России и Франции в последний период Тильзитского союза / В сборнике: Вестник военно-исторических исследований. сборник научных трудов. Пенза, 2019. С. 61-78; Орлов, А.А., Сопленков, С.В., Альбертина, В.А. Идеи справедливого мирового порядка: Исторический опыт Западной, Центрально-Восточной Европы и России (середина XV – начало XXI вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 63-76; Миргородский, Д.С., Воробьев, С.В., Смирнов, Е.В., Епифанова, Т.В. Советско-американское противоборство в области создания ракетно-ядерного оружия в 1940 – 1950-е гг. // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 67-75; Матвеев, О.В. Проблема сдерживания гонки стратегических ядерных вооружений в российско-американских отношениях: история и политика // Вестник Екатеринбургского института. 2020. № 2 (50). С. 103-109; Епифанова, Т.В. Эволюция принципа правого дела в теории справедливой войны // Обозреватель. 2024. № 5 (406). С. 73-84; Рудницкий, А.Ю. Всех на всех. Дипломатическая эвакуация летом 1941 года. Международная жизнь. 2024. № 11. С. 144-157; Рудницкий, А.Ю. Май 1941-го. Предостережение из Варшавы // Родина. 2019. № 9. С. 111-113; Пашенцев, Е.Н. "Закон о борьбе с противниками через санкции" в контексте стратегической информационно-психологической войны // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 66. С. 23-43; Закаурцева, Т.А., Каширина, Т.В., Цветов, П.Ю. Роль Светского Союза в созыве и проведении Женевского совещания 1954 года (в свете новых публикаций архивных материалов) // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 76-85; Зверева, Т.В. Как дружить цивилизациями? // Международная жизнь. 2013. № 9. С. 188-193; Воробьев, С.В., Каширина, Т.В. Историография коллаборационизма на оккупированных европейских и советских территориях в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 157-169; Штоль, В.В. Империя как прошлое и будущее России // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 2 (2). С. 26-41; Штоль, В.В. Польская политика в болоте исторических химер // Обозреватель. 2021. № 3 (374). С. 5-26; Штоль, В.В., Задохин, А.Г. Холодная война: истоки, наследие и альтернативы, когнитивный аспект // Обозреватель. 2020. № 2 (361). С. 5-24 и др.

дополняющие уже представленные, включены в содержание параграфа первой главы.

Вместе с этим нужно констатировать, что отдельного комплексного системного исследования формирования образа врага как инструмента внешней политики в международных отношениях XX века до сих пор не проведено. Это дает автору основание утверждать, что работа и полученные в ней научные результаты, сформулированные теоретические выводы и практические рекомендации обладают научной новизной.

Целью работы является исследование особенностей формирования образа врага как инструмента внешней политики субъектов международной среды в международных отношениях XX века.

Для достижения обозначенной цели диссертационного исследования предполагается **решение следующих исследовательских задач:**

1. Обобщение и анализ теоретических основ исследования образа врага в общенаучном плане и историография исследования проблемы формирования образа врага в истории международных отношений.

2. Обоснование особенностей формирования образа врага как инструмента внешней политики для достижения целей национального интереса в зарубежных государствах, в сравнении с российским и советским подходом в формировании внешнеполитической инструментальности образа врага в течение XX века.

3. Раскрытие и систематизация доктринальных государственных установлений по поводу образа врага в условиях кризисного состояния системы международных отношений с выделением роли отечественной дипломатии в трансформации образа врага в XX веке.

4. Формулирование теоретических выводов и практических рекомендаций с обобщением материала исторического опыта и представлением исторических уроков по формированию образа врага как инструмента внешней политики государств в международных отношениях.

Методологическая основа. Сложность и многофакторность, динамизм и объективная невозможность учета значительного количества прямых, косвенных и латентных факторов, недостаточность изученности проблемы, а также значительный хронологический период, определили необходимость формирования достаточно сложной исследовательской идеологии для достижения цели исследования.

Суть ее заключается в комплексности использования самих подходов к исследованию, принципов и допущений, необходимых для решения исследовательских задач.

Опираясь на системный подход, было проведено комплексное исследование проблематики формирования образа врага в международной среде с учетом принципов научности, объективности, достоверности, историзма, хронологичности и исторической конкретики. Для получения научных результатов были применены общенаучные и специальные методы исследования, такие как философский, логический, диалектический, факторного анализа, контент-, ивент- анализы. Для достижения поставленной цели работы, при использовании методологической совокупности подходов и методов исследования, на их взаимопереплетение и взаимоиспользование было наложено собственно авторское видение реализации исследовательского вектора работы как видимого выражения идеологии решения научной задачи диссертации. Более подробное описание некоторых аспектов принимаемых в исследовании допущений, а также особенностей хронологического контекста авторского подхода к оценке образа врага в истории международных отношений XX века представлено в параграфе 2 первой главы диссертации.

Научная новизна обоснована целью исследования и широким использованием источниковой базы. А именно: в работе представлена системная комплексная картина эволюции образа врага и его влияния в международной среде на формирование внешнеполитических векторов государств в течение значительного (более 70 лет) периода времени; в

научный оборот автором введено значительное количество источников, в том числе архивных, до настоящего исследования неизвестных широкому научному кругу, при этом введены источники как на русском, так и иностранных языках; комплексно реконструирована картина влияния конкретных доктринально-страновых подходов к использованию образа врага для достижения целей национального интереса в международном взаимодействии; выявлены тенденции акцентирования внимания образу врага в период предкризисного состояния межгосударственных отношений, что позволило получить и сформулировать уникальный исторический опыт и извлечь исторические уроки по проблеме, которые обозначают новые векторы развития российской внешнеполитической деятельности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1.Обобщенный анализ теоретических основ исследования образа врага в общенаучном плане включает в себя результаты, полученные в философских, психологических, социологических, культурологических и политологических исследованиях, где авторы принимали и использовали либо разделенные понятия «враг» и «образ», либо уже синтезированную категорию «образ врага». В интересах решения научной задачи диссертационного исследования предложено уточнение в авторском варианте данной междисциплинарной категории в контексте применения ее для исторического исследования. «Образ врага – это качественная оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании нации (народа) относительно внешнего вида, изображения государственных, социальных, религиозных или иных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям конкретных участников международных отношений, приносящих им вред и являющихся угрозой национальным интересам в конкретном историческом периоде».

Исследование исторического опыта формирования образа врага позволяет выявить его разрушительный потенциал для международных отношений, понять механизмы манипуляции массовым сознанием и

подчеркнуть важность критического осмысления подобных конструктов для предотвращения конфликтов и поиска путей мирного сосуществования. Главный исторический урок: Образ врага – мощное оружие в политике, обращение с которым требует крайней ответственности и осознания последствий его действия.

2. Особенности формирования образа врага, как инструмента внешней политики, для достижения целей национального интереса в зарубежных государствах, в сравнении с российским и советским подходом в формировании внешнеполитической инструментальности образа врага в течение XX века являются следующие: - активизация обращения политической власти государств к образу врага во внешнеполитической деятельности в период предкризисного и кризисного (военного) состояния международных отношений. При этом указанный образ использовался всеми государствами как для консолидации своего общества, так и для оказания воздействия на граждан и политическую власть других стран;

- в зарубежных государствах обращение к указанному инструменту внешней политики обосновывалось идеологическим фоном коммунистического вредоносного влияния практически всегда в течение всего хронологического отрезка времени исследования;

- в российской и советской внешней политике использование образа врага представлено не эволюционным, а трансформационным процессом, когда «эксплуатация» вражеской образности обоснована конкретной международной ситуацией и исключительно для достижения цели национального интереса в ней;

- в большинстве исследуемых политических практиках использования образа врага во внешней политике Российской империи и Советской России (СССР) прослеживается более мягкий подход в оценке народов и более жесткий – в отношении политической власти стран-противников-врагов. В зарубежной внешнеполитической действительности в рамках исследования

таких различий не было выявлено. Наша страна у них всегда воспринималась как противник или враг, не зависимо – в общественном или властном дискурсе.

3. Систематизация доктринальных государственных установлений по поводу образа врага в условиях кризисного состояния системы международных отношений позволила заключить, что образ врага, как инструмент внешней политики государств, формировался первоначально в доктринальных государственных установлениях, а затем транслировался в пропагандистский и общественный дискурсы. Основой его реализации на практике являлись средства массовой информации. Механизмами достижения результата в применении образа врага во внешней политике являлись как политические, экономические, военные и культурные средства, так и конкретная деятельность представителей высшей государственной власти, основанная на субъективной, порой ошибочной, оценке как конкретной международной ситуации в целом, так и отдельного субъекта международных отношений.

Роль отечественной дипломатии в трансформации образа врага в XX веке определена как высоко-значимая. Это объясняется тем, что обращение к образу врага в отечественной внешней политике было бы невозможно без аналитической оценки состояния отношения к нашей стране в зарубежных государствах и без информационного сопровождения такой оценки российскими и советскими дипломатами.

4. Теоретическими выводами из проведенного диссертационного исследования являются следующие:

- образ врага, как ментальный совместный продукт общества и власти, формировался в любом государстве как мизантропный феномен. Вне зависимости от формы правления или степени демократизации, исторической памяти народа или иных факторов;

- наряду с общенаучным определением «образ врага», выявлена необходимость введения в научный оборот понятия «образ врага как инструмент внешней политики», учитывающее психологический, поведенческо-социальный, внутриполитический, формально внешнеполитический уровни его оценки в следующем виде: «Образ врага как инструмент внешней политики государства – это качественная оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании нации (народа) относительно внешнего вида, изображения государственных, социальных, религиозных или иных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям конкретных участников международных отношений, приносящих им вред и являющихся угрозой национальным интересам, представленная как средство влияния для достижения цели национального интереса в международной среде в конкретном историческом периоде, облаченное в определенную форму, в соответствии с внешнеполитическими устремлениями конкретного субъекта – государства».

Практическими предложениями и рекомендациями с обобщением материала исторического опыта по формированию образа врага в международных отношениях и внешней политике государств являются следующие:

- органам государственной власти России предлагается при формировании внешнеполитической деятельности указанный инструмент использовать в соответствии с условиями конкретной международной ситуации, но только с учетом последствий его применения;

- предлагается в научном плане задать программы исследований научным и образовательным учреждениям РФ, связанные с влиянием образа врага на различные направления внешнеполитической деятельности нашего государства;

- исключить из механизмов влияния недружественности образов такую категорию как общество, акцентировав влияние только на представителях

государственной власти, как олицетворении враждебности в международной среде, ибо власть в контексте реализации собственных властных интересов не в полной мере отвечает на запросы большинства общества;

- в качестве направлений последующих научных исследований в контексте темы диссертации представляется рассмотреть следующие: о вкладе российских и советских дипломатов в решении острых проблем межгосударственного общения в конфронтационные периоды; деятельность Коминтерна, как прообраза альтернативного формата взаимодействия государств и обществ в рамках международной среды в предкризисные и кризисные периоды истории.

Теоретическая значимость исследования подтверждается дополнением совокупности знаний о формировании образа врага в международной среде примененной авторской методологией конкретно-исторического исследования.

Расширением спектра оценки изучения образа врага, как инструмента внешней политики в международной среде, за счет внедренных неизвестных ранее архивных источников. Предложением механизма оценки влияния доктринальных установок государств по обоснованию внешнеполитических устремлении, исходя из результата разрешения противоречия в определенности категорий международных отношений «партнер», «стратегический партнер», «союзник», «противник», «недружественное государство», «враг». А также в обоснованности внесения в теорию международных отношений понятия «образ врага как инструмент внешней политики в международных отношениях».

Практическая значимость исследования. Доказанная и представленная при проведении данного научного исследования практическая значимость полученных научных результатов опирается на то, что и методологические подходы, и выводы по историческому опыту и исторически обоснованные предложения и рекомендации, могут быть использованы как в

деятельности высших органов государственной власти Российской Федерации, так и в отечественной научной и образовательной деятельности.

Так, высшими политическими и законодательными органами России научные результаты диссертации могут быть использованы при совершенствовании отечественного законодательства и формировании доктринальных документов в сфере внешнеполитической деятельности.

В работе Министерства иностранных дел РФ и Администрации Президента РФ результаты работы могут помочь в оценке эффективности собственной деятельности в реализации устремлений отечественной внешней политики и недопущении ошибок, сформулированных автором в практических предложениях и рекомендациях по теме исследования.

В научной деятельности, полученные авторские результаты могут быть основой для дальнейшего научного поиска в направлениях, к примеру, международной безопасности, выработки научных механизмов оценки эффективности внешней политики и ее различных аспектов, таких, как «мягкая сила». Научном обосновании поиска союзников и оценки «недружественных» субъектов международной среды.

В учебной деятельности материалы исследования представляют интерес с точки зрения их применимости в преподавании курсов «История международных отношений», «Современные международные отношения», «Внешнеполитический процесс современной России», «Международная безопасность», а также иных дисциплин, в том числе и прикладного толка. Материал рукописи может быть интересен как для специалистов в области истории международных отношений, так и для обычного читателя.

Апробация исследования. Основные положения диссертации апробированы автором в ходе выступлений на международных и научно-практических конференциях по актуальным проблемам международных отношений и международной безопасности:

1. Международная научно-практическая конференция научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук «Военная безопасность России: взгляд в будущее» в МГТУ им. Баумана 16 марта 2023 г. Материал выступления на тему «Противоречивость образа врага/друга в историческом экскурсе формирования военно-политического влияния США на Ближнем Востоке» опубликован в сборнике конференции, входящем в перечень публикаций РИНЦ.

2. Международная конференция 20 апреля 2023 г. в Институте стран СНГ. Выступление на тему «Методологические аспекты исследования трансформации образа друга/врага на пространстве СНГ (90-е годы XX века)».

3. Международная конференция «Международные отношения в условиях новых угроз безопасности» в МГЛУ 25-26 апреля 2023 года. Материал выступления на тему «Проблемы научного исследования образа врага в истории международных отношений XX века».

4. Международная конференция «Актуальные социально-политические процессы на постсоветском пространстве» в РГСУ 25 апреля 2024 г. Выступление на тему «Трансформация образа друга/врага на постсоветском пространстве 1991-2024 гг.».

Представление научных результатов проведенного исследования состоялось также в ходе обсуждения на профильных кафедрах отечественных вузов с участием историков, военных и экспертов иных специальностей.

Результаты исследования изложены автором на русском языке в 9 публикациях, общим объемом 13,6 п. л., из которых 7 статей в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и содержание работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, завершаемых выводами, обобщающими изложенный в них материал, шести параграфов (по два параграфа в каждой главе), заключения, списка источников и литературы, а также двух приложений со сведениями, наглядно дополняющими изложенное в рукописи.

Глава 1. Теоретические основы исследования образа врага как инструмента внешней политики в международных отношениях

§1. Теоретические основы исследования образа врага в современной науке

Современная система международных отношений находится в кризисном, если не сказать, в аварийном состоянии. Политологи, эксперты, представители научного сообщества пытаются найти пути решения возможного выхода из такого состояния. Оно чревато нестабильностью, разрушением налаженных связей в международной среде, психологической неустойчивостью социумов, непредсказуемостью принимаемых решений на высшем политическом уровне. При этом, само научное сообщество лишь условно может считать, что оно влияет на эти решения. Особенности формирования и принятия внешнеполитических решений сегодня находятся, в основном, в сфере субъективного влияния. Или, как сейчас стало модным называть это состояние, в сфере ответственности советников и помощников «ближнего круга». Научный мир не участвует ни прямо, ни косвенно в создании или разрешении сложно прогнозируемой ситуации, связанной с развитием конкретной нации, этноса, государственного сообщества. И при этом сохраняется соблазн у политиков найти сторонников в научной среде своих не всегда верных решений.

Такой подход находил свое место, практически, с момента оформления власти в человеческом сообществе и продолжает сохраняться в современной общественно-политической среде любого государства мира.¹²

Как свидетельствуют исторические источники, суть столь длительного выживания указанного положения вещей заключена в том, что, даже

¹² Воробьев, С.В. Исторические и современные аспекты формирования образа врага в международных отношениях// Сборник материалов Первой Международной научно-практической конференции «Международные отношения в условиях новых угроз безопасности» М., МГЛУ, 2023, С.27-33. Текст: непосредственный.

появление и становление различного рода религий связано было с необходимостью защиты власти имущих от всех остальных. Глубинные причины долгожительства такого подхода, когда мыслящая часть сообщества должна обосновывать политические решения, казалось бы, для стабильности общества, которые не поддержаны большинством представителей этого общества, находятся в сфере психологического (ментального) восприятия власти человечеством вообще.

Современное кризисное состояние международных отношений подтверждает постулат некоторой «лояльности» науки, подвергшейся политизации. Процесс этой политизации носит насильственный характер. При чем, политизации подвержены все сферы общественного взаимодействия. Это и экономика, и культура, и спорт.

Чтобы не утверждали сегодняшние политики по поводу наличия или отсутствия идеологического противостояния, оно сохраняется, продолжая влиять на международные взаимоотношения. При этом создается совершенно своеобразный мир, наполненный, казалось бы, новой внешней формой, но имеющий давнее, как сама цивилизация, содержание. Это идеология противостояния ценностных ориентиров развития западных обществ и общества российского.

XX век проявил это идеологическое противостояние в открытых формах: противоборство социалистической и буржуазной систем развития обществ и государств. Идеологический фактор в сегодняшней ситуации «перекрасился» и принимает самые различные оттенки в человеческом восприятии.

Это и поведенческая составляющая, отличная от других, что ярко может быть представлено внешнеполитической деятельностью США в международных отношениях. Когда непредсказуемость поведения и

отсутствие идеала,¹³ позволяет трактовать им любое внешнеполитическое решение, обоснованное национальным интересом, сформированным не дальновидными, а иногда и недалекими политиками.

Идеологический аспект присутствует незримо и в обыденном взаимодействии, когда влияние исторической памяти, как основного фактора, служит плохую службу в формировании положительного имиджа страны. И даже наличие значительного количества структур и органов, призванных по своему прямому предназначению влиять на улучшение ситуации во влиянии «мягкой силы», не дает положительного эффекта в краткосрочном периоде перспективы.

Как показывает анализ, нужно значительное количество времени, м. б. даже жизнь не одного поколения, чтобы переломить ситуацию в лучшую сторону. Примером тому может служить ситуация на Украине, когда в течение более, чем тридцати лет уже сформировалась вполне устойчивая – «Другая точка зрения» на взаимоотношения и историческую близость двух народов (русского и украинского). И на этих искаженных идеологических установках выросло уже совершенно новое поколение людей.¹⁴ Оно совершенно другое, нежели поколение людей, родившихся в 50-70-х годах прошлого столетия.

Научные исследования, проводимые в указанном в теме диссертации направлении, свидетельствуют о том, что восприятие (отличного от собственного) развития может быть оценено на нескольких уровнях. Такими уровнями могут быть: психологический, поведенческо-социальный, внутриполитический, формально внешнеполитический.

¹³Рожков, А.А. «Интересы» и «идеалы»: переопределяя политический реализм. /А.А. Рожков // «Полития» №4 (95), 2019, С. 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-i-idealy-pereopredelyaya-politicheskiy-realizm/viewer> (дата обращения 12.12.2022). Текст: электронный.

¹⁴Воробьев, С.В. Исторические и современные аспекты формирования образа врага в международных отношениях// Сборник материалов Первой Международной научно-практической конференции «Международные отношения в условиях новых угроз безопасности» М., МГЛУ, 2023, С.27-33. Текст: непосредственный.

Оценивая научную составляющую каждого из уровней, следует утверждать, что два упомянутых первыми, формируют видимые два вторые уровня. Налицо матрица зависимости внутриполитического и внешнеполитического поведения субъекта международных отношений от, так называемых, «невидимых»: психологического и поведенческо-социетального.

Анализируя любую из исторических международных ситуаций, автор пришел к выводу, что общие «правила игры», заложенные в ту или иную систему международных отношений – составляют основу психологического восприятия поведения субъекта международного взаимодействия, прежде всего, самими людьми - создателями этой системы.

Так было и в «концерте» великих европейских держав, так было и в период создания Ялтинско-Потсдамской системы МО.¹⁵ Но «ни одна из существовавших и существующих систем международных отношений не исключила из своего категориального лексикона такое понятие как враг».¹⁶

Формированию образа врага посвящено значительное количество исследований в различных отраслях наук¹⁷. Эта научная категория активно

¹⁵ Воробьев, С.В. Исторические и современные аспекты формирования образа врага в международных отношениях// Сборник материалов Первой Международной научно-практической конференции «Международные отношения в условиях новых угроз безопасности» М., МГЛУ, 2023, С.27-33. Текст: непосредственный.

¹⁴ Цит. по: Козырев, Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях. /Г.И. Козырев // «Социологические исследования».2008, №1, С.32 URL: <https://naukarus.com/vrag-i-obraz-vraga-v-obschestvennyh-i-politicheskikh-otnosheniyah> (дата обращения 10.12.2022) Текст: электронный.

¹⁷ Белоконева, А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946-1953 гг.). Диссертация. М. 2004. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002740994.pdf (дата обращения 13.11.2022); Евгенийев, В.А. Образ СССР-России в контексте мировой политики (По работам Збигнева Бжезинского второй половины XX в.). Диссертация. М. 2004. URL: <http://www.dslib.net/teoria-politiki/obraz-sssr-rossii-v-kontekste-mirovoj-politiki.html> (дата обращения 13.11.2022); Камалова, С.Д. Образ “чужих” в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературы о палестино-израильском конфликте). Диссертация. М. 2020. URL: <https://www.dissercat.com/content/obraz-chuzhikh-v-multikulturnoi-literature-s-pozitsii-lingvisticheskoi-imagologii-na-materia> (дата обращения 14.11.2022); Знаков, В.В. Когнитивное и аффективное бессознательное понимание чужого как врага // Вестник Московского университета, Серия 14. Психология, 2014, №1 С. 3-15; Евгенийева, Т.В.,

используется политической властью, практически, всех стран мира для создания собственного особенного психологического климата нации.

Понятие «враг» трансформировалось в разные эпохи и продолжает трансформироваться. От «нелюдей», через «чужую кровь», иноплеменников, - к поработителям, угнетателям. А от них - к иностранцам, иноверцам, чужим.¹⁸

С течением времени возникла проблема оценки необходимости реформирования этой категории с учетом приспособления ее к реалиям сегодняшнего дня. Ибо современная система международных отношений, находясь в кризисном состоянии, наиболее открыто, нежели когда-либо ранее, формирует категорию «враг» большинством ее участников. И если в период противостояния «холодной войны» это было обосновано идеологическим антагонизмом буржуазной и коммунистической парадигм, то нынешняя проблематика формирования образа «врага» зиждется на совершенно иных основаниях.

Подтверждением этому является не только появление различного трактования демократии: «демократия по-американски», «демократия по-европейски», «демократия по-российски». Это и искажение либеральных подходов в экономике для защиты национальных интересов в сфере рыночных отношений. Это и замена свободы выбора народов свободой выбора стран объединенного Запада, когда одна страна (США) смещает неудобные политические режимы в других странах и даже цинично оповещает об этом все мировое сообщество. А защита прав человека и толерантность подменены

Селезнева, А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной молодежи // *Полития* №3, 2007, С. 83-92; *Мильчина, В.* Международная конференция «Взглянуть в лицо врагу: Образ врага в культуре, XIX – XX века» Журнал НЛЮ, 2012, №6 URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/mezhdunarodnaya-konferenciya-vzglyanut-v-liczo-vragu-obraz-vraga-v-kulture-xix-8212-xx-veka.html> (дата обращения 10.07.2023) Текст: электронный и др.

¹⁸ *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. Изд. второе, дополненное и исправленное. Издательство «Наука», М.: 1979, С. 228.

защитой прав населения англосаксонских государств и защитой прав лиц не вполне нормальной человеческой ориентации. Это и обстановка, когда заключенные международные соглашения становятся ширмой для военных приготовлений государств.

В такой ситуации разобраться кто друг, а кто враг, как с психологической, так и с поведенческо-социальной, а уж тем более с внутривластной и формально внешнеполитической точек зрения, очень сложно и, в таких обстоятельствах критерием истины в определении причин обращения к категории «враг» может быть только история.

Исследование категории «образа врага» в истории международных отношений автор считал возможным начать с уяснения общенаучных и междисциплинарных ее аспектов, опираясь на результаты научных исследований, проведенных в сферах иных научных направлений, нежели собственно историческое направление. Необходимость такого подхода была определена для выработки авторского понимания этой категории, с целью ее дальнейшего использования в рукописи диссертации для получения обоснованных научных результатов.

В различных толковых словарях русского языка использованы более 98 различных синонимов и ассоциаций слова «враг».¹⁹ В большинстве словарей, как-то: С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой, Д.Н. Ушакова и многих других, данная категория используется, в основном, для характеристики противника, неприятеля.²⁰ Или «все, что приносит вред, неприятности, зло».²¹ Однако наиболее близким к авторскому пониманию и приемлемым описанием сущностной составляющей, применительно к теме диссертации, следует

¹⁹ URL: <https://sinonim-k-slovu.ru/%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B3>(дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный.

²⁰ URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4005> (Дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный.

²¹ Цит. по: URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=7041> (дата обращения 17.04.2023). Текст: электронный.

считать формулировку, данную в Геополитическом словаре-справочнике В.А. Дергачева, изданном в 2009 г. Это «политическое понятие, обозначающее совокупность внешних государственных, социальных, этнических или религиозных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям стратегической столицы. Не имеет моральной нагрузки и может переноситься на различные образования. Подвижная категория».²² Автор считает, что это определение стоит взять за основу категории «враг».

Что же касается категории «образ врага», то упомянутые словари, за исключением Толкового онлайн-словаря Т.Ф. Ефремовой, не дают возможности получить общепринятую формулировку категории «образ врага». В интерпретации Д.Н. Ушакова, вообще, в качестве образа выступает только икона.

Исходя из приведенного, следовало бы использовать лишь общефилософские подходы к понятию «образ», как «результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека»,²³ или наглядное представление о чем-либо.

Большая российская энциклопедия в качестве образа врага определяет «устойчивую конструкцию в воображении и дискурсе сообщества, фиксирующая негативный аспект ее идентичности в форме персонификации собственно врага: в контексте вооруженного конфликта – это образ противника, в контексте революции – социально-политических оппонентов, а для различных религиозных общин – сверхъестественные «темные силы» как-либо связанные с творящими зло людьми».²⁴

²² URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B3> (дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный.

²³ Цит. по: URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17765> (дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный.

²⁴ URL: <https://bigenc.ru/c/obraz-vraga-35a05d> (дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный.

Опираясь на формулировку образа, как «внешнего вида, облика, подобия, изображения»²⁵ и синтезируя ее, с уже упомянутыми подходами, к определению понятия «враг», автор считает возможным в интересах проводимого диссертационного исследования, использовать следующую формулировку категории «образ врага».

«Образ врага – это качественная оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании относительно внешнего вида, изображения государственных, социальных, религиозных или иных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям конкретных участников международных отношений, приносящих им вред и являющихся угрозой национальным интересам». При этом, дальнейшие исследования позволяют утверждать, что и эта формулировка нуждается в уточнении в контексте предмета диссертационной работы.

Научную основу, как уже упоминалось, разработки категории «образ врага», как представляется, составили аспекты философского, психологического, социологического и культурологического ее понимания, представленные в исследованиях, к примеру: А.А. Гусейнова,²⁶ Д.А.

²⁵ URL:

<https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7+%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B0> (дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный.

²⁶ Гусейнов, А.А. Любите врагов ваших URL:

<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001047/st000.shtml> (дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный.

Щукина²⁷, С.И. Маслакова²⁸, Б.Ф. Поршнева²⁹, Г.И. Козырева³⁰ и др. Авторы в своих трудах подходят к сущностному пониманию категории «враг» с точки зрения конструирования синтетической ситуации поиска «Другого» во взаимодействии.³¹ Саму категорию представляют, как результат особого рода манипуляции.³² При этом, исследование категории проводят, опираясь на необходимость такой манипуляции для объединения социальной общности на основе этических норм. Подтверждают, что в общефилософском понимании «понятие «этика» существует лишь в той мере, в какой существует понятие «человечество»». ³³ А проблематику исследования исторического процесса связывают с исследованием эволюции в отношениях «мы» и «они».³⁴

Психологическое направление научной мысли в исследовании категории «образ врага» представляет в определительном ее качестве наличие следующих характеристик: «- враг представляет смертельную угрозу; - его

²⁷ Щукин, Д.А. Философская интерпретация конструирования врага в контексте психологических и психоаналитических теорий. // Вестник Пермского университета. Выпуск 3 (11), 2012, С. 127-132. Текст непосредственный.

²⁸ Маслаков, С.И. Формирование «образа врага» как средство манипулятивного воздействия на социальные группы/ С.И. Маслаков // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 19-20 нояб. 2015 г. / НИУ БелГУ, Институт социально-политических исследований РАН, Юго-Западный государственный университет; отв. ред. Ю.А. Зубок. - Воронеж; Белгород, 2015. - С. 507-512. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/14514?mode=full> (дата обращения 16.04.2023). Текст: электронный.

²⁹ Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. второе, дополненное и исправленное. Издательство «Наука», М.: 1979, 232 с.

³⁰ Козырев, Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях// Социологические исследования. 2008. URL: <https://naukarus.com/vrag-i-obraz-vraga-v-obschestvennyh-i-politicheskikh-otnosheniyah> (дата обращения 16.04.2023).

³¹ См.: Гусейнов, А.А. Указанное сочинение.

³² См.: Маслаков, С. И. Указанное сочинение.

³³ Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. второе, дополненное и исправленное. Издательство «Наука», М.: 1979, С. 224.

³⁴ См. там же, С. 225.

основной целью является уничтожение; - его отличает коварство, склонность к насилию, ненависть, агрессия; - олицетворяет собой смерть».³⁵

При этом, с точки зрения самой нации, народа, этноса – образ внешнего врага, с присущими ему обязательными признаками, является атрибутом отвлечения от проблем внутренних. Социальная психология подтверждает необходимость эффективной «эксплуатации» этого образа в международных отношениях. Ибо только так можно обеспечить суверенитет государственной власти и ее легитимность. Построение такого образа подтверждено проводимым исследованием и основано, как правило, на трех аспектах. Первый аспект: существует ли реальная внешняя угроза со стороны реальных или названных таковыми врагов? Второй аспект: есть ли прошлые обиды или сформированные стереотипы относительно конкретной общности в памяти народа? И аспект третий: каково состояние самого общества в данный момент времени?³⁶

В большинстве исследований образ врага наделен следующими характеристиками: - идеальному врагу присущи характеристики однородной группы, олицетворяющей худшее зло на планете Земля; - в связи с расплывчатостью образа врага (многоликостью), затрудняется его распознавание, трактование основных его признаков берет на себя государственная власть; - враг очень силен, практически бессмертен, и поэтому на борьбу с ним выделяются значительные силы и средства.

Проведенное исследование показало, что культурологическая составляющая исследования формирования образа врага сосредоточена на том, каким образом различные средства влияния на сознание людей

³⁵ Цит. по: *Потанов, Д.С.* К вопросу об образе врага в социальных и психологических исследованиях. Психология/ Историко-критические обзоры и современные исследования. Т.8, Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» Ногинск, 2019, С.87.

³⁶ *Козырев Г.И.* Образ врага в меняющемся мире. Является ли деление на «своих» и «чужих» рядовой приметой человечества http://www.ng.ru/stsenarii/2013-06-25/9_enemy.html от 25.06.2013 (дата обращения 14.05.2023): Текст электронный.

формируют коллективное восприятие реального или потенциального врага. Учеными исследовались механизмы и средства влияния радио, телевидения, произведений киноискусства, печатного слова, публичных выступлений политиков, государственных деятелей, известных деятелей искусства на формирование коллективного восприятия образа врага. При этом, в большей части, это влияние исследовалось учеными в контексте обозначения врагов внутренних, нежели внешних. Однако авторским исследованием подтверждена необходимость проанализировать этот пласт полученных результатов для реализации исследовательских задач диссертационной работы. Используя принцип аналогии, исходя из социетальной характеристики международных отношений, возможно применить их для конкретного исторического исследования.

В исследованных автором материалах, касающихся культурологических аспектов, выявлено, что образ врага в межкультурном взаимодействии анализировался, в основном, в контексте гуманитарного понимания концептов «национальный дух», «национальный характер» или «национальное чувство».³⁷ При этом, рассуждения ученых, фактически, сводилось к, актуальному для конкретного исторического отрезка, «этнонационализму». Это не противоречит авторской точке зрения о психологической основе категории «образ врага» - объединяющей категории, раскрывающей болевые концепты отечественной идеологии XX века.

Анализируя ресурсную составляющую влияния на общественный психологический климат нации, следует отметить, что, из уже перечисленных средств влияния, нельзя выделить какой-то конкретный элемент, как наиболее важный: кино, радио или печатное слово, официальный документ, публичная

³⁷ См.: Репина, Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9-19. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/39_1/repina_l.p./national-character-and-the-image-of-the-other (дата обращения 12.05.2023). Текст электронный.

речь или контент Интернет-ресурсов. Автор посчитал возможным и необходимым представить в рукописи результаты краткого анализа каждого из обозначенных средств влияния на коллективное сознание в указанном аспекте исследования. Ибо, как уже было отмечено, психологический климат нации, определяющий общую национальную идею, формируется из психологических климатов каждого из субъектов, представляющих эту нацию. Будь то конкретный человек или даже небольшой человеческий коллектив.

Следует начинать, вероятно, с киноискусства, которое в соответствии с крылатым, многократно перефразированным выражением, «из всех искусств для нас является важнейшим».³⁸ В этом контексте главенствующая роль отводилась документальным фильмам, демонизирующим образ врага, на основе кадров, к примеру, реальных жизненных фронтовых событий. Ярким примером в этом может служить цикл 22 номеров (№63-84) «Союзкиножурнала» (СКЖ) начального периода Великой Отечественной войны в 1941 году, где в 18 лентах демонстрировались всего лишь 12 уничтоженных вражеских самолетов.³⁹ Представляя их с разных ракурсов, дабы исключить их однозначное восприятие аудиторией смотрящих информационные выпуски. В то время, как советская авиация находилась в катастрофическом состоянии, неся ужасающие потери на земле и в воздухе. При этом, по мнению А. Назарова, представленному в сборнике «Образ врага» Издательства ОГИ в 2005 г. по материалам круглого стола, организованного информационно-политическим каналом Полит.ру в 2002 г., такой подход в киноискусстве того времени был обоснованным. Обоснованность определялась необходимостью формирования особого психологического

³⁸ См.: Запись беседы с Луначарским (по материалу «Советское Кино» № 1-2, 1933, С. 10) Ленин В.И. ПСС Т.44. – С.579.

³⁹ См.: РГАКФД 4624-4644.

климата советского общества, воспитанного на постулатах предвоенного времени о непобедимости Красной Армии.

Это касалось не только приведенного примера начального периода Великой Отечественной войны. Использование в документальном и игровом кино, образа пленного врага и его уничтоженной техники, на фоне жизнерадостных русских солдат, отвечало ожиданиям подавляющей части граждан нашей страны и выполняло объединяющую функцию.

Исследуя такое направление, как литература, следует констатировать, что печатное слово в отечественной истории играло и продолжает играть значительную роль. Это касается не только межчеловеческой коммуникации, но и направлений межгосударственного взаимодействия.

Анализ документов архивного толка подтверждает, что источниками формирования образа врага становились наши представители внешнеполитического ведомства и журналисты, работающие в зарубежных государствах. Подготавливаемые ими аналитические записки и отчеты, статьи по состоянию общественных и политических настроений в государствах пребывания, носили, конечно же, субъективный характер. Однако эти документы были порождением отечественного идеологического влияния, основанного на необходимости защиты, прежде всего, национальных интересов страны. Оценке значимости этого средства формирования образа врага в рукописи будет посвящен отдельный материал в диссертационном исследовании.

Если значительное количество, упоминаемых в этом контексте, документов не было доступно широкому кругу читателей, то восполняли недостаток информации о других странах, настроениях людей, взглядах высшего политического руководства, различные печатные издания, издаваемые, иногда, миллионными тиражами. Это были газеты и журналы, печатающие материал, говоря научным языком, содержащим уже вторичную информацию, осмысленную и «прокачанную» через себя авторами. В веке XX

пресса стала важнейшим средством проникновения во все сферы жизни человека на всех уровнях его взаимодействия для формирования внешнеполитических стереотипов.⁴⁰ Как правило, в материалах печатных изданий транслировалось превращение образа конкурентов, соперников, противников в образ врагов. При этом печатное слово не только формировало общественное настроение, но и было «индикатором»⁴¹ пропагандистского потенциала государственной власти. Оно, фактически, отражало силу или слабость власти по завоеванию общественного настроения и направления его в нужное для властных структур русло. Хорошим примером может служить оценка предвоенного времени в начале XX века. Перед русско-японской и Первой мировой войнами, не смотря на значительное пропагандистское влияние отечественной прессы, в качестве основного врага общество рассматривало свое правительство, которое не могло справиться с внутренними проблемами. А внешние проблемы, противники или враги в общественном сознании российского ментального восприятия, оценивались как явление вторичное.

Литературные художественные произведения, стихи, песни также отражали общественное настроение по поводу образности человеческого зла.

Как никогда актуально, по этому поводу, могут звучать слова песни «Широка страна моя родная», написанной в 1936 году к кинофильму «Цирк». Они подтверждают настрой граждан страны на ее защиту от врага во всех его проявлениях не только в военное, но и в мирное время. «Но сурово брови мы насупим, - Если враг захочет нас сломать, - Как невесту Родину мы любим, -

⁴⁰ *Поршнева О.С.* Историография и источники изучения образов союзников в сознании российского общества в годы Первой мировой войны // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — XX веков. Сб. ст. Челябинск, 2011. – С. 492.

⁴¹ *Эйдук, Д.В.* Образ врага и перспективы войны в русской периодической печати 1914-1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. – С. 3.

Бережем, как ласковую мать!». ⁴² В этом произведении образ врага представлен в гипотетическом контексте и не конкретен.

Исследуя степень влияния публичных выступлений представителей политической и военной элиты, поддерживаемые позициями известных личностей страны, нужно отметить, что слова в этих выступлениях, описывающие потенциального или реального врага, являлись мощным средством организации и нацеливания общественного мнения на борьбу с внешним врагом. Так, выступая весной 1903 года, во время официального визита во Францию, Эдуард VII констатировал факт прекращения враждебных англо-французских отношений. ⁴³ И здесь же акцентировал внимание на то, что им (Британии и Франции) стоит бояться Германии. ⁴⁴ Или в докладе Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза СССР 31 октября 1939 г., когда уже началась Вторая мировая война, давая оценку международному положению СССР, была представлена трансформация образа врага, в лице Германии, – в объект, если не дружбы с Советским Союзом в международной среде, то уж точно, не в причину конфронтационного противостояния. Что подтверждается словами: «Наши отношения с Германией >...< улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлении к миру» ⁴⁵.

⁴² Музыка Исаака Дунаевского, слова Василия Лебедева-Кумача (прим. автора)

⁴³ Лемонон, Э. Очерк истории англо-французских отношений. М., 1923, С.68.

⁴⁴ Fyfe H. The Illusion of National Character. P. 110.

⁴⁵ О внешней политике Советского Союза, доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза СССР 31 октября 1939 г./Комсомольская правда 1 ноября 1939 г. № 251 (4434), С. 1, Библиотека им. Н.А. Некрасова, electro.nekrasovka.ru, URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6148916/pages/1> (дата обращения 21.06.2023). Текст электронный.

Резюмируя результаты анализа культурологического аспекта формирования образа врага, нельзя не упомянуть такой значительный пласт знаний, который сформировался и институализировался в XX веке в виде имагологии – вполне самостоятельной междисциплинарной отрасли знания об образах «других/чужих». Основоположниками теоретических разработок, составляющих научный интерес этой отрасли сравнительного литературоведения в XX стали Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяр. Продолжил новаторство в исследовательском направлении имагологии Х. Дизеринк. Из отечественных ученых, занимавшихся проблематикой национальной идеи, национальных образов следует назвать М.П. Алексеева, М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, которые акцентировали внимание на исследовании своей культуры в контексте культуры чужой, другого народа.⁴⁶

В своем исследовании автор не считает возможным углубляться в чисто культурологическую составляющую формирования образа врага в международных отношениях. Ибо не это средство формирования общественного настроения является предметом исследования. А, в значительной степени – только всевозможные средства в их совокупности, как элемент достижения цели объединения нации против врага для защиты своих национальных интересов.

В связи с приведенным, нужно констатировать, что, если отбросить какие бы то ни было конструкты, образ врага – это продукт, создаваемый в интересах государственной власти, прежде всего, для достижения национального интереса страны. Содержание этой категории зависит от ее источника, т.е. того или тех, кто его формирует.

⁴⁶ Рябчикова, Е.Е. Имагология как раздел культуроведческой компаративистики// Слово. Ру: балтийский акцент. 2018.Т.9. С.52-59 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-razdel-literaturovedcheskoy-komparativistiki/viewer> (дата обращения 22.06.2023). Текст электронный

В значительном количестве, известных автору, научных трудах утверждается мысль о том, что формирование образа врага свойственно только той власти, которая функционирует в рамках тоталитарных или авторитарных режимов. Автор по результатам, полученным в ходе исследования, позволяет себе не согласиться с такими выводами. И в работе будет представлена иная, отличная от этой, точка зрения. Исследование, в том числе и архивных документов свидетельствует, что образ врага, как ментальный совместный продукт общества и власти формируется в любом государстве. Вне зависимости от формы правления или степени демократизации, исторической памяти народа или иных факторов.

А началом, в формировании подходов к созданию образа врага в международной среде, является сущностная человеческая природная враждебность.⁴⁷ Образ врага формируется в зависимости от ситуации, складывающейся в данное конкретное время в международных отношениях и, находит воплощение/отражение во внешнеполитических устремлениях консолидирующей общества власти.

Так власть фашистского Третьего Рейха, используя миф о «Протоколах сионских мудрецов» не только открыла газовые печи для уничтожения евреев, но и развивая его, сформировала план «Ост» по уничтожению большинства славянского населения Восточной Европы и СССР.⁴⁸ Враждебность национал-социалистической идеологии стала краеугольным камнем, исходя из идеологии З. Фрейда – «уничтожить другого для сохранения себя». При этом авторитарность власти – это лишь та благодатная почва, на которой зиждется враждебность нации, народа.⁴⁹

⁴⁷ См.: С. Фрейд URL: <http://intencia.ru/Pages-view-621-2-1.html> (дата обращения 24.04.2023). Текст электронный.

⁴⁸ См.: По материалу *Штоль В.В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019. – 434 с.

⁴⁹ *Козырев, Г.И.* Образ врага в меняющемся мире. URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2013-06-25/9_enemy.html (дата обращения 20.04.2023). Текст электронный.

Показателем формирования и трансформации образа врага в Советском Союзе можно охарактеризовать историческими фактами начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Стремление советского правительства к сохранению позитивного образа немцев – солдат, являющихся рабочими и крестьянами на своей земле, коренным образом, поменялось после первых недель агрессии Германии против СССР. «Сведения, поступающие с фронтов, свидетельствовали о смертельной угрозе, нависшей не только над самим Советским государством, но и над всеми народами, его населявшими. Предстояла схватка не на жизнь, а на смерть, которая затронет каждого».⁵⁰

В истории международных отношений, исходя из их сложной коммуникационной структуры, проще складывались однозначно определяемые субъекты, как-то друг или враг. Сложнее было найти некоторые, так называемые, полутона. Таким явлением международной жизни можно считать создание Движение Неприсоединения (ДН) в сентябре 1961 г. Создание Движения в годы «холодной войны» стало некой защитной реакцией освободившихся стран от втягивания в идеологическое и военно-политическое противоборство двух блоков.⁵¹ Государствам-участникам ДН*, вне зависимости от формы правления или характера и вида властных режимов, не нужно было выбирать друзей или врагов, - они выбрали национальные интересы, акцентированные на внутреннем развитии страны и общества.

Подтверждая высказанный тезис о том, что формирование образа врага является уделом политической власти с целью достижения национального интереса объединения нации от реальных или потенциальных вызовов и угроз,

⁵⁰ Образ врага и образ союзника в восприятии советских людей. URL: https://encyclopedia.mil.ru/files/morf/VoV_Vol10_Obraz_vraga.pdf (дата обращения 22.04.2023). Текст электронный.

⁵¹ Крылов С.А. Движение неприсоединения: история и современность. /Обозреватель-Observer №3, 2018. – С.27. Текст непосредственный.

* Движение Неприсоединения по состоянию на конец 2022 г. (по данным ООН) насчитывало 120 государств или 60% численного состава участников ООН. Статус наблюдателя в ДН у 18 государств и 10 организаций. (примечание автора)

вне зависимости от существующих в странах политических режимов, следует привести результаты анализа деятельности, к примеру, «самого демократического государства в мире», как они себя позиционируют – это США. Исследованные доктринальные документы США периода «холодной войны», касающиеся вопросов национальной безопасности, изобилуют обозначениями «врагов нации», «стратегических врагов США» в лице конкретных субъектов международной среды или даже их групп. Результаты более развернутого анализа таких документов, в том числе и архивного толка, будут приведены автором в первых параграфах 2 и 3 глав настоящей рукописи.

Не только философы, психологи, социологи и культурологи внесли значимый вклад в дело научной разработки понятия «враг» и «образ врага». Свою лепту в этот процесс внесли и политологи с историками.

Так в политологических исследованиях, известных автору,⁵² категория «образ врага» встречается достаточно часто. Разносторонность и политический аспект этих исследований отражает, в основном, исследования, как уже упоминалось, врага внутреннего. Оценочные подходы, в этом случае, позволили авторам получить результаты, на основании которых делались выводы и предложения по сохранению действующей государственной власти, формированию легитимных аспектов ее существования, созданию той

⁵² *Ачкасов, В.А.* Роль «образ врага» в процессах этнополитической мобилизации// ПОЛИТЭКС, Т. 12 №1 С. 106-124; *Денисов, Д.А.* Идентификация образа врага в политической коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-obraza-vraga-v-politicheskoy-kommunikatsii-1/viewer> (дата обращения 12.02.2023) – С. 113-125; *Кузьминская, С.И.* «Образ врага» в современной политической мифологии//Вестник ВГУ 2016, №3. – С. 49-52; *Бачурин, В.Д.* Формирование дискурсивного образа «Врага» в политическом языке (на материале Тони Блэра, посвященных войне в Ираке) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-diskursivnogo-obraza-vraga-v-politicheskom-yazyke-na-materiale-rechey-toni-blera-posvyaschennyh-voyne-v-irake/viewer> (дата обращения 12.02.2023), 2016. – С.75-78; *Савельев, А.Н.* Образ врага URL: http://www.zlev.ru/910_18.htm (дата обращения 13.02.2023); *Иванова, М.С.* Образ друга и врага в политической науке. Международные политические аспекты//Modern science, 2021 №5-1, С.374-379; *Хауэр-Тюкаркина О.М.* Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государств//Мир и политика. М.: октябрь 2018. – С.181-194. Текст: непосредственный и др.

политической атмосферы в государствах, которая позволяла институционализировать структурные элементы этой власти в интересах формирования нужного ей восприятия внутренних врагов.

Как показало проводимое исследование, подходы и оценки внешних врагов в различные исторические периоды были совершенно противоположными по поводу образа врага вообще, как источника и основы межгосударственных противоречий. Так, к примеру, в период горбачевского «нового мышления» экспертным политологическим сообществом пропагандировался тезис о том, что «плохих народов нет, а есть только плохие люди».⁵³ Тем самым использовалось некое размывание этого образа с учетом международных реалий взаимоотношений и присутствию в них субъективной оценки первого лица страны. При этом, понимание политической сущности образа врага, обоснованное К. Шмиттом⁵⁴, включает в себя именно государственно-политическую основу, как базового посыла в его формировании. Образ врага для него не виртуален, а конкретен, экзистенциален. Воспринимается только в сфере политического противопоставления борющихся противоположных общностей людей. Перенос этой борьбы в публичную сферу дает возможность определять категорию «образа врага», как категорию присущую только политике в международных отношениях, а не экономике, морали или иному.⁵⁵ Развивая теоретические постулаты К. Шмитта, политологические исследования позволили авторам разработать и представить целую линейку типологии образов, связанных с образом врага в международных отношениях. В ней представлены такие понятия, как: образ стратегического партнера, образ

⁵³ Савельев, А.Н. Образ врага URL: http://www.zlev.ru/910_18.htm (дата обращения 16.05.2023). Текст электронный.

⁵⁴ По материалу Schmitt K. „Der Begriff des Politischen“ URL: https://www.kuwi.europa-uni.de/de/lehrstuhl/ehemalige_professoren/neuzeit/lehre/lehresose13/c_-schmitt_der-begriff-des-politischen.pdf (дата обращения 16.06.2023). Текст электронный.

⁵⁵ См. Там же.

соперника, образ врага для многополярного мира; образ независимого государства, образ государства-единомышленника, образ «государства-изгоя», образ нейтрального государства.⁵⁶ Все указанные понятия разрабатывались и обосновывались уже с учетом исторического формирования и трансформации образности «своих» и «чужих» в международной среде.

Массив исторических работ, исследованных автором,⁵⁷ тоже достаточно широк. Позволяет говорить о достаточно значительном охвате, практически, всей тематики в сфере предмета диссертационного исследования. Однако наибольшую ценность для проводимого исследования представляют работы, выполненные в контексте формирования образа врага в межнациональном, межгосударственном аспекте эволюционного развития. Результатами исторических исследований подтверждается, что, к примеру, в идеологической борьбе периода холодной войны противостояние доходило до того, что на фоне признания гражданами ФРГ и ГДР друг друга врагами, должны были быть сформированы две немецкие нации.⁵⁸

Некоторую ошибочность суждений, в авторском понимании, можно наблюдать в исторических работах советского и начального постсоветского периодов. Это связано с заимствованием подходов отечественными

⁵⁶ Хауэр-Тюкаркина, О.М. Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государств//Мир и политика. М.: октябрь 2018, С.192-193. Текст: непосредственный.

⁵⁷ Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Л., 1989. – 433 с.; Ульянов, П.В. Эволюция содержания «образа врага» (по отношению к Германии) в британской пропаганде в период Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2019. – 218 с.; Григорьева, О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933-1941 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. – 240 с.; Васильева, Н.Ю. Международный аспект в идеологии и политике крайне правых политических движений во Франции в 80-е – первой половине 90-х годов. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. – 228 с.; Сенявская, Е.С. Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование. Дисс...док. ист. наук М. 1999. – 738 с. и др.

⁵⁸ По материалам доклада Бернда Зелинского (Университет Париж-Запад) «Образ врага в ГДР и ФРГ: конкуренция двух систем» на международной конференции «Взглянуть в лицо врагу: Образ врага в культуре XIX, XX веков» 24-25.11.2011 г. Опубликовано в журнале Новое литературное обозрение 2012, №6.

историками у историков западных государств. Когда научное осмысления образа врага сводилось к идеологическому противостоянию и им же обосновывалось. Фактически, образ врага был всего лишь небольшой частью многогранного исследования противоборства социалистической и капиталистической систем.⁵⁹

Но как бы не ошибались политологи и историки, сущностная составляющая образа врага набирала недостающие значения и характеристики и уже, к началу века XXI сформировалась в научном мире, как вполне определенное понятие.

Представление теоретической основы исследования образа врага в современной науке было бы не полным, если бы не были представлены результаты исследования такого феномена, как образ врага в международных отношениях без учета контекста темы диссертационного исследования. А он заключен в том, что автором исследуется процесс формирования указанной образности в аспекте его использования именно как инструмента внешней политики государств. Что само по себе может представлять важнейшее направление в рамках темы работы. Основание этому в том, что большинство исследователей истории внешней политики государств, по большому счету, уделяют недостаточно внимания такому инструменту вообще и его роли во внешней политике государств для достижения национальных интересов.

Некоторые исследователи⁶⁰ выделяют для представления основных инструментов внешней политики, так называемую, силовую составляющую, как рычаг принуждения, способный реализовываться в трех формах: применение военной силы, угроза применения военной силы и демонстрация

⁵⁹ *Фатеев, А.В.* Образ врага в советской пропаганде 1945-1954 гг. М., 1999.

⁶⁰ По материалу *Мухаметов, Р.С.* Инструменты внешней политики России: сущность и форма реализации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-vneshney-politiki-rossii-suschnost-i-formy-realizatsii/viewer>, – С.133 (дата обращения 20.07.2023); Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. № 4. С. 69-80 и др.

силы. Не исключая, при этом, таких инструментов, как экономические меры или санкции (блокады), культурная внешняя политика или «мягкая сила», публичная дипломатия. В политологическом дискурсе инструменты внешней политики государств представлены как в широком, так и в узком смысле. Если в широком смысле инструменты внешней политики воспринимаются исследователями как «искусство ведения государственных дел»,⁶¹ что не дает возможность отличить любой внешнеполитический процесс от применяемых в нем средств. То в узком смысле инструмент внешней политики – это совокупность форм, средств и способов влияния на другие государства в международной среде.⁶² Ну умаляя значения, полученных учеными, результатов по поводу определения инструментальности внешней политики, автор считает возможным определить для данного исследования в качестве составляющей предмета исследования – инструмента внешней политики следующее понятие. Инструмент внешней политики – это средство влияния для достижения цели национального интереса в международной среде, облаченное в определенную форму, в соответствии с внешнеполитическими устремлениями конкретного субъекта – государства.

Выводы по параграфу:

Исходя из приведенного в параграфе материала, необходимо и стало возможным сформулировать часть теоретического вывода в соответствии с первой исследовательской задачей.

Теоретическим основанием в разработке и обозначения в научном понимании категории «образ врага» следует считать результаты, полученные

⁶¹ По материалу Дженна Е. Джордан, Адам Н. Сталберг, М. Троицкий. Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях: определение, значение и дилеммы // Международные процессы, Том 19, № 1r (64). – С.8-9; Шибкова М. Ad hoc альянсы как доминанта внешнеполитического инструментария Италии // Международные процессы. 2021. Т. 19. №1r. – С. 139–154 и др.

⁶² Цит. по: Дженна Е. Джордан, Адам Н. Сталберг, М. Троицкий. Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях: определение, значение и дилеммы // Международные процессы, Том 19, № 1r (64). – С.8-9.

при проведении научного поиска в сфере философии, психологии, социологии, культурологии, политологии и истории. Именно они помогли автору сформировать категорию «образ врага как инструмент внешней политики государства», приемлемую для использования в историческом исследовании эволюции этого достаточно сложного понятия в истории международных отношений XX века. Формулировка этой категории выглядит следующим образом: «Образ врага как инструмент внешней политики государства – это качественная оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании нации (народа) относительно внешнего вида, изображения государственных, социальных, религиозных или иных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям конкретных участников международных отношений, приносящих им вред и являющихся угрозой национальным интересам, представленная как средство влияния для достижения цели национального интереса в международной среде, облаченное в определенную форму, в соответствии с внешнеполитическими устремлениями конкретного субъекта – государства».

Кроме этого, в общетеоретическом плане, следует отметить, что необходимость формирования данной категории определяется не только природной враждебностью человека, что можно считать дискуссионным, а и одним из важнейших направлений деятельности политической власти страны для достижения национальных интересов государства в контексте: самоопределения нации, сохранения суверенитета и территориальной целостности, создания единого психологического климата народа страны и формирования коллективного общественного мнения в международном взаимодействии.

§2. Историография исследования проблемы формирования «образа врага» в международных отношениях

Учитывая сложность предмета исследования и многофакторность влияния на предмет со стороны не только участников международной

деятельности, но и хронологических особенностей требований к оценке национальных интересов субъектов международных отношений, автором было принято решение для проведения фокусирования внимания на историографии исследования проблемы формирования образа врага в международных отношениях.

Представляя проблематику историографии образа врага в международных отношениях, важно для начала отметить, что в разные исторические периоды на ученых-историков давили различные подходы. Так, к примеру, до 1917 года – они были одни, в 1920-е – 1930-е – совершенно другие. Здесь нужно обозначить важность марксистской научной исторической школы, созданной и пропагандируемой Михаилом Николаевичем Покровским и продолженной его учениками с 1920-х годов. Когда в оценке историков господствовал исключительно классовый подход.

В качестве значимого примера указанной школы следует привести трехтомник «История дипломатии», изданный под редакцией Потемкина В.П. в 1941 г. (Т.1) и 1945 г. (Т.2-3) государственным социально-экономическим издательством ОГИЗ. В контексте дипломатического аспекта в работе освещались значимые события международной среды. В его подготовке принимали участие: академик Тарле Е.В., профессора Бахрушин С.В., Ефимов А.В., Косминский Е.А., Нарочницкий А.Л., Минц И.И., Панкратова А.М., Сергеев В.С., Сказкин С.Д., Хвостов В.М. В издании представлен значительно широкий пласт исторического анализа событий международного взаимодействия от древности – первых упоминаний о представителях иных государственных образований, – до начала Второй мировой войны. В указанном издании академиком Тарле в рамках советской исторической школы проанализированы приемы и методы работы, организационные формы и техника дипломатии 20-30-х годов XX века. А профессорами Панкратовой А.М. и Потемкиным В.П. представлены причинно-следственные связи формирования особого фона враждебности в международной среде после

прихода в Германии к власти Гитлера.⁶³ Представленный труд позволил автору прийти к необходимости особого исследовательского подхода в использовании документов архивного толка предвоенного периода.

Вторая половина 1940-х годов и 1950-е годы были посвящены историческому исследованию опыта и уроков Второй мировой войны и созданию научных трудов о Великой Отечественной войне. Решающее значение в создании таких трудов и сохранении памяти о войне сыграла Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР, созданная в 1941 году, в последствии преобразованная в Сектор истории СССР Советского периода Института истории АН СССР (1946 г.), затем – в Сектор истории советского общества (12 марта 1947 г.).⁶⁴ За годы войны в архиве Комиссии было собрано значительно больше материалов, чем в настоящее время находится в ее фонде в Научном архиве Института российской истории РАН. В 1953 г., после обследования комиссией Главного архивного управления данного архива, тогда хранившегося в Отделе рукописных фондов Института истории АН СССР, часть книг и документов была передана в другие архивы и библиотеки, а часть материалов уничтожена.⁶⁵ В первое послевоенное десятилетие было опубликовано значительное количество работ, посвященных как военным событиям Второй мировой и Великой Отечественной войны, так и различным аспектам международного взаимодействия и противостояния. Только по военной истории было издано 43 монографии, 121 военно-исторический очерк, 450 сборников статей и брошюр, 86 сборников документов, 72 мемуарных произведений и дневников. А результатом работы стало издание в 1973-1982 годах 12-томного издания

⁶³ См.: История дипломатии. Т.3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919-1939) под ред. В.П. Потемкина, ОГИЗ, М., 1945., Главы 22-26.

⁶⁴ URL: https://komiswow.ru/Hist_01 (дата обращения 28.05.2025). Текст: электронный.

⁶⁵ См.: Отчет ОРФ Института истории АН СССР за 1953 г. в НА ИРИ РАН. URL: https://komiswow.ru/Hist_01 (дата обращения 28.05.2025). Текст: электронный.

«История Второй мировой войны».⁶⁶ Общий объем издания составляет более 6000 страниц. При этом, проблемам истории международных отношений, отдельным аспектам международной безопасности только по межвоенному периоду посвящена практически треть объема труда.

В 1960-е – 1980-е годы – торжествовал рационализм, как основа осмысления всего исторического процесса.⁶⁷ Этот период был характерен тем, что большинство исторических исследований были ориентированы на три основные направления: доказательство превосходства отечественной науки над американской, как фальсификационной наукой; исследование последствий научно-технической революции в СССР и США; анализ и описание процессов конвергенции в международных отношениях (в широком смысле), как процесса сближения, схождения различных политических, экономических, социальных и культурных систем разных стран в результате глобализации и международной интеграции. К таким работам следует отнести, к примеру, труд «Дипломатия стран социализма» под ред. Громыко А.А.⁶⁸, изданный в издательстве Международные отношения в 1980 г., созданный авторами Дипломатической академии МИД СССР. В нем были отражены международные отношения как с социалистическими, так и с капиталистическими странами, а также особенности деятельности СССР в рамках ООН. При этом весь материал издания базировался на пропаганде теоретических основ ленинских принципов социалистической дипломатии. Использование в работе анализа материала указанного издания привело автора диссертационного исследования к выводу о различии в подходах к

⁶⁶ По материалу: Козлов Л. П. Капитальный труд о подготовке и развязывании второй мировой войны // Новая и новейшая история. — 1976. — Март (№ 3).

⁶⁷ По материалу Алексеева, Г.Д. Изучение методологических проблем истории в XX веке // Труды Института российской истории. Вып. 5 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 226-243.

⁶⁸ URL: <https://imobook.ru/book/arhiv/1980/diplomatiya-stran-sotsializma> (дата обращения 28.05.2025). Текст: электронный.

применению образности врага как инструмента внешней политики для западных государств и СССР.

90-е годы XX века ознаменовались ревизионистскими подходами ко всем историческим событиям, в том числе и, в отечественных исторических школах, под влиянием политических воззрений представителей высшей политической власти, о чем уже упоминалось в начале этой главы. Особенностью этого периода времени было то, что появилось значительное количество трудов, посвященных событиям международных отношений после окончания холодной войны. В работах подвергались анализу причины и последствия развала СССР, развитие новых политических и экономических моделей международной среды, оценка роли международных организаций. При этом большинство научных публикаций данного периода сопровождалось, как правило, «эйфорией дружелюбности» нашей страны с западным сообществом государств. Что в целом не отвечало национальным интересам России. Образ врага в течение почти десяти лет практически исчез из научного исследовательского поля. Отечественные авторы-историки этого исторического периода разделились на две группы. Одна из них придерживалась точки зрения о том, что в российской исторической науке проходили процессы, тождественные науке западной, когда оценивались в основном итоги «холодной» войны. Другая часть историков считала в качестве основной причины историографического кризиса наличие множественности исторических школ, появившихся на рубеже начала 90-х годов.

2000-е годы в историографии проблематики образности врага внесли значительный вклад, что стало очевидным следствием усложнения международного взаимодействия на фоне «поднимающейся с колен» Россией.

В связи в указанным, автор посчитал возможным более подробно остановиться на характеристике работ современных исследователей, касающихся в той или иной степени предмета исследования, что может быть оценено как расширительное представление результатов

историографического анализа в контексте исследованности темы диссертации.

Стоит обратить внимание на совместную работу научного сообщества Дипломатической академии МИД РФ и представителей иных научных и образовательных учреждений нашей страны «Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке»⁶⁹, подготовленную под редакцией Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова, издаваемую с 2017 по 2022 гг. Она содержит широкие аспекты теоретического осмысления современного состояния международных отношений, сложившихся на основе исторических условий XX века, цивилизационно-исторические детерминанты западно-российского противостояния и перспективные направления развития внешней политики ведущих государств мира. Что позволило автору диссертации получить значительный спектр знаний, являющихся базой современного восприятия кризисного состояния международной среды. А также сформулировать собственные авторские выводы и предложения для их возможного использования в современных российских внешнеполитических практиках.

С целью дополнения конкретно исторического контекста проблематики был проведен анализ историографии исследований современных ученых различных научных школ и направлений, реализованные философами⁷⁰,

⁶⁹ Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке: монография / под ред. Т.В. Кашириной и А.В. Аваткова. – 5-е изд. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2022. – 411 с.

⁷⁰ Щукин, Д.А. Философская интерпретация конструирования врага в контексте психологических и психоаналитических теорий 2012; Гуревич, П.С. Образ врага 2009; Тюкаркина, О.М. Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государств и др.

социологами⁷¹, психологами⁷², культурологами⁷³, политологами⁷⁴ и, собственно, историками⁷⁵ с оценкой важности их конкретных трудов. Важно понимать, что формирование образа врага носит мультидисциплинарный характер, однако автором в историографической части исследования акцент делается именно на исторической составляющей данного явления.

Давая историографическую характеристику и обращаясь к работам философской школы, прежде всего, к работе Д.А. Щукина⁷⁶, можно отметить, что автор применяет классический и постклассический психоанализ для раскрытия глубинных, бессознательных механизмов конструирования врага. Анализ нарциссической уязвимости и роли Эдипова комплекса является основным вкладом работы. Работа примечательна тем, что выходит за рамки психологии, связывая конструирование врага с вопросами границ идентичности, природы агрессии и поиска смысла через конфликт. Для данного исторического исследования критически важно, что Д.А. Щукин убедительно показывает, что образ врага – не просто ошибка восприятия, а функциональный конструкт, служащий для сплочения группы, стабилизации

⁷¹ *Сенявская, Е.С.* Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование, 1999; *Поршнев, Б.Ф.* Социальная психология и история 1979; *Козырев, Г.И.* Социология общественного мнения: образ врага в истории, теории и общественном сознании 2023 и др.

⁷² *Поршнев, Б.Ф.* Социальная психология и история 1979; *Потанов, Д.С.* К вопросу об образе врага в социальных и психологических исследованиях 2019; Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны, 2019 и др.

⁷³ *Хоруженко, В.А.* Концепты "Война" и "Враг" в современной русскоязычной публицистике 2010; *Лукин, Р.Н.* Образ врага в религии: особенности антропологической зависимости 2018; *Дорогавцева, И.С.* Я и Другой в современной русской культуре: тенденции ксенофобии и изоляционизма 2017 и др.

⁷⁴ *Рябцева, Е.В.* Американское общественное мнение по проблемам внешней политики и его место в политической системе США 2002, *Феклюнина В.С.* Политический имидж России в американской прессе 2000-2004 гг. 2005; *Палеева Н.В.* Конструирование русского националистического дискурса и его "другие" в 1860-1917 гг. 2006 и др.

⁷⁵ *Жарких, Е.В.* Германия и немцы глазами русских в конце XIX - начале XX веков: социально-экономические аспекты восприятия 2005, Черниловский А.А. Первая мировая война в сознании военной элиты России на рубеже XIX – XX вв. 2005, *Штоль В.В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс или Противостояние как неизбежность 2019 и др.

⁷⁶ *Щукин, Д.А.* Указ. соч.

хрупкой идентичности. Работа детально описывает сам процесс превращения Другого во Врага через механизмы дегуманизации, демонизации, генерализации, приписывания абсолютного зла. Представляется, что в работе Д.А. Щукина недостает конкретных исторических или социологических кейсов, демонстрирующих действие описанных механизмов в реальных политических или социальных контекстах. В этой связи автор настоящего исследования предпринимает попытку применения выявленной Щукиным специфики для демонстрации конкретных исторических примерах.

Работа О.М. Тюкаркиной⁷⁷ имеет четкую культурно-историческую укорененность и напрямую связывает образ врага с ключевыми вопросами международных отношений: формированием внешнеполитического курса, обеспечением национальной безопасности, легитимацией военных действий, мобилизацией ресурсов. Это делает ее исключительно значимой. Тюкаркина убедительно показывает, как образ врага используется государственными элитами как инструмент для достижения конкретных политических целей: консолидации общества вокруг власти, оправдания милитаризации и роста военных расходов, направления внутреннего недовольства вовне, обоснования союзнических обязательств. Работа хорошо раскрывает роль политических элит, идеологов, СМИ в целенаправленном создании и поддержании нужного образа врага в общественном сознании. Данная работа фокусируется на инструментальном использовании образа врага элитами, но меньше внимания уделяет причинам эффективности этого инструмента.

Историко-социологический ракурс представлен исследованиями Е.С. Сенявской, Б.Ф. Поршнева и Г.И. Козырева. Е.С. Сенявская⁷⁸ дает эмпирический материал «изнутри» конфликтов России XX века. Б.Ф. Поршнев⁷⁹ предлагает фундаментальную, хотя и идеологически

⁷⁷ Тюкаркина, О.М. Указ. соч.

⁷⁸ Сенявская, Е.С. Указ. соч.

⁷⁹ Поршнев, Б.Ф. Указ. соч.

обусловленную, теоретическую модель социальной динамики «Мы-они». Г.И. Козырев⁸⁰ актуализирует проблему, фокусируясь на роли современного общественного мнения и цифровой среды. Их сильные стороны – в исторической конкретике, теоретическом обосновании связи психологии и истории и методологическом оснащении для изучения современных реалий.

Важная особенность работы Е.С. Сениявской⁸¹ – опора на письма, дневники, воспоминания, опросы ветеранов. Это дает доступ к «истории снизу», к субъективному опыту и восприятию врага рядовыми участниками событий. Анализ эволюции образа врага на протяжении ключевых войн XX века позволяет выявить динамику, преемственность и специфику в разных конфликтах. Работа детально показывает, как образ врага формируется и трансформируется под влиянием реального боевого опыта, пропаганды, идеологии, личных потерь, взаимодействия с мирным населением противника и пленными. Однако в данной работе явно превалирует образ врага в военное время, данная категория в мирное время проанализирована менее детально. Вместе с тем, роль государственной пропаганды, СМИ, образования в формировании образа у солдат показана опосредованно, через восприятие, но не как целенаправленный процесс.

Поршнев Б.Ф.⁸² предложил ключевую социально-психологическую модель для понимания генезиса образа врага. Концепция «контрагента» (противодействующей группы) и ее трансформации во «врага» через противоборство интересов и негативную атрибуцию стала классической. Работа показывает, как образ врага возникает и изменяется на основе реальных социально-экономических противоречий (классовых, национальных, государственных), а не только как психологический феномен. В работе анализируются примеры из разных эпох и обществ, что подкрепляет тезис об

⁸⁰ Козырев, Г.И. Указ. соч.

⁸¹ Сениявская, Е.С. Указ. соч.

⁸² Поршнев, Б.Ф. Указ. соч.

универсальности механизма. Однако, бросается в глаза идеологическая ангажированность. Классовый подход часто довлеет над анализом, этнические и религиозные факторы трактуются вторично. Критика капитализма/империализма как главного источника образа врага может казаться упрощенной. Сделан акцент на периодах открытых конфликтов и революций, с уделением меньшего внимания образу врага в стабильные периоды или в условиях холодной войны.

Г.И. Козырев⁸³ помещает образ врага в центр социологии общественного мнения, анализируя, как он формируется, распространяется и измеряется в массовом сознании. Это важный сдвиг от элит⁸⁴ и участников войн⁸⁵ к широким слоям населения. Работа опирается на репрезентативные опросы, контент-анализ средств массовой информации и соцсетей, фокус-группы. Глубоко исследуется роль традиционных СМИ, Интернета, социальных сетей. Однако акцент на сравнительно новых тенденциях представляет угрозу исторической перспективе.

Все рассмотренные историко-социологические работы подчеркивают социальную природу и контекстуальность образа врага, его функциональность для групповой консолидации и связь с реальными или воспринимаемыми конфликтами интересов.

Психологические исследования добавляют в исследование актуальный мета-анализ и специфику восприятия конкретного образа врага. При этом Д.С. Потапов⁸⁶ дает обобщенную теоретико-методологическую карту исследований образа врага. С.В. Коршенко⁸⁷ предоставляет конкретное историческое наполнение, яркую иллюстрацию того, как теоретические

⁸³ Козырев, Г.И. Указ. соч.

⁸⁴ Тюкаркина, О.М. Указ. соч.

⁸⁵ Сениявская, Е.С. Указ. соч.

⁸⁶ Потапов, Д.С. Указ. соч.

⁸⁷ Коршенко С.В. Указ. соч.

механизмы работали в реальной практике конструирования конкретного образа в специфических условиях.

Работа Д.С. Потапова⁸⁸ систематизирует современное состояние исследований образа врага в российской социальной психологии, социологии и смежных дисциплинах. В части психологии автор апеллирует к бессознательным механизмам. В исторической части обращается к эволюции культурного архетипа образа врага. Автор подчеркивает необходимость интеграции подходов из психологии, социологии, политологии, истории, культурологии для комплексного понимания феномена. Обзор фокусируется преимущественно на российской научной традиции, недостаточно интегрируя современные западные теории и исследования. Работа С.В. Коршенко⁸⁹ представляет важный анализ конкретного примера: конструирования и трансформация образа врага – Японии в конкретном историческом и политическом контексте в предвоенный период и в ходе Второй мировой войны. Автор опирается на архивные материалы, включая сводки НКВД о настроениях населения, прессу, мемуары и произведения культуры. Это позволяет проанализировать образ врага как понятие с разных сторон.

Автор выявляет взаимозависимость между официальным пропагандистским конструктом и его восприятием/трансформацией населением. Примечательно, что образ Японии существовал «в тени» образа главного врага – нацистской Германии, его актуализация происходила по мере изменения военной ситуации.

Приведенные в историографическом обзоре психологические работы демонстрируют сложность феномена конструирования образа врага на конкретных исторических примерах.

⁸⁸ Потапов, Д.С. Указ. соч.

⁸⁹ Коршенко С.В. Указ. соч.

Культурологический аспект формирования образа врага методами лингвокультурологии и дискурс-анализа дан в работе В.А. Хоруженко⁹⁰. Исследование зафиксировало важный пласт дискурса постсоветского периода, отражающий трансформацию образов конфликта и врага. Работа опирается на анализ прессы, что обеспечивает конкретику и связь с практикой: детально показано, как с помощью каких слов, метафор, текстовых конструкций формируется образ врага в публицистике. Материалы СМИ по определению тенденциозны, однако отражают намерения своего исторического периода.

Р.Н. Лукин⁹¹ рассматривает образ врага в религиозном сознании и дискурсе, его антропологические корни. Сочетание религиоведения и антропологии позволяет глубоко исследовать глубинные, универсальные механизмы формирования образа врага.

И.С. Дорогавцева⁹² исследует динамику взаимоотношений индивидуального и коллективного «Я» и «Другого» в российском социокультурном пространстве, роста ксенофобских настроений и изоляционистских тенденций, затрагивая ключевые и болезненные проблемы современного российского общества. Исследование содержит важный критический анализ опасных социальных тенденций и позволяет провести их оценку с научной точки зрения.

Работы культурологического направления дают многогранную картину: от глубинных антропологических механизмов через инструменты их актуализации в языке – к проявлению в конкретных социокультурных тенденциях. Эти работы представляют интерес, так как подчеркивают универсальность феномена образа врага.

Политологические работы фокусируются на важных и конкретных аспектах политических и исторических процессов, связанных с Россией и

⁹⁰ Хоруженко, В.А. Указ. соч.

⁹¹ Лукин, Р.Н. Указ. соч.

⁹² Дорогавцева, И.С. Указ. соч.

восприятием нашей страны. Е.В. Рябцева⁹³ рассматривает механизмы формирования общественного мнения США в сфере внешней политики, его влияние на политическую систему и принятие решений. Работа дает комплексное представление о месте общественного мнения в политической системе США, рассматривая не только его влияние «снизу», но и механизмы управления им «сверху» - роль элит, СМИ, администрации. В работе исследуются каналы взаимодействия общественного мнения и власти. Основное внимание в работе уделено теоретико-институциональному анализу, глубокий разбор конкретных кейсов влияния общественного мнения на ключевые внешнеполитические решения (особенно в контексте России) представлен недостаточно широко.

Работа Н.В. Палеевой⁹⁴ посвящена иному историческому периоду - 1860-1917 гг. И, хотя, он частично выходит за рамки настоящего исследования, работа представляет собой большой интерес и служит цели изучения предпосылок формирования идеологии и риторики русского национализма через призму «свой-чужой». Применение в работе дискурс-анализа позволяет раскрыть не только явные идеи, но и скрытые смыслы в языке, механизмы формирования идентичности.

Представленные работы Рябцевой Е.В., Феклюниной В.С. и Палеевой Н.В. являются значимыми исследованиями. Они заложили основу для понимания механизмов американской политики, формирования имиджа России и исторических корней русского национализма.

Работы отечественных историков рассматривают процесс формирования образа врага как в отечественной, так и в зарубежной истории.

Е.В. Жарких⁹⁵ анализирует восприятие Германии и немцев русским обществом через призму социально-экономических успехов/проблем

⁹³ Рябцева, Е.В. Указ. соч.

⁹⁴ Палеева Н.В. Указ. соч.

⁹⁵ Жарких, Е.В. Указ. соч.

Германии и их сравнения с Россией. Важно отметить, что обращение к истории восприятий и образов «Другого» было относительно новым для российской историографии начала 2000-х, особенно с акцентом на социально-экономические аспекты. Автор убедительно показывает двойственность восприятия: восхищение немецким порядком, трудолюбием, экономической эффективностью противопоставляется неприятию немецкого практицизма, меркантильности и политической агрессивности. Анализ мог бы быть более систематизирован по социальным группам. Дело в том, что информация из приведенных источников отражает взгляды образованных слоев. Восприятие крестьян и рабочих представлено меньше.

А.А. Черниловский⁹⁶ исследовал представления, ожидания, страхи и стратегические расчеты высшего русского генералитета и офицерства накануне Первой мировой войны относительно ее характера, вероятного противника и исхода войны. Сильной стороной работы является концентрация на ключевой группе – военной элите, чьи представления напрямую влияли на планирование и принятие иногда роковых решений. Однако обратная сторона заключается в том, что «голос» среднего офицерства, который также формировал атмосферу, представлен слабее.

В.В. Штоль⁹⁷ предпринимает попытку осмыслить многовековую динамику отношений в поисках корней современной конфронтации России и Запада. Автор проводит критический анализ попыток сближения как обреченных на провал из-за несовместимости интересов и мировоззрений. Однако широта охвата неизбежно ведет к обобщениям, которые могут не учитывать нюансы конкретных исторических эпох, сложность и изменчивость как России, так и Запада.

Приведенные исторические работы дополняют друг друга: Е.В. Жарких показывает «фон» общественных настроений, А.А. Черниловский анализирует

⁹⁶ Черниловский А.А. Указ. соч.

⁹⁷ Штоль В.В. Указ. соч.

представления тех, кто непосредственно готовил армию к войне и принимал решения, а В.В. Штоль предлагает макроисторическую рамку для интерпретации многовекового тренда отношений, в который вписываются и предвоенное восприятие, и военные планы, и сама Первая мировая как эпизод «неизбежного» противостояния.

На основе изучения подходов в различные исторические периоды XX века к историческому контексту развития нашего Отечества в целом и направлений его деятельности, а также исходя из многокритериальности оценки исторических событий в различные периоды XX века при освещении истории международной среды, следует обозначить периоды «обострения» внимания к формированию категории «враг». Это: предвоенные (Первой – с начала XX века и до 1914 года и Второй мировых войн – с начала 30-х годов и до 1939 г.) и соответствующие военные (1914 – 1918 гг. и 1939 -1945 гг.), а также период «холодной войны» (1946-1991 гг.). При этом, обострение внешнеполитического внимания, в обозначенные исторические отрезки времени указанной проблематике, имело различную интенсивность и направленность, которая зависела от применяемых критериев. Что установлено предыдущим научным поиском и данным диссертационным исследованием.

Научно установленным фактом является то, что любая война начинается задолго до ее официального начала. Начинается она именно с того, что в обществах начинается формирование психологии «свой-чужой», основанной на акцентировании патриотических воззрений, национальных чувств и традиций. Воскрешаются старые обиды и создаются новые. Власть заставляет народ проходить путь от пренебрежительно-высокомерного отношения к другому народу, типа «хто не скачэ – той москаль»* – до полного отрицания

культуры другого народа (других народов), носителем которой является «враг».⁹⁸

Исследованием предвоенных взглядов на обозначенную проблему установлено, а архивные документы это подтверждают⁹⁹, что в период с начала XX века и до 1914 года первопричиной обращения к образу «врага» действующих режимов, подкрепленного исследованиями научных сообществ в большинстве государств Европы, стало совпадение по времени основных процессов, фактически, завершившихся к началу века. Это становление индустриального общества и окончание институционального оформления государств-наций. Указанные процессы в различных странах были разнотемновыми и на них влияло различное количество совершенно отличных друг от друга, на основании национально-этнических признаков, факторов. В связи с этим, наблюдалась значительная активизация внутрисударственных националистических настроений. Национализм в это время становится идеологической основой государственной власти в значительном количестве европейских государств. Так накануне Первой мировой войны были образованы националистические союзы и партии «Alldeutscher Verband» в Германии, «Ligue de Patrie Française» во Франции и «Националисты» в России.¹⁰⁰

Дополняя историографическую составляющую исследования, автор считал необходимым акцентировать внимание на причинно-следственных

* Примечание автора.

⁹⁸Сенявская, Е.С. Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование. Диссертация. М. 1999 URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologiya-rossiiskikh-uchastnikov-voin-xx-veka-sravnitelno-istoricheskoe-issledovanie> С. 460 (дата обращения 17.12.2022). Текст: электронный.

⁹⁹Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительства 1878-1917 гг. – М., Л.: Гос.- соц.-экон. из-во 1931-1938. Текст: непосредственный.

¹⁰⁰История внешней политики России: В 5 т. Т. 5. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). — М.: Академический проект; Парадигма, 2018, С.11-12. Текст: непосредственный.

связях, позволивших научному сообществу обеспечивать сопровождение решений высшего государственного уровня в конкретных исторических условиях с учетом хронологического подхода.

Так, анализируя упомянутые ранее, так называемые, военные периоды в обострении процесса формирования образа врага, автор считает уместным отметить, что после начала открытых военных действий между государствами на формирование образа врага направлялись все усилия государственных механизмов, дабы объединить и нацелить нацию для защиты суверенитета. Не оставалась в стороне и наука. Формированием образа врага решалась задача не только сохранения нации как таковой, но и достигались военно-политические цели войны. При этом во внешнеполитическом аспекте использовались все имеющиеся возможности, вплоть до привлечения на свою сторону нейтральных государств. Так 29/16 марта 1916 года в памятной секретной записке английского посольства в Петрограде министру иностранных дел¹⁰¹ сообщалось, что германское правительство усиливая свою враждебную пропаганду, «собирается привлечь на свою сторону Швецию, дабы та могла захватить Финляндию, Карелию и Кольскую железную дорогу, стратегически важную для России». А для внутреннего влияния на внешнеполитические действия Швеции, благодаря созданию общественного мнения в пользу Германии, планировалось создать там новую политическую партию – «младо-консерваторов». И для реализации такой задачи в Швеции было создано особое бюро печати, обеспечивающее русских социалистов в Стокгольме германскими известиями.

В 30-е годы XX века (до начала Второй мировой войны) основой для обращения к образу врага в международных отношениях однозначно определялось противостояние между коммунистической и буржуазной

¹⁰¹ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительства 1878-1917 гг. – М., Л.: Гос.- соц.-экон. из-во 1931-1938. – С. 526. Текст: непосредственный.

идеологиями. При этом подавляющее влияние имела, так называемая, национал-империалистическая идеология, а коммунистическая идеология с позиции западного сообщества, определялась чуждой, враждебной и не содержащей общемировых ценностных начал. С точки зрения созданного в СССР марксистско-ленинского учения – наоборот: врагом свободы, равенства и справедливости была определена империалистическая идеология. Начиная с 1933 года, когда националистическая фашистская власть в Германии оформилась окончательно, происходит перелом во взаимоотношениях двух идеологически противоположных систем мира: социалистической и буржуазной. Это связано с осознанием общей угрозы перед устремлениями фашистской идеологии в Германии о мировом господстве. Образ врага и противостояние ему становится общей заботой большинства стран мира. С этой целью 18 сентября 1934 года СССР вступает в Лигу наций, дабы попытаться сформировать единую систему коллективной безопасности.¹⁰² Международной традицией 30-х годов XX века стало заключение Пактов о ненападении и Пактов военно-политического характера, когда из 15 таких пактов – 11 были заключены с Германией, что обозначило главного врага европейских государств и разделило мир на «своих» и «чужих». Советский Союз также заключил пять пактов о ненападении: с Францией, Польшей, Японией, Финляндией и Германией.* Как свидетельствует история, государства начинали чаще войну с партнерами по заключенным пактам, нежели со странами, с которыми таких договоров не было.¹⁰³ Таким образом можно констатировать, что перед Второй мировой войной основным критерием для обозначения образа врага становятся государства-нации – носители фашистской идеологии.

¹⁰²URL: <https://worldtable.info/istorija/vneshnjaja-politika-sssr-v-30-ye-gody-tablica.html> (дата обращения 5.01.2023). Текст: электронный.

*Результаты авторского анализа.

¹⁰³ Volker Krause, J. David Singer «Minor Powers, Alliances, And Armed Conflict: Some Preliminary Patterns», in «Small States and Alliances», 2001, pp 15-2. Текст: электронный.

Участие нашего народа в военном периоде Второй мировой войны (официально еще не начавшейся) следовало бы обозначать с событий гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.). Она стала прологом в развернувшемся с 1939 года мировом противостоянии с фашизмом. В этой войне очень ярко проявилось антагонистическое противостояние идеологий фашизма, либерализма, социализма, коммунизма и анархизма. При этом, каждая из участвующих сторон формировала свой подход к обозначению образа врага. Так испанский поэт Антонио Мачадо называет путчистов, во главе с Ф. Франко, отрядом палачей,¹⁰⁴ разделивших один народ на две Испании – умирающую и зевающую – еще не проснувшуюся. Уже в период этого, указанного, военного противостояния опосредованно оформились враждующие коалиции. Германия, Италия, Португалия и Исландия поддерживали с самого начала путчистов, а республиканское правительство поддерживалось СССР и Мексикой. Эта поддержка с обеих сторон представлялась не только в виде поставок вооружения и военной техники, но и в непосредственном участии добровольцев в боевом столкновении непосредственно на полях сражений. Так со стороны СССР в боевых действиях в качестве добровольцев участвовало более 2 000 человек и около 2 000 советников. Коммунистический интернационал направил в Испанию для помощи республиканцам своих добровольцев в составе интернациональных бригад, численность которых составляла к 1939 г. до 40 000 человек.¹⁰⁵

Военный период с 1939 по 1945 годы является одним из важнейших кризисных периодов в истории межгосударственного взаимодействия. В нем, как в зеркале, отразились те характерные черты взаимоотношений народов и стран друг к другу, которые способствовали проявлению дружественности

¹⁰⁴ URL: <https://bigenc.ru/c/grazhdanskaia-voina-v-ispanii-1936-1939-f6d5c7> (дата обращения 16.04.2023) Текст: электронный.

¹⁰⁵ URL: <https://bigenc.ru/c/grazhdanskaia-voina-v-ispanii-1936-1939-f6d5c7> (дата обращения 16.04.2023) Текст: электронный.

или враждебности. При этом отношение политической, бизнес- и военной элиты государств мира порой отличались от взглядов и настроений самих обществ в плане определения образа врага. Наиболее ярко это проявлялось не только в отношении к государствам Оси (Германии, Италии, Японии), но и к странам, поддерживающим агрессию Третьего Рейха или даже участвующих в ней.

Показательным, к примеру, может являться англо-американское определение и трансформация образа врага по отношению к Финляндии – одной из союзниц фашистской Германии, воевавшей против СССР с 1941 по 1944 годы. Когда англичане, выполняя союзнические обязательства с СССР, объявляют войну Финляндии только 6 декабря 1941 г. Участвуют в блокировании ее морских портов и коммуникаций.¹⁰⁶ Но очень ревностно заботятся о ее положении по результатам заключенного с СССР перемирия в 1944 года и вывода ее из войны. США, являясь страной-участницей антигитлеровской коалиции, до конца Второй мировой войны так и не удосужились официально объявить войну Финляндии. Рассматривали эту страну, как торгового союзника в течение всего военного периода времени, проявляя к ней дружественность. Тем самым обеспечили себе на европейском северо-западном направлении стратегический буфер в послевоенном противостоянии с СССР.¹⁰⁷

Послевоенный период в определении образа врага, обозначенный автором в хронологической составляющей, как период «холодной войны» с 1946 по 1991 г. отличен следующим. В международной среде формирование образа врага реализовывалось: во-первых – в рамках мирного времени, хоть и

¹⁰⁶Справка об англо-американской политике по отношению к Финляндии и планах Финляндии выхода из войны. Архив внешней политики РФ, Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова», Опись 5, Литера доп. Дело 482, Папка 38, Л.3. Текст: непосредственный.

¹⁰⁷ Воробьев, С.С., Штоль, В.В. Образ врага в англо-американской внешней политике на примере Финляндии (1941–1944 гг.) Журнал «Обозреватель» № 3, 2023, С.100-110. Текст: непосредственный.

под влиянием непримиримых противоречий между идеологиями, национальными интересами и ценностями социалистических обществ в СССР и странах социалистического лагеря – с одной стороны и странах буржуазного строя, в первую очередь, под влиянием и непосредственным руководством англосаксонских государств (США и Великобритании) – с другой; во-вторых – смертельная опасность от врага стала тем неотъемлемым признаком существования человеческой цивилизации, который сформировался после появления в арсеналах государств ядерного оружия, способного физически уничтожить любого противника, не вступая на его территорию. В первую очередь это касалось США и СССР – лидеров в «ядерной гонке»; в-третьих – с конца 60-х годов XX века, когда во всем мире начала осознаваться пагубность появления столь разрушительных средств массового уничтожения, акцент в формировании образа врага был перенесен в сферу информационно-психологического противоборства для создания особого климата самоидентификации и самоопределения наций.

Исходя из представленного, автор считает необходимым применить ряд допущений в исследовании. К ним отнесены следующие:

1. Международные отношения во все указанные хронологические периоды формирования образа врага как инструмента внешней политики представляют собой саморазвивающуюся, трансформирующуюся систему, на состояние которой влияет значительное количество факторов. А так как всю совокупность факторов в исследовании учесть невозможно, то автором принято решение на каждом из исследовательских исторических периодов выделять определенный набор факторов с возможным их описанием и анализом. При этом в качестве факторов, автор берет на себя смелость, использовать материализованные причины и предпосылки, отобранные в соответствии с предложенным автором подходом и критериями на основе принципа историзма: каждому историческому этапу – свои критерии и подходы.

2. В диссертационной работе, опираясь на принцип достоверности, автор за основу берет исследование архивных документов, дополняя их вторичной информацией: аналитическими обзорами, научными статьями специалистов-исследователей, материалами СМИ для реализации прикладной составляющей диссертационного исследования, экспертными заключениями. При этом, учитывая специальность проводимого диссертационного исследования, во главу угла ставятся материалы советского/российского и зарубежных внешнеполитических ведомств.

3. Получаемые научные результаты являются выводами, прежде всего, из исторического исследования. Но в связи с тем, что международные отношения и внешняя политика государства являются «близнецами-братьями», в исторической результирующей конкретике, предусмотрено обязательно присутствие политологической составляющей.

4. Автор очень корректно и уважительно относится к выводам и заключениям предыдущих исследований по тематике диссертационной работы. Поэтому согласие или несогласие с их авторами, высказанные в ходе научного поиска необходимых результатов, не могут рассматриваться как окончательные и необходимы автору для формулирования выводов по каждой исследовательской задаче и предложению научно обоснованных рекомендаций на основании исторического опыта и уроков из проведенного исследования формирования образа врага в истории международных отношений XX века указанного хронологического отрезка времени.

Выводы по параграфу:

Исходя из сложности и многофакторности предмета диссертационной работы автором было принято решение проанализировать историографический аспект исследования проблемы формирования образа врага в истории международных отношений. Можно заключить, что формирование образа врага является мультидисциплинарным феноменом, однако исследование фокусируется на его исторической составляющей.

Образ врага - сознательно или бессознательно конструируемый функциональный инструмент. Он служит целям сплочения группы, стабилизации идентичности, легитимации власти и политики, мобилизации ресурсов и направления агрессии. Понимание феномена требует синтеза знаний из многих наук, но его конкретные проявления, эволюция и инструментализация неразрывно связаны с конкретным историческим контекстом, политическими решениями и социальными процессами, что делает исторический анализ центральным. Государственные и политические элиты играют ключевую роль в целенаправленном конструировании и распространении нужного образа врага через идеологию, пропаганду, СМИ и систему образования для достижения своих целей.

Критерии определения образа врага и механизмы его конструирования исторически изменчивы. В XX веке ключевую роль играли национализм, фашизм, идеологическое противостояние. Механизмы включают дегуманизацию, демонизацию, генерализацию, приписывание абсолютного зла.

Историография и построенное на ее основе исследование позволили прийти к выводу о необходимости комплексного использования в анализе документов архивного толка и иных источников синергии традиционных и современных информационных средств исследования документов.

Выводы по главе 1:

Представляя обобщенный анализ теоретических основ исследования образа врага в общенаучном плане и методологические возможности исследования образа врага как инструмента внешней политики государств в истории международных отношений с построением модели конкретно-исторического исследования и представлением краткой историографии разрешения проблемы, нужно отметить следующее.

В различных научных сферах исследования образа врага, как научной категории, будь то философское, психологическое, социологическое,

культурологическое или иные научные направления, образ врага воспринимается и оценивается учеными-специалистами с точки зрения той сферы научного познания, представителями которой, они являются. В качестве основы определения образа врага ими принимались и использовались либо разделенные категории «враг» и «образ». Либо уже синтезированная «образ врага». Дополняя предложенное определение и, опираясь на необходимость учета хронологической составляющей и применения различных критериев оценки образа врага на различных этапах исторического пути развития международных отношений, а также на исследованные подходы и пути получения этой, синтезированной другими научными направлениями, категории, автор предлагает для истории международных отношений XX века, в контексте исследования ее эволюционного развития, использовать с дополнениями формулировку образа врага как инструмента внешней политики государств, приведенную автором в выводах по параграфу 1. А именно: «Образ врага как инструмент внешней политики государства – это качественная оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании нации (народа) относительно внешнего вида, изображения государственных, социальных, религиозных или иных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям конкретных участников международных отношений, приносящих им вред и являющихся угрозой национальным интересам, представленная как средство влияния для достижения цели национального интереса в международной среде в конкретном историческом периоде, облаченное в определенную форму, в соответствии с внешнеполитическими устремлениями конкретного субъекта – государства».

Глава 2. Эволюция формирования образа врага как инструмента внешней политики зарубежных стран, Российской империи и Советской России/ СССР (1914-1939 гг.)

Как уже было отмечено в предыдущей главе, исследование эволюции в формировании образа врага как инструмента внешней политики в истории международных отношений XX века следует представлять в двух аспектах: зарубежном и отечественном. При этом, в каждом из аспектов существуют свои особенности и критерии обоснования необходимости в навязывании такого образа в международной среде.

§1. Подходы зарубежных стран в формировании образа врага для реализации национальных интересов перед началом и в ходе Первой мировой войны и межвоенном периоде

Проводимым исследованием установлено, что национальный интерес того или иного участника международных отношений является не только «движущей силой» в формировании образа врага, но и доминирующим трендом внешнеполитического вектора субъекта международного участия в определенном историческом периоде.

Автор счел необходимым начинать исследование зарубежных подходов формирования образа врага, в указанном контексте, в соответствии с хронологической составляющей, обозначенной в параграфе 2 первой главы рукописи диссертации. Начальным этапом, в этом смысле, следует указать время от начала XX века и до 1914 года.

Проводимым исследованием установлено, что в указанном историческом этапе в международных отношениях превалировал принцип формирования стереотипов в определении «свой-чужой». При этом, влияние таковых было столь велико, что их наличие и эволюция определяли как характер принимаемых внешнеполитических решений участниками международной среды, так и причины, ход и исход возможных будущих вооруженных противостояний.

Исследование зарубежных взглядов на формирование образа врага следует начинать с общих подходов английских научных школ: Дж. Грина и С. Пинкуса, а также П. Брендона, П. Коллинса и Ф. Маклина.¹⁰⁸ Стереотипность формирования образа чужого была определена в этих школах через противостояние образа островного народа (островитян) и материковых (всех остальных) народов. Этими школами в указанный период, фактически, был заложен фундамент британской официальной пропаганды по ментальному формированию образа врага. Островной менталитет основывался на превосходности британских национальных и культурных традиций, совокупности внутренних и внешних факторов их формирующих. Так с конца XIX века – начале XX века целенаправленно создавался образ врага в лице Германии, основанный на концепте «англо-германского антагонизма». При этом практическую составляющую этого антагонизма составляло соперничество Англии и Германии в формировании и влиянии военно-морского флота на геополитическое положение Британии. В развитии этого концепта во внешней политике Великобритании прослеживался отказ от заключения постоянных международных союзов и внедрение в массовое сознание британского населения идеи «морского могущества Британии» в качестве гаранта сохранения связей метрополии со своими заморскими владениями.

При этом, в определении образности врага в международных отношениях английская внешняя политика руководствовалась в отношении Германии, как к «опасному государству»¹⁰⁹. Однако представительница английского пацифизма историк К. Плейн считала несправедливостью то, что

¹⁰⁸ Ульянов, П.В. Эволюция содержания «образа врага» (по отношению к Германии) в британской пропаганде в период Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул., 2019. – С.14. URL: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-soderzhaniya-obraza-vraga-po-otnosheniyu-k-germanii-v-britanskoi-propagande-v> (дата обращения 10.08.2023). Текст: электронный

¹⁰⁹ По материалам издания Документы из архивов царского и временного правительства 1878-1917 гг. – М., Л.: Гос.- соц.-экон. из-во 1931-1938. Текст: непосредственный.

страна, владеющая пятой частью обитаемой территории Земли, «клеямила другой народ (немецкий) за его экспансионистские устремления как непростительное преступление»¹¹⁰.

31 августа 1907 года в Петербурге министром иностранных дел Российской империи А.П. Извольским и британским послом А. Николсоном было подписано соглашение, оформившее российско-британское сотрудничество в качестве участников Антанты (Тройственного согласия)¹¹¹. Тем не менее, несмотря на это, Великобританией подогревалась идея враждебности континентальных государств и мифом о «миноносной страсти» или «русской паникой» с возможностью вторжения российского военно-морского флота в морские пределы Великобритании.¹¹² Основным проводником трансформации образа противника – в образ врага, в указанном контексте, являлась Лига военно-морского флота Великобритании, созданная в конце XIX века, реализующая идеи двух военно-морских школ *Brick and mortar* и *Blue water*.¹¹³

Практическим продолжением развития британского концепта образа врага в лице Германии и России стала программа активной модернизации военно-морского флота Великобритании, а также формирование одного из направлений внешнеполитических устремлений Великобритании – борьба против национально-освободительного движения стран Востока, в первую очередь Ирана. Национальный британский интерес этого периода достаточно

¹¹⁰ Playne C. *Pre-war Mind in Britain*. London, 1928. P. 268.

¹¹¹ См.: Дипломатический словарь. Гл. ред. Вышинский А.Я., Лозовский С.А. М., 1948 URL: <http://doc20vek.ru/node/3551> (Дата обращения 10.08.2023). Текст: электронный.

¹¹² См.: по материалу *Синегубов, С.Н., Шилов, С.П.* Кайзеровская Германия-Великобритания-Россия: альтернативы и реалии военно-морских отношений в 1897-1906 гг. СПб., 2016. С. 109-143.

¹¹³ См.: по материалу *Синегубов, С.Н., Шилов, С.П.* Кайзеровская Германия-Великобритания-Россия: альтернативы и реалии военно-морских отношений в 1897-1906 гг. СПб., 2016. С.109,142. Текст: непосредственный.

четко обозначил В.И. Ленин: «Делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)».¹¹⁴

Французское население в начале XX века, с одной стороны, осознавало опасность германского усиления и поддерживало свое правительство в устремлениях к военному столкновению с милитаристски настроенной Германией. С другой стороны, большинство населения страны не воспринимало немцев и Германию как своего главного врага и «не ожидало конфликта с ней». Что подтверждает исследование историографии франко-германских предвоенных отношений.¹¹⁵

Налицо противоречивость информации о предвоенных внешнеполитических устремлениях Франции. Устранить указанную противоречивость помогает исследование архивных документов. Хорошим подспорьем в этом могут служить донесения префектов о настроениях населения и обстановке во французских муниципалитетах в предвоенные годы. Когда попытка замалчивания проблем местной власти сталкивалась с желанием представить объективную картину состояния настроений населения к потенциальному врагу. В этих донесениях присутствует информация и о столкновениях противников и сторонников военного противостояния с Германией, и о распространении ложных новостей и панических сообщений, оказывающих психологическое давление на состояние общественных настроений, и об антинемецких выступлениях и шпиономании.¹¹⁶

Анализ газетных публикаций того времени позволяет говорить о присутствии переживаний, страхов и надежд, которыми жили люди во Франции накануне Первой мировой войны. Надежды французов на локализацию конфликта к концу лета 1914 года сменились обвинениями в

¹¹⁴ См.: Ленин, В.И. Тетради по империализму. М., 1939. С.631. URL: <http://doc20vek.ru/node/3551> (дата обращения 10.08.2023). Текст: электронный.

¹¹⁵ Keiger J.F.V. France and the Origins of the First World War/ London, 1983.P.162; Schor R. La France dans la première guerre mondiale. Paris, 1997. P.37.

¹¹⁶ См.: по материалам Archives Nationales F.7. 12936, 12937, 12939.

адрес Германии и Австро-Венгрии.¹¹⁷ Политическое руководство страны, в свою очередь, заявляло о готовности встретить во всеоружии надвигающуюся угрозу.

Сама же Германия этого времени в мировом сознании формировала свой образ, как образ миролюбивого государства, окруженного вражескими государствами, стремящимися уничтожить германскую независимость. Идеолог прусского милитаризма Альфред фон Шлиффен писал, что в центре Европы находятся «не защищенные Германия и Австрия, а вокруг них расположены за рвами и валами остальные державы...»¹¹⁸. И что у европейских стран и народов существует устойчивое желание и стремление соединиться для нападения и уничтожения суверенитета «срединных держав».

Австро-Венгрия, как союзница Германии в начале XX века в явном виде не культивировала в рамках своего внешнеполитического устремления навязывание своему населению конкретно обозначаемых внешних врагов. Однако отношение, к примеру к проживающим на территории этой империи в Галиции этническим украинцам и русским было совершенно различным, что можно оценивать как определение в качестве противника – России. Которое выражалось в деятельности государственной и церковной власти Австро-Венгрии, направленной на насильственную украинизацию населения этой территории страны. А также в беспощадном преследовании русского населения австрийской Галиции, находившемся фактически в условиях «культурного, политического и экономического порабощения».¹¹⁹

¹¹⁷ См.: Юдин, Н.В. Общественные отношения во Франции в начале Первой мировой войны (по донесениям префектов)//Вестник Московского университета. Серия 8. История 2013. №3. – С.83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyye-nastroeniya-vo-frantsii-v-nachale-pervoy-mirovoy-voyny-po-doneseniyam-prefektov/viewer> (дата обращения 14.08.2023). Текст: электронный

¹¹⁸ Цит. по: Потапов, Н.М. Печать и война. М.; Л. 1926. – С.10.

¹¹⁹ См.: Краткое изложение записки депутата Государственной Думы графа В.А. Бобринского о прикарпатской Руси (июнь 1914 г.), АВПРИ. Фонд. Особый политический отдел. Оп. 474. Дело155, Л.63.

Похожая ситуация складывалась во внешнеполитических устремлениях и других стран. Россия, Франция и Великобритания также воспринимали все европейское окружение как враждебное, способное напасть и угрожающее независимости.

Печатные издания стран и Антанты и Тройственного союза, отражающие настроение народов своих стран и взгляды высшего политического руководства, не скупились в это время на яркие эпитеты, формирующие образ врага противоборствующего блока держав. Так Германия накануне Первой мировой войны позиционировалась, как «извечный враг славянства»¹²⁰, желающий уничтожения не только славянских государств, но и их народов, как носителей православной веры.

Противоречивость в формировании и трансформации образа врага/друга можно также проследить и в отношении Японии к России в начале XX века. Русско-японская война имела различное значение и влияние на расклад геополитических сил на Дальнем Востоке. Если для Российской империи война 1904-1905 гг. была войной локальной и должна была быть «маленькой» и «победоносной». То для Японии она стала войной тотальной. А внешнеполитическое информационное соперничество за привлечение на свою сторону симпатий мирового сообщества заложило основу информационного противоборства во всех последующих военных конфликтах и войнах XX века. А образ врага, который был сформирован в предвоенное и военное время в Японии и России послужил формированию хода войны и ее исхода.

Официальная японская пропаганда, основанная на взглядах высшего политического руководства страны, уничижительно, в расистском ключе, отзывалась о русском народе и русской армии. Отмечала их «варварство», «скотство», «глупость», «трусость» и «кроважность». Расовая подоплека обвинений русского народа основывалась в «доказательствах» того, что

¹²⁰ См.: Лемке, М. 250 дней в царской ставке // Первая мировая. М., 1989. – С. 401.

русские не являются представителями белой расы и что именно русские являются «желтой угрозой». Образ врага, в их понимании формировался, на основе того, что они вели «справедливую войну в интересах всех народов Востока».¹²¹

Отличительным для японской внешней политики являлось то, что образ врага, в лице России, формировался в зависимости от векторов внешнеполитического взаимодействия. Во взаимодействии с европейскими и американскими государствами японская внешнеполитическая деятельность опиралась на постулат о проевропейской миссии страны в конфликте с Россией. При ориентировании на восточную аудиторию, в оценке дальневосточных отношений с нашей страной, японская официальная власть формировала образ врага с учетом паназиатской направленности.

После начала Первой мировой войны произошло коренное изменение в отношениях России и Японии, когда Япония вступила в войну на стороне Антанты. Образ врага ушел на время с внешнеполитической сцены взаимоотношений двух государств. Особенности его трансформации в период Первой мировой войны и в послевоенное время представлен автором в соответствии с хронологическим принципом анализируемой проблематики исследования.

Исходя из объявленного хронологического подхода в раскрытии исследуемой проблематики, автор посчитал необходимым представить результаты исследования по следующему этапу эволюции образа врага в международной среде за период 1914-1920 годов. Объединив в данном этапе события Первой мировой войны, период иностранной военной интервенции в России и военное время советско-польской войны.

Особенностью формирования образа врага в этот исторический период было то, что интенсивность обращения политической власти к феномену

¹²¹ По материалам *Иванов, А.А. Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения. С.-Петербург. 2017. – 72 с.*

образности врага воюющих государств и населения значительно выросла. Формированию образа врага было посвящено более 90 % содержательной части печатных изданий и радиопередач. Считалось, что образ врага – это тот политический ресурс, который создает не только основу национального интереса участников вооруженного противостояния. Он стал основным стержнем существования государственной власти и объединяющей основой наций.

Научные исследования, проведенные по направлению, обозначенному в предмете диссертации, подтвердили уже обозначенные виды источников, в которых в военное время формировался образ врага и через которые проводилась основная линия в интересах объединения общества для достижения целей участия в войне. Для Первой мировой войны следует подтвердить выделение трех основных источников. Первый источник из перечня: периодическая печать, в том числе и фронтовые листовки и армейские газеты. То есть то, что точно было адресовано непосредственным участникам войны – военнослужащим. В рамках указанного источника следует указать отражение в печати деятельности высшего военного руководства собственной страны и его решений, оформляемых как доктринальные установления и приказы. В качестве второго источника выделены боевые донесения и доклады, которые содержали информацию о состоянии враждебного государства и настроениях в его армии. И третьим видом источников следует называть источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания.¹²²

В каждом из перечисленных источников акцентировалось внимание на негативные стороны государств-противников в войне, отражались самые бесчеловечные факты, показывающие реальный характер отношения к воинам противостоящего государства. Приводились примеры, задевающие основные

¹²² По материалу: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525, Л. 2, 6, 8, 27; Д. 730, Л. 3; Д. 732, Л. 3, 5, 23.

национальные ценности русского общества, называя, к примеру, немцев «вековым врагом славянства». Тем самым нацеливая, в том числе, и неграмотных солдат русской армии* на защиту «чести и целостности Великой России».¹²³

В рамках исследования необходимо отдельно остановиться на внешнеполитическом контексте формирования образа врага в украино-русских отношениях. Так в листовках «Союза освобождения Украины», адресованных русским солдатам после начала Первой мировой войны, содержался призыв, обосновывающий бессмысленность ведения войны за «царскую Россию, Россию ужаса и проклятий»: «встречай турецкие войска не как врагов, а как своих освободителей».¹²⁴ Россия представлялась в ярких негативных эпитетах типа «каторжная», «казенная».

В условиях начавшейся войны противники не отказывались и от иных механизмов влияния на коллективную психологию общества противостоящей стороны. Так в рамках поддержания устойчивого образа врага в лице России австрийским высшим политическим руководством для формирования союзнической составляющей, фактически «пятой колонны», в русской армии из числа военнослужащих украинского происхождения, грузин и армян была создана уже упомянутая организация «Союз освобождения Украины». Программа которой была озвучена М.И. Меленевским в январе 1915 г. в Турции на собрании русской нелегальной колонии турецкой столицы. Красной нитью в программе этой украино-австрийской, по своей сути, – националистической организации, проходила идеология борьбы против

*По данным Всероссийской всеобщей переписи населения 1920 г. умели читать и писать всего 10% населения страны (примечание автора).

¹²³ По материалу *Сенявская Е.С.* Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. – С. 140-156.

¹²⁴ См.: Листовка «Союза освобождения Украины», адресованная солдатам Русской армии в ноябре 1914 г. АВПРИ Фонд особый политический отдел Оп. 474, Д.21, Л. 69-69 об.

России.¹²⁵ Выпуск печатного издания «Боротьба» (Борьба), публикуемого заграничным Отделом У.С.Д.Р.П. в феврале 1915 года, открыто называл врагами российский и австрийский империализм.¹²⁶

Как свидетельствует исследование, враждебное отношение украинской политической элиты (первоначально в лице австро-венгерских ставленников, а затем поддерживаемых польским руководством) ко всему российскому, окончательно оформилось в годы Первой мировой войны и не было разрушено в течение фактически всего XX века.

Образ врага из анализа второго вида источников: решений высшего политического и военного руководства свидетельствует о том, что в ходе военных действий и в связи с переоценкой своих возможностей и возможностей противников в войне, происходит его трансформация. Так в приказе главнокомандующего австрийской армией эрцгерцога Фридриха следует увидеть констатацию факта ухода от разжигания межнациональной вражды между народами, как основного средства, влияющего на достижение целей войны. К более лояльному, внимательному и осторожному отношению к русинам и украинцам. Чтобы население не видело в «нашем солдате врага, а в родственном по языку и крови казаке - избавителя».¹²⁷

Для иллюстрации привлечения вражеской образности в качестве политического аргумента и инструмента внешней политики в международной среде, автор считает необходимым привести данные из архивного источника, который касается культурного достижения всех наций и народов мира этого периода. И здесь прослеживается критически не логичный перекося в сторону

¹²⁵ Донесение российского представителя в Константинополе Б.С. Серафимова во Второй политический отдел МИД о пропагандистской деятельности в Турции руководителей созданного австрийцами «Союза освобождения Украины» (М.И. Меленевского) 4 января 1915 г. АВПРИ Ф. Особый политический отдел, Оп. 474, Д.18, Л. 6-7 об.

¹²⁶ Выпуск газеты «Боротьба» февраль 1915 г. АВПРИ Ф. Особый политический отдел, Оп. 474, Д.30, Л. 3-6 об.

¹²⁷ Статья в газете «Русское слово» АВПРИ Ф. Особый политический отдел, Оп. 474, Д.21, Л. 14.

собственного национального интереса. Когда Россия, якобы, присваивает себе заслуги даже в культурной сфере. В материалах Третьего съезда национальностей, проводившегося антироссийскими националистическими организациями с 27 по 29 июня 1916 года, можно увидеть информацию о том, что среди славянских литератур за польской литературой первенство, а русская литература занимает лишь второе место. Утверждалось, что «русская литература создана украинскими писателями Гоголем, Короленко, Чеховым. Украинцы дали миру выдающихся русских историков Костомарова, Антоновича, Грушевского, поэтов – Шевченко, Франко, музыкантов – Бортнянского, Лысенко, Чайковского»¹²⁸.

Анализируя возможности формирования такого внешнеполитического инструмента, как образ врага в международных отношениях в условиях начинающейся Первой мировой войны, следует обратить отдельное внимание на союзников России по Антанте. Так в Великобритании в кабинете министров шло активное обсуждение по вопросу неизбежности войны в Европе. После официального вступления в войну парламент страны, в лице правящей (либеральной) партии и оппозиционного (консервативного) крыла палаты общин, приняли консолидированное решение о необходимости активного военного противостояния Германии, Австро-Венгрии, Османской империи и Болгарии.¹²⁹ При этом стоит заметить, что страна, определив Германию в качестве своего основного противника – «врага» еще в начале XX века, позиционировала ее как основного претендента на английские колонии. Решения парламента и правительства Великобритании по этому поводу проводились в основном через частные печатные издания с учетом наличия цензуры. При этом, владельцы частных изданий были активными сторонниками решений, принимаемых парламентом по этому поводу. Вот

¹²⁸ Цит. по: Досье особого политического отдела МИД России июнь 1916 г. АВПРИ, Фонд Особый политический отдел Оп. 474, Д. 387, Л. 62.

¹²⁹ *Beckett, I. The Great War. London, 2007. P. 38-40.*

почему, к примеру, под руководством лорда Нортклиффа – редактора «The Times» активно продвигались материалы антигерманской и даже антинемецкой направленности.¹³⁰

Как свидетельствуют результаты проводимого исследования, в пропагандистских целях представление образа врага для оказания влияния как на своих подданных, так и на властные структуры и общества стран противников, формировалось с акцентированием внимание на отрицательный образ кайзера Германской империи Вильгельма II. При этом для достижения своих национальных интересов Великобритания старалась это сделать в как можно более уничижительной форме. К примеру, изображая «сильного» и «волевого» кайзера, угрожающего расправой женщине и ее детям.¹³¹

Похожий подход использовался и во Франции, только уже с акцентом на вступление германской армии на территорию нейтральной Бельгии. Когда к такой ситуации с использованием образа врага в своей внешней политике Францию подвигла собственная обеспокоенность по поводу обстановки на франко-германской границе, особенно в районе Эльзаса и Лотарингии. Французские политики в своих речах обличали германский «дух военщины». Высмеивали политическую власть Германии за сборы «временных военных кредитов» у германского населения, в связи с неспособностью власти Германии обеспечить «германских вояк» средствами для ведения боевых действий.¹³²

Анализ свидетельствует, что вступление в войну Англии, Франции и России изменило и, в некоторой степени, предрешило позицию США как к событиям на европейском континенте, так и к пониманию

¹³⁰ По материалу: Sanders, M., Taylor, P. British Propaganda during the First World War, 1914-18. London, 1982. P. 34.

¹³¹ The Late «Kaiser Wilhelm der Grosse» // Punch. 1914. Vol. 147. P. 213.

¹³² См.: Ульянов, П.В. Эволюция содержания «образа врага» (по отношению к Германии) в британской пропаганде в период Первой мировой войны. Дисс... канд. ист. наук... Барнаул, 2019. – С.80.

дружественности/враждебности в собственной внешней политике в отношении отдельных европейских государств. При этом, если политические усилия непосредственных участников войны были направлены на заботу о межсоюзнических отношениях, то США в первую очередь интересовали контуры будущего послевоенного мироустройства.¹³³

Результаты анализа использования образа врага, как внешнеполитического инструмента в международных отношениях периода Первой мировой войны, показали, что нельзя обойти вниманием подходы главного врага России в этой войне – Германии. Высшее политическое руководство этой страны руководствовалось в отношении российского общества следующим постулатом, который выражался словами известного немецкого историка национал-националиста Г. ф. Трейчке, жившего и творившего еще в XIX веке: «все славяне и русские в том числе – это навоз для германской нивы».¹³⁴ Союзники Германии в войне также не слишком отличались дружественностью к России. Чего стоит только закрытие в ноябре 1914 г. Турцией проливов Босфор и Дарданеллы для всех кораблей, кроме германских.¹³⁵ Стоит упомянуть и состояние внешнеполитического тремора со стороны Италии, когда длительный торг с Центральными державами за участие в войне против Германии свелся к конкретным территориальным приобретениям Италии. Тут и проявилась внешнеполитическая позиция по поводу друзей и врагов, закончившаяся вариантом: «кто больше и вкусней предложит».¹³⁶ Проявилось состояние во внешней политике Италии, которое

¹³³ История дипломатии Т. II, Дипломатия в новое время 1872-1919 под ред. В. П. Потемкина. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, М.: 1945-Ленинград. – С. 267.

¹³⁴ Черниловский, А. А. Первая мировая война в сознании военной элиты России. Дисс... канд. ист. наук... Брянск, 2005. – С. 78.

¹³⁵ История дипломатии Т. II, Дипломатия в новое время 1872-1919 под ред. В. П. Потемкина. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, М.: 1945. Ленинград. – С. 272.

¹³⁶ См. Там же.

словами итальянского премьер-министра Саландры было охарактеризовано, как «итальянский священный эгоизм».¹³⁷

Наряду с уже представленным результатом исследования, автор считает уместным в рамках указанного хронологического отрезка обратиться к анализу формированию образа врага в период иностранной военной интервенции в Россию. Которая началась с «малой высадки» отряда английских морских пехотинцев в 176 человек в Мурманске в марте 1918 г. и перешла в активную фазу с высадкой 9-тысячного отряда Антанты в Архангельске 2 августа 1918 г. Международный контингент имел в своем составе британскую флотилию из 20 кораблей и авиацию, около 5000 тыс. солдат армии США, Канадскую бригаду и австралийскую пехоту (всего 14 батальонов), 2000 французов и 1000 британо-сербских и польских стрелков.¹³⁸

Цели интервенции по оценкам сегодняшнего дня достаточно противоречивы и определяются не однозначно. Казалось бы страны, являющиеся союзниками в войне против Германии, должны были преследовать общую цель: победа над общим врагом. Но с другой стороны – в международной среде никто и никогда не отменял значение национального интереса. В данном случае первоначально идет речь о том, что со стороны стран Антанты это была попытка поддержать значимость России в сохранении восточного фронта. Значение интервенции в Россию выглядит неким гипертрофированным фактом, когда ни военное участие, ни возможности снабжения столь малой военной группировки не могли повлиять на успех или не успех Белого движения в борьбе с большевиками. По воспоминаниям самих участников Белого движения, международная помощь, ориентированная на

¹³⁷ Renouvin, La crise evropéenne et la grande guerre? P. 270

¹³⁸ URL: «Образ врага-буржуя»: кому помогли интервенты, вторгшиеся в Россию в 1918 г. <https://histrf.ru/read/articles/obraz-vragha-burzhuia-komu-pomoghli-intiervienty-vtorghshiiesia-v-rossiiu-v-1918-ghodu> (дата обращения 10.06.2024). Текст: электронный.

сохранения национальной российской власти, была «незначительной и несвоевременной».¹³⁹

Авторское исследование подтвердило состояние трансформации в международной среде во внешнеполитических устремлениях стран Антанты с дружественных-союзнических отношений, к состоянию вакуума. Который сохранился вплоть до окончания оценки значимости для собственных национальных интересов в отношении новой большевистской власти в России. И речь в этом случае уже не могла вестись о сохранении складов вооружения, переданного царской России для ведения войны с Германией. Речь уже могла вестись только в контексте возможной угрозы для собственной политической власти в государствах от декларируемой большевиками идеологии всемирной революции. Что однозначно превращало бывших союзников во врагов.

В краткосрочной войне Польши против Советской России (1 апреля – 1 октября 1920 года) польское политическое руководство во главе с Ю. Пилсудским, последовательно решая вопрос о закреплении за собой военным путем спорных, по мнению поляков, территорий, прибегло к тому же формату во внешней политике – использованию в качестве своего злейшего врага Советской России, не желая при этом даже идти на союз с белым движением, но подписав в апреле 1920 года союзный договор и военную конвенцию с С.В. Петлюрой. Конвенция предусматривала военную помощь польской армии в восстановлении петлюровской власти на Украине.¹⁴⁰

Следуя, определенному в работе хронологическому подходу, представление особенностей формирования образа врага как инструмента внешней политики государств, следует продолжить в рамках межвоенного

¹³⁹ URL: «Образ врага-буржуя»: кому помогли интервенты, вторгшиеся в Россию в 1918 г. <https://histrf.ru/read/articles/obraz-vragha-burzhuia-komu-pomoghli-intiervienty-vtorghshiiesia-v-rossiiu-v-1918-ghodu> (дата обращения 10.06.2024). Текст: электронный

¹⁴⁰ Советско-польская война. ИСТОРИЯ. РФ – Главный исторический портал страны. URL: <https://histrf.ru/read/articles/sovietsko-polskaia-voina> (дата обращения 10.06.2024). Текст: электронный.

периода – до 1939 года. Предметному контексту исследования были посвящены работы¹⁴¹, изученные автором при подготовке и написании рукописи диссертации, дающие представление о взглядах зарубежного политического руководства на «эксплуатацию» в собственной внешней политике феноменальности образа врага и его совершенствование. В межвоенный период, исходя из авторской оценки использование образа врага как инструмента внешней политике, следует оценивать его в качестве опорного камня идеологий развития европейских национальных традиций, родившихся в странах «Старой Европы».¹⁴² Формирующаяся в этот период фашистская идеология, основанная на нацеленности «на пожирание» других территорий, людей (врагов) легла в основу захвата Италией Эфиопии в 1936 году¹⁴³ и превращения ее в колонию с бесправным и зависимым населением. Именно в это время глава Третьего Рейха А. Гитлер называл «заклятыми врагами»¹⁴⁴ Великобританию и Францию, хоть это были страны, пока еще не зараженные «коммунистическими идеями».

Кроме этого, в качестве общего врага, наряду с коммунизмом, на повестку дня, благодаря деятельности значительного числа националистических движений и партий в значительном количестве стран вышел еврейский вопрос. В Германии на основе теоретических разработок по этому направлению, реализованных на рубеже XIX – XX веков Евгением Дюрингом, Адольфом Штокером, Адольфом Вагнером, Альфредом

¹⁴¹ Дубровина, О. Образ врага: представления о Советской России в Италии в межвоенный период // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2020. № 5 (32). – С. 176-182; Де Лазари, А., Рябов, О. Образы врага: поляки и русские в сатирической графике межвоенного периода (1918-1939 гг.) // Историк и художник. 2008. № 1-2. – С. 68-82.

¹⁴² Воробьев, С.С. Формирование образа врага как инструмента внешней политики в межвоенный период (1918-1939 гг.) // Евразийский союз: вопросы международных отношений. Т.13. №12 (65), 2024. – С. 2177.

¹⁴³ См.: Там же С. 2178.

¹⁴⁴ Кульков, Е.Н. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // Вестник МГИМО-Университета №5, - 2009. – С.4. Текст: непосредственный.

Розенбергом, сформировалась расовая теория, ставшая основной идеологией Гитлера. Умело «довёрнутая» до нужного направления, эта теория объясняла даже еврейское происхождение коммунизма. С таким подходом она была принята как либеральными режимами большинства государств Европы и Америки, так и подготовила немецкий народ к добровольному принятию тоталитарного расистского национализма Гитлера.¹⁴⁵

Понятие «враг» вошло в обиход внешней политики Германии, как краеугольный камень национального самосознания¹⁴⁶ еще в период освободительных войн против наполеоновской Франции. А в период Веймарской республики на почве «народнических» идей, в недрах которых и зародился национал-социализм, весь мир высшим политическим руководством Германии уже начал делиться на «свое» и «чужое».¹⁴⁷ При этом в основе определения «свое» лежала идея «духа 1914 года», как идея, объединяющая всех немцев, вне зависимости их происхождения и места проживания «перед лицом всеобщей опасности».¹⁴⁸

Политическая власть большинства европейских государств негативно относилась ко внешнеполитическим действиям Германии по расширению своего влияния в Европе. О чем могут свидетельствовать слова из речи премьер-министра Великобритании, произнесенные им 05 октября 1938 г. по поводу Мюнхенских соглашений. «Между британской демократией и нацистской державой никогда не может быть дружбы».¹⁴⁹ При этом в своем

¹⁴⁵ По материалу: Hans Kohn Nationalism: Its Meaning and History. - 1955. - P.157.

¹⁴⁶ Jeismann, M. Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792 - 1918. Stuttgart, 1992. S. 374.

¹⁴⁷ По материалу: Pelzer, E. Die Wiedergeburt Deutschlands 1813 und die Dämonisierung Napoleons // Deutschlandbilder- Frankreichbilder 1700-1850. Rezeption und Abgrenzung zweier Kulturen / Hg. von T. Höpel. Leipzig, 2001. S. 280.; Sontheimer, K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1994. S. 132.

¹⁴⁸ Verhey, J. Der «Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg, 2000. S. 346-347; Lc Seur, P. Das Ziel der Weltgeschichte und unsere völkische Pflicht B., 1937. S. 7.

¹⁴⁹ URL: <https://web.archive.org/web/20200604010411/https://www.nationalchurchillmuseum.org/disaster-of-the-first-magnitude.html> (дата обращения 11.08.2024). Текст: электронный.

выступлении глава британского правительства концентрировался на образности врага не самого германского государства, а его олицетворении – Гитлере, называя его «нацистским диктатором».

Культивирование высшей политической властью образа врага в качестве инструмента внешней политики Японии в этот период, позволило представить еще более жестокую картину националистических идей превосходства в международной среде. Это выразилось, к примеру, в деятельности «Отряда 731» по отношению к населению Китая, Филиппин и других соседних стран, связанной с проведением бесчеловечных медицинских экспериментов над людьми.¹⁵⁰

Нельзя обойти вниманием и события гражданской войны в Испании 1936-1939 гг., когда мир, фактически, разделился на три части: страны поддерживающие республиканский режим в Испании, к которым относились Советский Союз и Мексика, объявившие о этом публично и выражающие свое отношение в виде оказания военной и политической помощи на международной арене; государства однозначно поддержавшие режим Франко – Германия и Италия. А также Франция, Великобритания и США, определившие свою нейтральную позицию к событиям начала борьбы с зарождающимся фашизмом в Европе. Признаком трансформации европейской цивилизации в это время стоит считать наличие «шоу радикалов», как в Италии, желавших передела, украденного у них «врагами» благополучия. Человеконенавистническая идеология в международной конфронтационной среде, предшествующей началу Второй мировой войны, формировала образ врага по принципу: «Кто не с нами, кто не похож на нас, тот – против нас»¹⁵¹.

Работа по теме исследования утвердила автора во мнении, что насущной необходимостью для получения научного результата является обращение

¹⁵⁰ Harris, S. *Factories of Death. Japanese Biological Warfare, 1932-1945, and the American Cover-up*. New York: Routledge.

¹⁵¹ По материалу: *La dottrina del fascismo*. 2019. Roma: Passaggio al Bosco, 2019.

внимания на годы именно предвоенные, предшествующие как началу Второй мировой, так и предвоенному времени начала Великой Отечественной войны.

1939 год обозначается в истории международных отношений, как год обострения и активизации борьбы за обозначение для ведущих европейских государств своего необходимого «жизненного пространства». Как свидетельствуют исторические источники и архивные документы, на этот год пришлось максимальное количество предвоенных событий, связанных с деятельностью дипломатического корпуса не только европейских стран, а и государств, решающих свои национальные интересы на фоне сформировавшейся кризисной ситуации в Европе. Это и попытки обозначить собственное видение национальных интересов в контексте безопасности, что выражалось в заключении формальных, по своей сути, пактов о ненападении. Окончательном утверждении отрицания системы коллективной безопасности и заменой ее на двусторонние обязательства, основой которых являлось незаключение сепаратных соглашений с третьей стороной, в случае вступления в военные действия одной из заключивших данное соглашение. Как это было в случае с пактами, заключенными Германией с Францией, Литвой, Данией, Эстонией, Латвией, Советским Союзом, в период непосредственно предшествующий нападению Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Обостренное внимание формированию образа врага, как инструменту внешней политики в международной среде, было заложено в самой сути гитлеровской внешней политики еще в период становления в Германии фашистской власти. Когда объявление «территориальной политики будущего»¹⁵² еще в середине 1920-х годов стало для германской государственности главной целью своего существования. Уже тогда Россия была объявлена для Германии главным врагом и основным направлением внешнеполитического устремления формирующейся германской

¹⁵² *Hitler, A. Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. Bd. 2. S. 296–297.*

политической власти. Расчленив территорию нашей страны, превратив ее в составляющую «имперскую территорию Германии»¹⁵³, – такая и никакая иная задача решалась в отношении России в течение последнего десятилетия, предшествующего анализируемым событиям конца 1930-х годов.

Не только наша страна оценивалась высшим политическим руководством Германии в этот период в качестве главного противника по завоеванию Третьим рейхом мирового господства. Провозглашалась борьба прогрессивных созидательных сил мира (в германском контексте – это сама Германия, Италия, Япония, Испания после установления диктатуры Франко, хортистская Венгрия) против «мирового еврейства», как основной принадлежности не только власти в СССР, а и в большинстве европейских государств, «действующее под прикрытием демократических институтов».¹⁵⁴

Проводимое исследование утвердило автора в точке зрения о том, что использование во внешней политике зарубежных государств в межвоенный период образа врага, как средства и формы международного воздействия позволило создать атмосферу беспринципности в международных отношениях, ничем не ограниченной возможности реализации собственных властных устремлений, касающихся территориального передела мира, жестокости и унижения народов, подавления их национальной идентичности. Что и привело к фактическому развалу Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и нивелированию, в ее рамках, роли и значения Лиги наций.

Выводы по параграфу:

В оценке зарубежных подходов в формировании образа врага для достижения целей национального интереса государств с предвоенных лет перед началом Первой мировой войны и до начала Второй – в 1939 г. можно

¹⁵³ *Rauschning*, H. *Hitlers Aim in War and Peace*. London, 1940. P. 27.

¹⁵⁴ *Oberlindober*, H. *Ein Vaterland, das allen gehört! Briefe an Zeitgenossen aus zwölf Kampffahren*. München, 1940. S. 152-167.

проследить определенную закономерность в выстраивании своих внешнеполитических стратегий с опорой на эксплуатацию в них образа внешнего врага. Перед началом Первой мировой войны зарубежная внешняя политика ведущих государств Европы формировала образ врага оценочно – с точки зрения возможных угроз и вызовов. Когда, сформированные в начале XX века военно-политические группировки (Антанта и Тройственный союз), воспринимали гипотетических противников. Определяя лишь недовольство ими в речах отдельных политиков и в публикациях печатных изданий. Характерным для этого времени был постоянный поиск возможностей обеспечения безопасности с опорой на собственные силы и на союзнические обязательства. В ходе Первой мировой войны произошла резкая активизация использования образа врага для консолидации собственных наций в рамках открытого военного противостояния. Особенностью этого времени стало появление еще одной потенциальной угрозы, еще одного врага для демократического буржуазного мира, – социалистической идеологии с ее представителем и проводником – Советской Россией, озабоченной идеей мировой революции. Оценка внешнеполитических устремлений в межвоенный период позволяет сделать вывод о несистематической применимости образа врага как инструмента внешней политики государств, связанной с условиями послевоенного (после Первой мировой войны) разделения мира на стран-победительниц и стран побежденных. Особым акцентом в это время может служить активизация фашизма, как новой угрозы миру.

§2. Российские и советские подходы в формировании образа врага для достижения целей национального интереса (1914 – 1939 гг.)

Российские и советские аспекты формирования образа врага во внешней политике для достижения целей национального интереса перед Первой мировой войной, в ходе ее и после окончания, различались кардинальным образом. Это было связано, прежде всего с тем, что на международную,

динамично меняющуюся, обстановку накладывались дополнительные факторы влияния, касающиеся не только международной среды, а и внутривластной, экономической и социальной нестабильности в самой России.

В предвоенные годы, как свидетельствуют документы, усилия Российской внешней политики были нацелены на сохранение единства балканских государств. Однако неудачи русской дипломатии на этом направлении обернулись тем, что бывший союзник России – Болгария, под влиянием Австро-Венгрии, начинает войну против Сербии и Греции.¹⁵⁵

В годы Первой мировой войны царское правительство Российской империи эксплуатировало образ врага как инструмент внешнеполитического влияния на Германию и Австро-Венгрию, исходя из союзнических побуждений, оформленных соглашениями с Францией и Великобританией.

В качестве врагов, если опираться на официальные архивные документы, российская царская власть в годы войны определяет «немцев, мадьяр и др., ненавидящих русский народ и стремящихся задуть его самобытность».¹⁵⁶

Как свидетельствует проведенное исследование, представителями высшей политической и военной власти Российской империи в годы войны «образность врага» в контексте «мы и они», формировалась по следующим субъектным направлениям. Это в первую очередь – Германия. При этом, оценочными параметрами по отношению к этой стране, как основному врагу, являлись такие, как: – виновность Германии в развязывании войны; – оценка

¹⁵⁵ См.: История дипломатии Т.2. Дипломатия в новое время (1872-1919 гг.) под ред. В.П. Потемкина, - ОГИЗ – Государственное издательство политической литературы, - Ленинград, - 1945, - С. 231-232: текст непосредственный.

¹⁵⁶ Воззвание императора Российской империи Николая II к русскому народу Австро-Венгрии с призывом «не обижать мирных людей, какой бы они ни были народности»/ Газета «Прикарпатская Русь», издание Карпато-русского освободительного Комитета. Киев, 10 августа 1914 г. АВПРИ, Фонд Особый политический отдел Оп. 474, Д. 152, Л. 60.

ее военного потенциала, как способности ведения длительной войны «со всеми» (союзниками России*); – оценка морального духа германской армии и немецкого народа, как совокупного морально-психологического фактора войны; – экономическое положение страны и германского народа.¹⁵⁷ В соответствии в первым оценочным параметром Германия воспринималась как зачинщик и поджигатель войны¹⁵⁸ – однозначно большинством участников международного взаимодействия как во время, так и после Первой мировой войны, что не могло не отразиться в итоговых документах Версальской мирной конференции. По следующим оценочным параметрам Германия определялась неоднозначно. Но парадоксально в этом контексте звучат слова о возможностях главного врага – России в этой войне: «Они тратят металл, мы тратим человеческую жизнь».¹⁵⁹ Участником событий Первой мировой войны А.И. Верховским в своем походном дневнике, опубликованном в связи со 100-летием начала Первой мировой войны, была дана достаточно объективная оценка победителей и побежденных (врагов: Германии и России) в той войне. Это было «равенство духовных сил и превосходство немецкой культуры и связанной с ней техники» в войне.¹⁶⁰

Кроме главного врага – Германии в ходе войны высшим политическим руководством России были определены в качестве «второстепенных противников»:¹⁶¹ Австро-Венгрия, Турция, Болгария, немецкая диаспора в России, еврейское население западной части страны и восставшие народы Средней Азии.

*Примечание автора.

¹⁵⁷ Черниловский, А.А. Первая мировая война в сознании военной элиты России. Дисс... канд. ист. наук... Брянск, - 2005. – С.76-77.

¹⁵⁸ См.: Сенявская, Е. С. Психология войны. – С. 252

¹⁵⁹ Зайончковский, А. М. Подготовка России к мировой войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов. – С. 158

¹⁶⁰ Россия на Голгофе: (из походного дневника 1914-1918 гг.)/А. И. Верховский; предисл., коммент. А. М. Савинова; Гос. публ. ист. б-ка России. - М., 2014. – С.16.

¹⁶¹ Черниловский, А.А. Первая мировая война в сознании военной элиты России. Дисс... канд. ист. наук... Брянск, - 2005. – С.77.

Одним из важных направлений в выявлении необходимости использования образа врага как инструмента внешней политики в международной среде в годы Первой мировой войны была деятельность российских дипломатических представительств за рубежом. Представляемая ими информация позволяла достаточно направленно формировать внешнеполитическую повестку в условиях кризисного состояния международных отношений, которое было отягощено военным противостоянием в период войны. Иллюстрацией этому является передача 12 апреля 1915 г. во Второй политический отдел МИД России материалов одного из главных идеологов украинского национализма М.С. Грушевского – пропагандистской брошюры «Обзор украинской истории».¹⁶² Благодаря исследованию ее содержания, сотрудники МИДа могли четко обозначить свою позицию в контексте необходимости использования инструментов внешнеполитического влияния и по отношению к Австро-Венгрии, которая автором брошюры прославлялась, но на самом деле угнетала русское население и способствовала деятельности антироссийских организаций на своей территории. И в отношении Болгарии, на территории которой эта брошюра была издана.¹⁶³

Коренным образом отличалось видение новой советской власти такого особого способа международного влияния, как обозначение противников в образе врагов. Показательным является факт опубликования содержания семи сборников тайных документов-соглашений, подписанных в ходе переговоров представителями МИД Российской империи с заинтересованными политическими деятелями-представителями зарубежных государств в период

¹⁶² Сопроводительное письмо российского представителя в Константинополе Б.С. Серафимова о направлении во Второй политический отдел МИД некоторых распространявшихся в Турции изданий «Союза освобождения Украины». 12 апреля 1915 г. и М. С. Грушевский. Обзор украинской истории (София, 1914, болг. яз.). АВПРИ, Фонд Особый политический отдел Оп. 474, Д. 18, Л. 13.

¹⁶³ По материалу: Воробьев С.В. Украинский вопрос в российской истории // Обозреватель, №5(406), - 2024, - С. 114-115. Текст: непосредственный.

с февраля по октябрь 1917 г.¹⁶⁴ Это был и текст договора царской России и Японии, заключенный 3 июля 1916 г., обязывающий договаривающиеся стороны к вступлению в войну против третьей страны, которая попытается закрепиться в Китае. Договора, который фактически давал повод о его оценке, как о способе раздела сфер влияния в этой стране между Россией и Японией. Или договоры, подписанные Россией и странами Антанты о разделе Турции, или российско-франко-англо-итальянское тайное соглашение о согласовании платы Румынии за ее участие в войне против Германии. Или, так называемый, Бьёркский договор об оборонительном союзе России и Германии. Всего было опубликовано свыше ста договоров и материалов, которые характеризовали деятельность царского политического руководства России как недружественное по отношению к союзникам. Опубликованием указанных документов новая советская власть демонстрировала свое желание искоренения «тайной дипломатии», как средства достижения национальных интересов, из своей внешнеполитической деятельности. В.И. Ленин, выступая на I Всероссийском съезде военного флота, который проходил в Петрограде 18-25 ноября 1917 г., сказал: «Советское правительство, опубликовав эти документы, показало, что правители всех стран – разбойники. Это есть пропаганда не словом, а делом».¹⁶⁵ А западная пресса оценила это событие, как «сорванные демократические маски как с империалистов Антанты, так и с австро-германского империализма».¹⁶⁶

Как было уже представлено в предыдущем параграфе, следуя, определенному в работе хронологическому подходу, представление

¹⁶⁴ По материалу История дипломатии Т.2. Дипломатия в новое время (1872-1919 гг.) под ред. В.П. Потемкина, - ОГИЗ – Государственное издательство политической литературы, - Ленинград, 1945. Текст: непосредственный.

¹⁶⁵ См.: История дипломатии Т.2. Дипломатия в новое время (1872-1919 гг.) под ред. В.П. Потемкина, - ОГИЗ – Государственное издательство политической литературы, - Ленинград, 1945. – С. 307. Текст: непосредственный.

¹⁶⁶ Цит. по: «Arbeiter Zeitung», 28. XI. 1917, - № 327. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?datum=19171128&zoom=33> (дата обращения 05.07.2024). Текст: электронный.

особенностей формирования образа врага как инструмента внешней политики государств, автор считает необходимым продолжить в рамках межвоенного периода – до 1939 года.

После окончания Первой мировой войны показателем в переформатировании образа врага в международной среде становится деятельность, созданного в марте 1919 г. Коммунистического интернационала, невиданной доселе организации, поставившей своей целью установление советской власти в мировом масштабе, благодаря реализации идеи по подготовке и проведению пролетарской революции.¹⁶⁷ Именно в рамках этой организации были изменены подходы к формированию образа врага. Он был обозначен исключительно в идеологическом контексте. Это был враг, объединенный в лице буржуазного империализма во всех странах мира, как объект борьбы с ним мирового пролетариата.

Просто взрывной рост численности коммунистических партий в зарубежных странах и их популярность, на волне создания первого в мире государства Советов, позволили политическому руководству Советской России воспринимать состояние окружения врагами, как состояние временное. Показательным в указанном аспекте может быть представление выдержки из телеграммы Г.В. Чичерина от 19 августа 1923 г. полпредам СССР в европейских столицах: в Берлин – Н.Н. Крестинскому, в Прагу – К.К. Юреневу, в Рим – Н.И. Иорданскому, в Лондон – Я.А. Берзину. «В ближайшем будущем (может быть через очень короткое время) мы можем ожидать усиленный подъем движения. И мы не должны его упустить.»¹⁶⁸ Или данные протокола №27 из постановления заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 23 августа того же года, которые прямо нацеливают деятельность Коминтерна на

¹⁶⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3880624> (дата обращения 08.07.2024). Текст: электронный.

¹⁶⁸ Телеграмма Чичерина постпредам СССР в европейских столицах от 19 августа 1923 г. АВП РФ. Ф. 04, Оп. 7, Папка 64, Д. 891, Л. 111.

«мобилизацию боевых сил, экономическую помощь и соответствующую дипломатическую подготовку, политическую подготовку трудящихся масс к грядущим событиям».¹⁶⁹

В данном диссертационном исследовании автором не ставилась задача анализа деятельности Коминтерна в контексте темы работы. А она оценивается лишь фрагментарно и только для получения полной картины в искомом научном результате по теме исследования. При этом выявлена необходимость проведения в последующем отдельного исследования деятельности этой международной организации, созданной Республикой Советов для достижения своего национального интереса.

Анализируя в контексте темы диссертационного исследования события советско-польской войны, по подобию материала рукописи предыдущего параграфа, но уже в контексте советского подхода в формировании образа врага для достижения целей национального интереса, в качестве доказательной базы объективной их оценки, есть необходимость обращения к архивным документам. Так в телеграмме заместителя начальника Генерального штаба Антанты генера Дестикера в адрес Главнокомандующего войсками маршала Фоша от 25 апреля 1920 г. очень ярко и конкретно материализуется картина превращения союзника России по Антанте – Франции во враждебное государство благодаря тому, что в ней содержатся сведения о подготовке плана войны польской армии во главе с Ю. Пилсудским против Советской России. И о том, что план наступления разработан главой французской миссии в Варшаве генералом Анрисом и «передан польскому главному командованию 27 марта 1920 г. для реализации».¹⁷⁰ В выступлениях

¹⁶⁹ О международном положении URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/61932-19-avgusta-1923-g-moskva-locale-nil-telegramma-g-v-chicherina-polpredam-sssr-v-evropeyskih-stolitsah#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения 08.07.2024). Текст: электронный.

¹⁷⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III (апрель 1920-март 1921) Издательство Наука, 1965. – С. 13 URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/893679> (дата обращения 08.07.2024) Текст: электронный.

первых лиц Советской Республики в это время звучат слова сострадания и сочувствия польскому народу, в связи с его разделенностью волей «немецкого, австрийского и российского капиталов». Но, в случае начала войны с Россией, к которой подталкивала Польшу Франция, подтверждается решимость нашей борьбы против возможной вражеской агрессии.¹⁷¹ Как видим, что с одной стороны, – выражения сострадания, а с другой, – не сбрасывание со счетов возможности решительного противодействия вражеской агрессии.

Особым фактором, который повлиял на изменение восприятия различных субъектов международного взаимодействия советским политическим руководством в межвоенный период стало создание Лиги наций в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Исследование Устава этой организации в контексте темы диссертационного исследования позволяет утверждать, что он содержал нормы, как свидетельствует вся история человечества, по созданию не естественного – мирного состояния отношений между народами и государствами. И предусматривал не предотвращение военного столкновения между государствами, а лишь возможность консультаций в случае нарастания предвоенной напряженности.¹⁷² Формирование образа врага в условиях турбулентности международной среды межвоенного периода не имело четких очертаний в качестве инструмента внешней политики государств и СССР, в частности.

Оценивая реалии использования образа врага как инструмента внешней политики в межвоенный период, в качестве доказательного примера следует упомянуть письмо полномочного представителя СССР в Японии А. Трояновского в адрес заместителя Наркома иностранных дел Л. Карахана 31

¹⁷¹ Из доклада В.И. Ленина на I -м Всероссийском съезде казаков 1 марта 1920 г. ПСС, Т.40. – С.181-182. Текст: непосредственный.

¹⁷² The Covenant of the League of Nations // UN [Official Website] URL: <https://www.ungeneva.org/en/about/league-of-nations/covenant> (дата обращения: 25.08.2024): Текст: электронный.

марта 1932 г., в котором были представлены особенности международной обстановки на Дальнем Востоке после начала агрессии Японии против Китая и образования «самопровозглашенного» государства Манчжоу-Го, граничащего с СССР. Трояновский прямо называет это государственное образование «бандитами» и особенным фактором, кратно увеличивающим возможность войны Советского Союза с Японией.¹⁷³ Понимание необходимости лавирования в выборе признания/непризнания марионеточного режима Манчжоу-Го, заставляло высшее политическое руководство СССР оценивать последствия такого шага, как с точки зрения имиджевой потери в лице международного сообщества, так и с точки зрения своего собственного национального интереса на дальневосточном направлении. А продажа Советским Союзом КВЖД в 1935 году Манчжоу-Го, с учетом создавшейся обстановки на Дальнем Востоке, нашим Наркоминдел М. Литвиновым оцениваемая в информационном поле того времени, как результат «плодотворного сотрудничества» и «неутомимых усилий»¹⁷⁴, являлась мерой вынужденной. Формируя таким образом внешнюю политику на Дальнем Востоке СССР, напрямую не использовал инструментарий образа врага, но опосредованно его обозначал, как способ достижения целей национального интереса в это время и в этом месте (регионе).

Европейское направление внешней политики СССР в 30-е годы было акцентированно ориентировано на недопущение военного столкновения с любой европейской страной и, прежде всего, с Германией, взявшей курс после 1933 года на завоевание мирового господства. Причиной такому состоянию можно назвать «меморандум Гугенберга» – представителя делегации

¹⁷³ Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2010. – С.82-83. Текст: непосредственный.

¹⁷⁴ Молодяков, В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения. Ежегодник. Япония. 2009. – С. 294 -310. Текст: непосредственный.

Германии на Международной экономической конференции, проходившей в Лондоне с 12 июня по 27 июля 1933 г. Фактически – это был ультиматум, выдвинутый Германией международному сообществу, в котором содержались требования предоставить «новые пространства энергичному народу» Германии для выполнения «больших мирных работ». При этом акцент был сделан на получении таких пространств на Востоке (в СССР), что было оценено советским представителем на конференции, как «прямой призыв к войне против СССР»¹⁷⁵.

В выступлении Наркома иностранных дел Советского Союза М.М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г. был высказан основной внешнеполитический постулат того времени по отношению к Германии. «Мы не питаем никакой вражды к немецкому народу и не покушаемся ни на его территории, ни на его права >...< никогда не будем поощрять и другие государства к таким покушениям».¹⁷⁶

Возможности использования категории «враг» в начальный период существования фашистского режима в Германии 1933-1934 годов были оценены в ходе выступления И. Сталина в отчетном докладе о работе ЦК ВКП (б) на XVII съезде 26 января 1934 г. Определяя фашизм, как «модный товар воинствующих буржуазных политиков»,¹⁷⁷ был сделан вывод о том, что Германия руководствуется агрессивной внешнеполитической доктриной, направленной прежде всего на СССР.

Последующие несколько лет международного взаимодействия в рамках попытки формирования системы коллективной безопасности в Европе, подтвердили взгляды высшего политического руководства Советского Союза

¹⁷⁵ См. например: Известия. 1933. 29 марта; Правда. 1933. 29 марта, 30 марта, 3 апреля, 20 сентября, 23 сентября; Документы внешней политики СССР. Т. XVI. 1 января - 31 декабря 1933. - М., 1970. – С. 359. Текст: электронный.

¹⁷⁶ См.: Правда. 1933. 30 декабря.

¹⁷⁷ См.: XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. - М., 1934. – С. 8-36. Текст: электронный.

о враждебности власти фашистской Германии к нашей стране. Что нашло подтверждение уже 29 ноября 1936 г. в речи на VIII Чрезвычайном съезде Советов Наркоминдел М.М. Литвинова. А глава Советского правительства В.М. Молотов отнес господ фашистского государственного руководства вообще к категории «современных каннибалов-людоедов».¹⁷⁸

Продолжая строить основы власти на закрепленных после окончания Первой мировой войны территориях, советская политическая элита не исключала возможности использовать вражеский образ для создания собственного имиджа в международной среде. Это проявлялось и в период событий гражданской войны в Испании, когда та стала, фактически символом антифашистской борьбы, в которой участвовало более 42 тыс. добровольцев с разных континентов.¹⁷⁹ Советский Союз неоднократно за время испанского военного противостояния пытался реализовать идею вывода всех иностранных контингентов с территории Испании и поддержать законное республиканское правительство страны. Что следует оценивать, как дружелюбность в отношении не только народа и власти Испании, а и в отношении всех имеющих на тот момент участников урегулирования кризисной ситуации. Однако все устремления нашего дипломатического корпуса в этом направлении наталкивались на глухую стену непонимания и отрицания подобных позитивных инициатив со стороны Англии и Франции, определившими для себя политику формального «невмешательства» в этот интернациональный конфликт. Исходя из такой ситуации вектор дружелюбности в отношениях к этим государствам постепенно менял свое направление. Сначала – на нейтральное, а позже, когда они начали

¹⁷⁸ См.: Правда. 1936. – 30 ноября; Известия. 1936. – 30 ноября.

¹⁷⁹ По материалу: Рыбалкин, Ю. Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. – С. 28–29; СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. – С. 75–77, 78–80.; Новиков, М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании, 1936–1939 гг. Ярославль, 2007. – С. 188–199; СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. М., 2013. – С. 32–33, 46, 47–48, 50–51, 52–64, 67–69, 70–72, 73–74.

препятствовать любым советским инициативам по урегулированию ситуации в Испании – на не партнерское. Если не сказать больше – на враждебное.

Как свидетельствует проведенное исследование, опыт участия государств в испанских событиях, позволил Советскому Союзу получить однозначное представление об отношении к нашей стране «лжесоюзников» - Англии и Франции. Отношение же высшей политической власти Германии и Италии можно продемонстрировать событиями предшествующего 1938 года, когда неприглашение представителей СССР на Мюнхенскую конференцию обосновывалось нежеланием «Гитлера и Муссолини сидеть рядом в советском представителем».¹⁸⁰

Обращаясь к материалу статьи «Международная обстановка второй империалистической войны», представленной журналом Большевик в 1939 г., которая была написана В.П. Потемкиным, заместителем Наркома иностранных дел СССР под псевдонимом В. Гальянов, следует констатировать, что по взглядам высшего политического руководства нашей страны Вторая мировая война уже началась. В качестве основного врага в этой войне советская политическая доктрина рассматривала исключительно Германию. Страну, по оценке автора статьи, не только поправшую нормы международного права и решения Лиги наций, захватившую и захватывающую территорию других государств в угоду собственной амбиции по расширению жизненного пространства (Lebensraum – нем.). Именно Германию – государство, которое «осмелилось заявлять свои притязания на Советскую Украину, на Донбасс, на побережье Черного и Каспийского морей...».¹⁸¹ В международной среде, продолжая оценку германских

¹⁸⁰ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939 / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ЧССР. — М.: Политиздат, 1979. — С. 319–320. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/91053-dokumenty-po-istorii-myunhenskogo-sgovora-1937-1939> (дата обращения 25.08.2024) Текст: электронный.

¹⁸¹ URL: <https://paul-atrydes.livejournal.com/183808.html> (дата обращения 25.07.2024) Текст: электронный.

внешнеполитических устремлений, такое положение вещей представлено, как «вожделение хищника, разбойника, опьяненного своей безнаказанностью, программа «вождя», возведенная в теорию, которая оправдывает презрение и ненависть к «низшим расам»». ¹⁸² Доказательной базой для этих слов может служить не только насильственный захват без войны чужих территорий (Австрии или Чехо-Словакии(sic)), а и истребление целых народов, пылающие города, появление новых и новых узлов противоречий, которые превращаются в вооруженные столкновения. Повторение «вражеских окопов на подступах к жизненным центрам России: у Риги, Двинска, Молодечно, Барановичей, Минска» ¹⁸³, как мрачные картины из памяти Первой мировой войны.

В этом же 1939 году, только 31 октября на заседании Верховного Совета Союза ССР в докладе Председателя СНК В.М. Молотова можно увидеть совершенно иную оценку представления внешнеполитического облика Третьего рейха, сформированную после заключения с Германией договоров о ненападении 23 августа 1939 г., дружбе и границах 28 августа и торгового соглашения. Руководителем Советского Правительства описана картина трансформации образа Германии, как враждебного государства, навязанного и «всячески подогреваемого со стороны некоторых европейских держав». ¹⁸⁴ Польское государство было названо в докладе второго лица советского государства «уродливым детищем Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей». ¹⁸⁵ Кроме этого, оценивая состояние войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией – с другой, дается обоснование изменений в международной среде к понятиям «агрессия»

¹⁸² См.: URL: <https://paul-atrydes.livejournal.com/183808.html> (дата обращения 25.07.2024). Текст: электронный.

¹⁸³ См.: Там же.

¹⁸⁴ См.: В.М. Молотов «О внешней политике Советского Союза» - Доклад на заседании внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва // Интернациональная литература 1939, -№11, С.1-11 URL: <http://www.inostranka.ru/data/documents/1939-11-Molotov.pdf> (дата обращения 28.08.2024). Текст: электронный.

¹⁸⁵ См.: Там же, – С.1.

и «агрессор». В контексте необходимости реализации внешнеполитических задач СССР того конкретного периода, указанные понятия наполнились новым содержанием и словами В. Молотова «приобрели новый смысл». Англия и Франция представлены им, как страны не желающие заключения мира. «Преступно вести войну за «уничтожение гитлеризма», прикрываясь флагом борьбы «за демократию».¹⁸⁶

Представляя внешнеполитические взгляды Советского Союза в этот период, главой правительства в полной мере использовался в качестве инструмента образ врага, как категория, форма и способ, в необходимой степени отвечающие национальным интересам нашей страны, сформированным на основе субъективного восприятия международной обстановки высшим политическим руководством СССР. Такой подход позволил объяснить международному сообществу и ввод частей Красной Армии с 17 сентября 1939 г., как результат последовательной внешнеполитической линии. В соответствии с которой Советское Правительство направило специальную ноту всем государствам, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, о том, что «мы и впредь будем проводить политику нейтралитета в отношениях с ними».¹⁸⁷ При этом констатация факта вступления вооруженных сил Советского Союза на территорию Польши связывалась с полным развалом государственности этой страны.

В анализируемом документе внешняя политика СССР с Эстонией Латвией и Литвой, оцениваемых как «малые» государства, представлена дружественной. Что доказывается не только активным дипломатическим взаимодействием с ними и заключенными пактами о ненападении, а и

¹⁸⁶ См.: Там же, С.2.

¹⁸⁷ См.: В.М. Молотов «О внешней политике Советского Союза» - Доклад на заседании внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва //Интернациональная литература 1939, -№11, С.3 URL: <http://www.inostranka.ru/data/documents/1939-11-Molotov.pdf> (дата обращения 28.08.2024). Текст: электронный.

совместными решениями, к примеру, по защите их границ, а также передаче г. Вильно и Виленской области Литовской Республике.

Проводимые исследования формирования образа врага как инструмента внешней политики дают возможность оценки данного феномена в рамках официально признанных советской властью концептуальных изданий 30-х годов XX века. К ним следует отнести вышедшую в свет в 1938 г. «Историю Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): Краткий курс», где в первых параграфах XI и XII глав дается официальная оценка внешней политики нашей страны в отношении Германии за период 1933-1937 гг. Где, наряду с оценкой значимости коммунистической партии Германии, за которую было отдано шесть миллионов голосов на последних выборах перед приходом к власти в этой стране НСДАП¹⁸⁸ также представлено советское внешнеполитическое восприятие власти и народа Германии в течение этого времени.

Основой для использования образа врага в издании определено как соизволение ведущих европейских государств о возможности насильственного пересмотра границ после Первой мировой войны, так и «вползание» стран и народов во Вторую империалистическую войну на фоне начавшегося противостояния в Испании.¹⁸⁹

Отдельным направлением внешней политики СССР в этот период определено взаимоотношение с Финляндией, которое можно представить как дружественное, но только лишь до того момента, когда национальный интерес СССР по поводу реализации своих предложений в связи с отодвижением госграницы от Ленинграда, Аландских островах, г. Випури (Выборга) и др. в советско-финском взаимодействии не был удовлетворен финской стороной.

¹⁸⁸ История Всесоюзной Коммунистической Партии (Большевиков). М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. – С. 288. Текст: непосредственный.

¹⁸⁹ История Всесоюзной Коммунистической Партии (Большевиков). М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. – С. 289. Текст: непосредственный.

О необходимости сохранения дружественности Советского Союза по отношению к Финляндии даже напомнил еще в 1933 году в своем письме, направленном в адрес Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина, президент США Ф. Рузвельт.¹⁹⁰

В ответе на послание Рузвельта было акцентировано внимание на то, что переговоры между СССР и Финляндией ведутся исключительно для упрочения отношений между двумя государствами, дружественности и добрососедства, а также в интересах безопасности обоих государств.¹⁹¹

В исследовании столь сложного исторического периода есть необходимость представить анализ использования образности во внешней политике нашей страны и в отношении Турции. Длительные советско-турецкие переговоры с апреля по октябрь 1939 показали «свое истинное лицо»¹⁹² советской делегации в связи с переориентацией внешнеполитического курса Турции на взаимодействие с Англией и Францией. Что было подтверждено подписанием пакта о ненападении с этими государствами.

Восточное направление советской внешней политики предполагало в эти годы формирование состояния если не дружественности, то уж точно не

¹⁹⁰ Послание президента США Ф.Д. Рузвельта председателю ЦИК СССР М.И. Калинину в числе других глав государств - участников Мировой экономической конференции и Конференции по сокращению и ограничению вооружений. 16 мая 1933 г. // ДВП СССР. Т. XVI. С. 300-302. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/155494-poslanie-prezidenta-ssha-f-d-ruzvelta-predsdatel'yu-tsik-sssr-m-i-kalininu-v-chisle-drugih-glav-gosudarstv-uchastnikov-mirovoy-ekonomicheskoy-konferentsii-i-konferentsii-po-sokrascheniyu-i-ogranicheniyu-vooruzheniy-16-maya-1933-g> (дата обращения 28.08.2024). Текст: электронный.

¹⁹¹ По материалу: Шифртелеграмма членов Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича и В. М. Молотова И. В. Сталину с проектом ответа председателя ВЦИК М. И. Калинина на письмо президента США Ф. Рузвельта о советско-американских отношениях. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 48. Л. 16. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296993> (дата обращения 28.08.2024). Текст: электронный.

¹⁹² По материалу: В.М. Молотов «О внешней политике Советского Союза» - Доклад на заседании внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва //Интернациональная литература 1939, -№11, С.10 URL: <http://www.inostranka.ru/data/documents/1939-11-Molotov.pdf> (дата обращения 28.08.2024). Текст: электронный.

враждебности, особенно после урегулирования конфликта с Японией на монголо-манчжурской границе. Дружественные отношения на дальневосточном направлении с Монгольской Народной Республики и государством Манчжоу-Го «образовали своеобразную систему сдержек и противовесов, тем самым законсервировав отношения с Японией в неизменном положении с 1935 года, что позволило СССР как избежать войны с Японией, так и предотвратить войну на два фронта во время Второй мировой войны»¹⁹³.

Как свидетельствуют результаты проводимого исследования, важным направлением стратегического курса СССР, направленного на создание системы «коллективной безопасности» в конце 1930-х годов, было акцентирование внимание на внутригосударственной пропагандистской работе, ядром которой было формирование образа Германии, как основного врага в защите национальных интересов и сохранении суверенитета. В этой пропагандистской машине основная роль была отведена не только официальным документам партии и Советского правительства, а и печатным изданиям. В это время темами советской печати становятся не только «провокации гитлеровских банд против компартии» или «шуты на троне», оценивающие деятельность высшей германской власти.¹⁹⁴ В качестве основных печатных средств в СССР для представления населению страны и формирования у него негативного враждебного образа германского фашизма использовались, в качестве основных, печатные издания газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», журнал «Спутник агитатора»¹⁹⁵.

¹⁹³ Цит. по: Герасимов, Д.И. Фактор государства Манчжоу-Го в советско-японских отношениях 1931-1935 гг. // Человеческий капитал, 2023, № 4(172). – С. 44.

¹⁹⁴ По материалу: Григорьева, О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933 -1941 гг. Дисс. канд. ист. наук М.- 2008. – С.112.

¹⁹⁵ Массовый общественно-политический журнал ЦК и МК ВКП(б). Издавался в 1923—47 для партийного и комсомольского актива, агитаторов и пропагандистов; до 1930 выходил 2 раза в месяц, затем 3 раза. В журнале публиковались обзоры, статьи по вопросам политической, хозяйственной и культурной жизни СССР, по международной политике, международному рабочему и коммунистическому движению. С 1956 издаётся журнал

Выводы по параграфу:

Внешняя политика российского и советского периода с 1914 по 1939 годы представляла достаточно широкую и разноплановую картину формирования образа врага в международной среде для достижения целей национального интереса. В годы Первой мировой войны акцент в формировании образа врага как инструмента внешней политики был сфокусирован на основном противнике – Германии. При этом во внешнеполитической риторике следует отмечать наличие не только германской субъектности, но и субъектности ее союзника – Австро-Венгрии. Основными врагами России определялись «немцы, мадьяры и другие народы, угнетающие русских». Что свидетельствует о наличии националистско-этнического аспекта в такой внешнеполитической инструментальной картине, как образ врага.

В годы польско-советского противостояния 1920 года, наряду с контекстом враждебности в отношении польского политического руководства и лично Ю. Пилсудского, проявился элемент враждебности к своему бывшему союзнику по Антанте – Франции. Что стало возможным благодаря деятельности наших дипломатических представителей за рубежом, раскрывших истинность французских замыслов в отношении Советской России в это непростое для страны Советов время.

В период, непосредственно предшествующий началу Второй мировой войны в 1939 году, образ врага использовался во внешней политике СССР волнообразно. Активизацию «эксплуатации» в советской внешней политике образа врага в достаточно многоаспектном виде следует отметить с приходом к власти в Германии Гитлера в 1933 г. Если под влиянием коммунистической

«Агитатор» (пояснение автора на основе URL: <https://rus-bse.slovaronline.com/74595-%D0%A1%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0> (дата обращения 29.08.2024)). Текст: электронный.

идеологии во внешней политике Советского Союза, Германия и Гитлер с его фашистскими устремлениями мирового величия и превосходства немецкой нации над другими народами, рассматривались в однозначно воспринимаемом контексте, как враги. То по мере трансформации, прежде всего, европейской международной среды и нежелании ведущих европейских государств озаботиться проблемой формирования коллективной безопасности с участием СССР, образ Германии трансформируется из откровенно враждебного – на, хотя бы внешне обозначаемый, но дружественный. Что было вынужденным состоянием, связанным с неготовностью Советского Союза к открытому военному противостоянию с Третьим рейхом. Подтверждением этому в большинстве партийных и государственных документов этого периода времени сохраняется настороженность по поводу однозначности такой определенности.

Выводы по главе 2

Трансформацию образа врага как инструмента в зарубежной и отечественной внешней политике в период 1914 -1939 г. следует оценить как закономерный процесс, влияние на который оказывают как внешние факторы, так и внутреннее состояние политической власти государств на нацеленность защиты, прежде всего, своих национальных интересов. Активизация образа врага происходит по мере возрастания напряженности в международной среде и роста противоречий между государствами в конкретной международной ситуации. В этом контексте роль культивирования образа врага возрастает в предвоенный и военные периоды указанного исторического этапа. В зарубежном внешнеполитическом дискурсе образ врага формировался, прежде всего, на основе отрицания коммунистической идеологии, как таковой, и ориентировании своей внешней политики по пути противодействия деятельности Коминтерна. Во внешней политике Советской России врагом определялся международный империализм – фактически все государства

буржуазного толка в международной среде, которые оценивались как потенциальные объекты мировой революции.

В межвоенный период 1918-1939 гг. следует отметить в международной среде переосмысление категорий дружественности/враждебности. Те субъекты международных отношений, которые в течение длительного времени были союзниками России (Англия и Франция) перешли в категорию достаточно зыбко определяемую – партнеры-противники, без однозначного обозначения в качестве врагов. Однозначно формировались внешнеполитические приоритеты нашей страны только по отношению к Германии. Но этот процесс носил волнообразный характер: от партнера по поражению в Первой мировой войне, – к союзнику и партнеру по переговорному процессу с целью решения общих проблем, связанных с репарациями, территориями и восприятием международным сообществом и до враждебного государства после прихода к власти в Германии Гитлера. Период же с 1933 по 1939 год в международных отношениях был связан с обозначением формального подхода во внешнеполитической деятельности большинства государств по поводу дружественности/враждебности. Где сталкивалось понимание конкретной угрозы и враждебности, исходившей от конкретных субъектов международной среды и необходимость лавирования с целью сохранения собственной безопасности, хотя и на непродолжительный период времени. При этом со стороны Советского Союза в контексте использования указанного внешнеполитического инструментария последовательно проводилась грань между фашистской властью в Германии с ее гегемонистскими устремлениями и немецким народом. Такой подход сохранился фактически до второй половины 1941 года. О чем будет вестись речь в следующей главе диссертации.

Глава 3. Особенности формирования образа врага как инструмента внешней политики в международных отношениях во время Второй мировой и «холодной» войн до 1991 г.

Исследование исторических аспектов формирования столь сложного внешнеполитического инструмента XX века, как образ врага, в контексте уже частично обозначенного очертания его особенностей, связанных с акцентированием внимания в период предвоенного и военного времени, выявлена необходимость представления его авторского анализа в период Второй мировой и «холодной» войн. При этом, и начальный период Второй мировой войны – с 01 сентября 1939 г. до 22 июня 1941 года, и период Великой Отечественной войны до 09 мая 1945 года и так называемый – особый период войны с 09 августа по 02 сентября 1945 г., который во многих, даже энциклопедических изданиях не упоминается вообще,¹⁹⁶ требует детального исследования и представления его результатов. Это же касается и послевоенного периода, названного «холодной войной», отражающего внешнеполитические аспекты формирования образа врага, но, казалось бы, в мирное, но сложное для международной среды время.

§1. Трансформация образа врага в условиях кризисного состояния системы международных отношений в годы Второй мировой войны

Как уже было отмечено в предыдущем материале «запах войны», витающий в Европе и мире во второй половине 1930-х годов, материализовался с момента нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. К этому времени в СССР началась активная подготовка своего населения к возможному военному столкновению с фашистской агрессией. При этом, основной упор во внутрисполитической пропагандистской деятельности

¹⁹⁶ Например: Хронология Второй мировой войны. Энциклопедия холокоста URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/world-war-ii-key-dates> (дата обращения 10.10.2024). Текст: электронный.

советской властью делался на наиболее массовые средства, такие как кино и печать. Так на экраны страны выходят художественные фильмы: 1 декабря 1938 года – «Александр Невский»¹⁹⁷, 1 мая 1939 года – «Щорс», 29 июля 1939 года – «Всадники»¹⁹⁸, которые возвращая советских зрителей к событиям прошлого военной столкновения с германской армией, закладывая основу восприятия армии Третьего рейха, как агрессора и формировали готовность общества к защите Отечества.

При этом, озабоченность собственной безопасностью была характерна в это время не только для СССР. Как свидетельствуют результаты исследования, после нападения Германии на Польшу уже 5 сентября 1939 г. администрация США заявила о своем нейтральном отношении к этому событию¹⁹⁹, сославшись на закон о нейтралитете 1937 г. Их примеру последовали Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Швейцария и Португалия.²⁰⁰ В этом случае заключенные договоры между СССР и Германией 19, 23 августа и 28 сентября 1939 г. создавали ситуацию не только, так называемых, «полусоюзнических» отношений, но и возможности ожидания во внешней политики Германии «поворота в сторону добрососедских отношений с Советским Союзом».²⁰¹

¹⁹⁷ Григорьева, О. И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933 -1941 гг. Дисс. канд. ист. наук М.- 2008. – С.172.

¹⁹⁸ URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/45920/> (дата обращения 10.10.2024). Текст: электронный.

¹⁹⁹ Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А. Д. Богатурова. Том 1. 1918–1945 гг.-М., 2006. URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1/chapter14_1.htm (дата обращения 10.10.2024). Текст: электронный.

²⁰⁰ См.: Там же.

²⁰¹ Из выступления В.М. Молотова на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР первого созыва. 31 августа 1939 г. // "Правда", 1 сентября 1939 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102783-iz-vystupleniya-v-m-molotova-na-vneocherednoy-chetvertoy-sessii-verhovnogo-soveta-sssr-pervogo-sozyva-31-avgusta-1939-g> (дата обращения 12.10.2024). Текст: электронный.

В современном политическом и общественно-историческом дискурсе существуют различные точки зрения по поводу такого резкого поворота в советско-германских отношениях буквально в последние предвоенные дни и сразу после начала военных действий Второй мировой войны. Пакт о ненападении, заключенный 23 августа между СССР и Германией, называемый пактом Молотова-Риббентропа, служит предметом фальсификации истории причин самой войны и ее последствий. При этом фальсификаторскими подходами к этим событиям «грешат», в основном, политики и политологи западных государств и даже выходцы из бывшего Советского Союза, типа «великого историка-фальсификатора», бывшего сотрудника легальной резидентуры ГРУ в Женеве Виктора Суворова*. При этом, споры по поводу необходимости принятия таких решений, фактически о разделе сфер влияния (в соответствии с секретным протоколом, подлинность которого до сих пор также является предметом дискуссий), выходят далеко за рамки исторической науки, а становятся предметом даже политических решений на уровне объединений западных государств. В качестве примера следует указать, что на 18-й ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ в 2009 году была одобрена Вильнюсская декларация, приравнявшая значимость и влияние для мира тоталитарных режимов: нацистского и сталинского, разделивших территорию Европы на сферы влияния в 1939 г. Эти режимы были названы преступными. При этом ОБСЕ предпочло не упоминать о Мюнхенском сговоре и аннексии Австрии в 1938 г.

В 96-серийном документальном фильме «Вторая мировая - день за днем», снятом режиссером В.С. Правдюком и вышедшем на экраны в 2005 г., представлен материал о событиях 1939-1945 гг. Фильм основан на значительном массиве архивных материалов с привлечением кино и фотодокументов. Говоря об освобождении народов Европы, авторы фильма констатируют, что СССР в этой ситуации добивался создания особого пояса безопасности, отделяющего его от агрессивного западного влияния. Хотя

формирование пояса безопасности Советским Союзом было начато еще в предвоенное время, когда благодаря «известным фактам тайной дипломатии, советское руководство после поражения Польши, в стремлении договориться с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы было вынуждено поставить в известность лидеров этих стран о разделе Восточной Европы на сферы влияния между Германией и СССР»²⁰². Этот факт авторами фильма просто умалчивается.

Следует согласиться с точкой зрения по поводу необходимости заключения указанного договора о ненападении с Германией, связанной с нежеланием Англии и Франции заключать союзнические соглашения с Советским Союзом перед лицом начала войны и возможностью, в случае нападения на СССР вести войну нашей страной на два фронта – против Германии и против Японии.²⁰³ Это была попытка установить предел распространения германской экспансии на Восток. Не зря уже 24 августа 1939 года на первых полосах ведущих советских изданий позиционировалась смена векторов направлений в советско-германских отношениях. Когда «вражде Германии и СССР положен конец».²⁰⁴

С другой стороны, эти соглашения с Германией можно было оценить, как реакцию на отрицание Великобританией и Францией союзнических отношений против Германии, что было подтверждено в речи Председателя СНК В.М. Молотова на заседании VII сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. в условиях «странной войны» в Европе: «...наше

*Настоящее имя Виктор Богданович Резун, написавший книги «Ледокол», «Последняя республика» и подобные, представляющие альтернативную историю причин и начала войны, искажающую роль советского народа в уничтожении гитлеровского фашизма. (пояснения автора).

²⁰² Найдено, Б.Н. Прибалтийский регион в советской военной политике (1918 -1940 гг.): монография. – М.: Издательство «Дирижабль», 2020. – 410 с. Текст: непосредственный.

²⁰³ Вишлёв, О.В. Накануне 22 июня 1941 года. — М.: Наука, 2001 – С. 13-14. URL: <https://militera.lib.ru/research/vishlev/index.html> (дата обращения 12.10.2024). Текст: электронный.

²⁰⁴ См.: Спутник агитатора. 1939. № 16. – С. 42-43.

Правительство, устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских мероприятий вдоль нашей западной границы и, вместе с тем, обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке.»²⁰⁵ В подтверждении дружественности Германии и СССР 8 января 1940 г. между Москвой и Берлином было открыто регулярное ежедневное воздушное сообщение по маршруту: Москва-Минск-Белосток-Кёнигсберг-Гданьск-Берлин. Советские «Дугласы ДС-3» «Аэрофлота» летали до Кёнигсберга, а там пассажиры пересеживались на немецкие самолеты «Дёйче Люфтвагза».²⁰⁶

Внешнеполитической ситуации, связанной с Германией, посвящалось значительное количество публикаций в центральной прессе Советского Союза в это время. К примеру, только за 1939-1940 гг. и только в «Правде» было опубликовано 4922 материала, посвященного либо самой Германии, либо взаимоотношениям с ней нашей страны.²⁰⁷

В общественной жизни советских людей с подачи государственной власти также происходил трансформационный сдвиг в восприятии Германии – от врага, – к союзнику, что может быть подтверждено, в том числе и в деятельности Главного управления по делам литературы и издательства при Наркомпросе РСФСР — Главлита. Когда после подписания Пакта о ненападении началось изъятие из торговой сети и из библиотек, тех изданий, которые содержали обозначение Германии, как государства фашистского

²⁰⁵ Цит. по: СССР. Верховный Совет. Заседания Верховного Совета СССР. - М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1938-1991. Седьмая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (1 августа-7 августа 1940 г.): стенографический отчет. 1940. – С. 24. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/31969-sedmaya-sessiya-verhovnogo-soveta-sssr-1-go-sozyva-1-avgusta-7-avgusta-1940-g-stenograficheskiy-otchet-1940> (дата обращения 14.10.2024). Текст: электронный.

²⁰⁶ Гражданская авиация России: крылья Страны Советов URL: <https://zavodfoto.livejournal.com/4596717.html> (дата обращения 14.10.2024). Текст: электронный.

²⁰⁷ По материалу: Григорьева, О. И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933 -1941 гг. Дисс. канд. ист. наук М. 2008. – С.104.

толка и тех изданий, которые «не соответствовали реалиям складывающейся международной обстановки» конца 1939 г. При этом изъятию подлежали даже труды Эрнста Тельмана – главы компартии Германии и только лишь потому, что в них встречались упоминания «врагов народа» советской власти внутренних и никак не связанных с международными отношениями СССР и Германии и формированием ее дружественного или враждебного образа.²⁰⁸ Обращение к образу врага, как инструменту внешней политики было свойственно в предвоенный и особенно военный период Второй мировой войны большинству участников международных отношений, о чем уже упоминалось.

В Германии образ врага эксплуатировался достаточно активно не только после прихода к власти Гитлера в стране. Особый акцент на использование этого внешнеполитического инструмента был сделан как раз в последние предвоенные и военные годы Второй мировой войны. Но в отличие от советского подхода, высшая политическая власть Германии обозначала в своей международной повестке не только коммунизм, а и еще «западные демократии» в лице основных ее представителей Великобританию, Францию и даже США. А отношение этих государств к Германии даже со времен Веймарской республики позиционировалось, как взаимоотношение метрополии с колонией.²⁰⁹ В развитии враждебного отношения в межвоенный период со стороны Франции германским политическим руководством был оценен Пакт о взаимопомощи с СССР, заключенный в 1935 г., как нарушающий Локарнские соглашения от 1925 г. и создающий атмосферу «окружения» Германии в Европе.²¹⁰ Поджигателями войны в 1938 г.

²⁰⁸ По материалу: ГАРФ. - Ф. 9425, Оп. 2, Д. 19, - Л. 121, 176.

²⁰⁹ Gorr, D. Nationalsozialistische Sprachwirklichkeit als Gesellschaftsreligion: Eine sprachsoziologische Untersuchung zum Verhältnis von Propaganda und Wirklichkeit im Nationalsozialismus. Aachen, 2000. S. 74.

²¹⁰ См.: *Springenschmid*, K. Deutschland und seine Nachbarn. Geopolitische Bildreihe. Mit einem Geleitwort von K. Haushofer. Leipzig, 1937. S. 23.

назывались британские политические деятели А. Иден, У. Черчилль, А. Дафф Купер.²¹¹ Отношение к США германской политической властью оценивалось двойственно. Когда оценивалась «хорошая Америка в лице фермеров Среднего Запада» и Америка «плохая» - недружественная, представленная «порочной комбинацией из евреев, интеллектуалов и проанглийски настроенных финансистов».²¹²

После 1 сентября 1939 г. в связи с объявлением начатой Германией войны «войной навязанной»²¹³, в качестве основного объекта германского внешнеполитического влияния при создании образа врага становится Великобритания. «Коварный Альбион» германской политической властью оценивался, как основной источник бед и самый опасный конкурент, пренебрегающий мирными инициативами Гитлера. А начатая война – это война против беспощадного британского угнетения колоний. И ее одной из основных целей было провозглашено лишение британской монополии колониальной власти мира, которая не дает значительной части суши «обогащаться культурно».²¹⁴ Великобритания и Франция с этого времени, а с 1941 г. и США, начали позиционироваться в германской политической пропаганде уже как идеологические противники и борьба против них для политической власти страны была обозначена ничем иным, как возможностью свержения капиталистических режимов в этих странах для защиты национал-социализма. Что фактически может быть оценено, как подобие коминтерновским устремлениям в контексте свержения власти буржуазии в большинстве западных государств.

Взаимоотношения Германии с СССР период 1939-1941 гг. были ознаменованы, говоря аллегорическим языком «взрывом мозга». Когда в

²¹¹ См.: 28.10. 1938 г. //NS-Presseanweisungen... Bd 6. S. 1016.

²¹² Diner D. Diner D. Verkehrte Welten. Antiamerikanismus in Deutschland. Ein historischer Essay. Frankfurt a/M., 1993. S. 106-107. 546.

²¹³ 28.4 -4. 5. 1940 г. // Wochensprüche der NSDAP

²¹⁴ Kühn, J. Über den Sinn des gegenwärtigen Krieges. Heidelberg; B.; Magdeburg, 1940. S.55.

кратчайшие сроки, буквально сразу после заключения пакетных соглашений августа-сентября 1939 г. две страны, как и сразу после подписания Версальских соглашений оказались волей случая в «одной лодке». Как уже было упомянуто – стали «полусоюзниками». Были вынуждены лавировать между истинными целями своего собственного национального интереса и вынужденностью складывающейся международной обстановки. Определяющим фактором которой явилось внешнее влияние европейских и иных субъектов международной среды. Фактически, была разорвана традиция, сложившаяся в отношениях Германии и СССР, по взаимной дискредитации друг друга в международном взаимодействии. Уже перед подписанием Пакта о ненападении в политическом поле Германии начали культивироваться национально-державные мотивы о сближении Третьего рейха и СССР, как факт традиционности дружественности связей между странами в период кайзеровско-прусской Германии и царской России.²¹⁵ При этом идея еврейского присутствия в эшелоне высшей политической власти Советского Союза с германской повестки дня не снималась, хотя и активно и не педалировалась.

Как свидетельствует результат контент-анализа публикаций того периода, отражающий отношение германской власти и немецкого общества к СССР – никаких прямых указаний по поводу «правильности» восприятия образа нашей страны в международной среде, – дружественного или враждебного, – гитлеровская власть не делала.²¹⁶ Политической верхушкой Германии в это время даже рассматривались, казалось бы, даже утопические варианты присоединения СССР к Антикоминтерновскому пакту²¹⁷, дабы представить нашу страну в качестве одного из важных союзников в борьбе

²¹⁵ По материалу: *Шварцкопф*, К.Э. Образ внешнего мира в национал-социалистической пропаганде (1933-1941 гг.). Дисс...канд. ист. наук. Краснодар, 2004. – С. 155-156.

²¹⁶ *Ziegler*, W. Die Judenfrage in der modernen Welt. B., 1939. S. 15.

²¹⁷ 2. 1940 г. // *Deutschland-Berichte...* Bd. 6. S.116

стран Оси против «западных демократий», ущемляющих национальные интересы и Германии, и Советской России.

В период советско-финской войны 1939-1940 гг. у политической власти Германии появился повод найти общее – дружественное во внешней политике Третьего рейха и нашей страны, когда государства решают проблемы собственной безопасности в международной среде с использованием силовых методов. Иногда даже и совместно, как это было на территории Польши. Как свидетельствует анализ публикаций германской прессы, население Германии негативно относилось к этой войне и особенно к ее результатам, а также к тому, что к СССР была присоединена Буковина, вероятно, забыв напрочь о тех «территориальных приобретениях», которые Германия реализовала к этому времени. Последующие события Второй мировой войны, после вторжения Вермахта на территорию СССР, свидетельствуют о коренном изменении в использовании такого внешнеполитического инструмента, как образ врага, во внешней политике гитлеровской Германии.

Перед представлением анализа формирования образа врага как инструмента внешней политики в международных отношениях периода 1941-1945 гг. появилась необходимость представления некоторых промежуточных умозаключений по предмету исследования.

Результатами диссертационного исследования установлено, что формирования образа врага как инструмента внешней политики межвоенного периода, не может быть оценено как процесс эволюционный, с точки зрения его теоретического понимания и осмысления. Когда эволюция любого факта, события, явления и действия – это процесс увязывающий воедино, в едином информационном историческом поле три основные стадии: зарождение, становление и развитие. С последовательным переходом из одного достаточно стабильного состояния в определенный, исторически оправданный промежуток времени, – в другой, такой же относительно стабильный и исторически оправданный промежуток. Образ врага как политический

феномен, основанный на психологически обоснованной необходимости власти любого из представленных в диссертационном исследовании государств в защите собственных национальных интересов в определенной международной ситуации, проходит через стадии разновременной трансформации.

Этот процесс характерен и для хронологически обоснованного периода начала и всего времени Великой Отечественной войны. Эта война «создала новую ситуацию между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности».²¹⁸ Если до 1940 года правительство СССР еще надеялось на укрепление взаимодействия с государствами, благодаря формированию деловых связей, то следующий 1941 г. показал, что эти надежды напрасны. Это касалось и отношений с ведущими странами европейской демократии – Великобританией и Францией после, фактически, сорванных переговоров о военно-политическом союзе против фашистской Германии. И отношений с Германией, которая шла по пути свертывания торгово-экономического взаимодействия, обозначенных торговыми соглашениями 1939-1940 гг., что являлось практическим показателем активизации подготовки Германии к войне против нашей страны. Мы войны с Германией не хотели и были к ней не готовы.²¹⁹ К таким же показателям – предвестникам «большой войны» следует отнести сворачивание в нашей стране деятельности представительств Германии СССР с выездом сотрудников этих представительств из нашей страны. Начиная с марта-апреля 1941 г. и активизацией нарушений государственной границы германской авиацией. Когда за всего лишь один неполный месяц количество таких нарушений перевалило за 80.²²⁰

²¹⁸ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. — М.: Кучково поле, 2014. — С.35.

²¹⁹ Чубарьян, А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. — С. 328.

²²⁰ АВП РФ Ф.082, Оп.24, Д.5, Папка 105, Т.2, Л.1.

К сожалению, значительное количество отрытых источников и до сих пор не дают полной картины, предшествующей нападению гитлеровской Германии на Советский Союз. Огромный массив данных по этому поводу остается по-прежнему закрытым, даже в нарушение Закона РФ «О Государственно тайне», который не был отредактирован ни разу после его принятия в 1993 г.²²¹ Ибо даже запрет советского руководства в случае прямого военного столкновения с Германией о переходе границы с ней и «нанесении ударов авиации на глубину более 100-150 км. на ее территории» в соответствии с директивой №2 нашего Генерального штаба отправленной в войска утром 22 июня 1941 г.²²²свидетельствовал о попытке нашей политической власти сохранить дружественность в отношении с Германией уже даже тогда, когда агрессия против СССР стала явной и полномасштабной. Это был один из ведущих способов в сложившейся международной ситуации повлиять на свое общество с целью сохранения дружественности по отношению к германскому пролетариату, составляющему подавляющее большинство участников вооруженных сил Третьего рейха.

Известиями возможности нападения на СССР служили и сообщения сотрудников нашей внешней разведки, и аналитические письма и телеграммы из наших посольств и представительств, приходившие дипломатической почтой из большинства стран мира. О которых высшее политическое руководство СССР во главе со Сталиным И.В. конечно же знало, но всячески старалось оттянуть момент военного столкновения с гитлеровской Германией, постоянно пытаясь своими решениями ослабить международную напряженность, усиливая темпы перевооружения Красной Армии. Отсюда напрашивается вывод о том, что внезапность нападения Германии может быть

²²¹ Закон РФ "О государственной тайне" от 21.07.1993 N 5485-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения 17.10.2024). Текст: электронный.

²²² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. — М.: Кучково поле, 2014. — С.113.

оценена, как внезапное только для пограничников на западной границе СССР, войск, дислоцированных на западном направлении нашей территории: Ленинградского, Западного, Одесского особых военных округов и простых граждан нашей страны. Для высшего политического и военного руководства СССР ситуация с внезапным нападением Германии на СССР в ночь на 22 июня 1941 г. может быть оценена только как военно-стратегическая и политическая ошибка, которая стоила нашей стране более 27 млн. жизней и уничтоженной инфраструктуры практически на всей европейской территории Советского Союза. Что также может быть оценено в контексте необходимости обозначения одного из возможных научных направлений продолжения исследования темы с целью извлечения уроков из прошлого для недопущения стратегических ошибок в принятии важных внешнеполитических решений в будущем.

Вступление СССР во Вторую мировую войну, после нападения на ее территорию вооруженных сил Германии, обозначило совершенно новый этап в трансформации всего характера международных отношений. Когда и нейтральные государства, и откровенные противники Третьего рейха не только осознали опасность фашизма, но и ощутили свою собственную индивидуальную незащищенность в создавшейся международной ситуации. Получилась так, что в начавшуюся схватку между великими державами за передел мира, было втянуто значительное количество и «малых» стран. Война превратилась в борьбу за выживание народов и приобрела однозначную антифашистскую направленность.

Именно в таких условиях проявилась необходимость создания действенной антифашистской коалиции вне рамок идеологического предпочтения различных государств и народов. Здравый смысл преобладал в международной среде в это время. «Коалиции надо противопоставить

коалицию, а не изоляцию».²²³ Только коалиционные действия могли способствовать отражению агрессии и разгрому фашистской Германии и ее сателлитов. Стоит отметить, что именно в это время была оказана психологически важная поддержка нашему народу со стороны Великобритании, когда в своей речи по радио 22 июня 1941 г. британский премьер-министр У. Черчилль, как руководитель государства, ведущего уже два года войну против Германии, напоминая о своей многолетней борьбе против коммунизма в лице Советской России, в создавшейся международной ситуации говорил о готовности протянуть СССР руку помощи. «Опасность, угрожающая России, – это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам».²²⁴ Он констатировал, что «это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, веры или партии».²²⁵ «Любой человек или государство, которые идут с Гитлером – наши враги».²²⁶

Как свидетельствуют результаты проводимого исследования, не все однозначно формировалось в мире по отношению к гитлеровской Германии. Так известия о вторжении Гитлера на территорию СССР в США было принято сдержанно и может быть оценено, как «выжидательная позиция». В отношениях с высшим американским политическим руководством Советское Правительство, руководствуясь национальным интересом, видело возможность получения в первую очередь военно-технической помощи, как от страны, не участвующей в войне и объявившей о своем нейтралитете. Для Вашингтона главным в любой из войн – был и остается только бизнес. И тем не менее, США и Великобритания уже 14 августа 1941 г. подписывают

²²³ И. Сталин в беседе с английским послом в СССР 8 июля 1941 г. / Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1983. Т. 1. – С. 70.

²²⁴ BBC (Великобритания): речь Уинстона Черчилля, 22 июня 1941 года. URL: <https://inosmi.ru/20110622/171041761.html> (дата обращения 17.10.2024). Текст: электронный.

²²⁵ См.: Там же.

²²⁶ См.: Там же.

Атлантическую хартию, как основной программный документ совместной антигитлеровской деятельности. А 24 сентября к ней присоединяется СССР и другие страны.²²⁷

Проводимое диссертационное исследование подтверждает, что этот документ стал символом, если не дружественности, то сотрудничества между СССР, Великобританией и США, на период всей Второй мировой войны. И нормативно обозначил их общую деятельность с целью уничтожения врага человеческой цивилизации – фашизма. Следует говорить об этих событиях, как об отправной точке создания антигитлеровской коалиции в мире.

С началом агрессии фашистской Германии против СССР начался следующий, качественно новый этап в осмыслении и формировании образа врага, как инструмента внешней политики в международной среде большинством уже воюющих государств мира. В разных странах акцент этому внешнеполитическому инструменту делался по-разному. С началом агрессии фашистской Германии против СССР 22 июня 1941 года была запущена процедура приема представительства и защиты интересов государств, участвующих в войне против нашей страны. Так, 24 июня Болгарская миссия уведомила НКВД Советского Союза о защите ею интересов Германии, а 25 июня о защите ею интересов Венгрии и Румынии. 26 июня Японская миссия уведомила НКВД СССР о защите ею интересов Италии, 27 июня Шведская миссия уведомила наш НКВД о защите ею интересов Финляндии и Словакии. С 24 июня 1941 года в результате проведенной работы НКВД СССР и документального подтверждения соответствующей нотой, интересы нашей страны в Германии стала представлять Швеция.²²⁸ Данный пример

²²⁷ URL: <https://www.un.org/ru/sections/history-united-nations-charter/1941-atlantic-charter/index.html> (дата обращения 18.10.2024). Текст: электронный.

²²⁸ По материалу: Воробьев С.В., Воробьев С.С., Епифанова Т.В., Каширина Т.В., «Неравнозначный обмен» в истории России: от слухов и домыслов – к анализу достоверных документов//Вопросы истории. М.: 2022. – С.57-62. Текст: непосредственный.

свидетельствует о формировании так называемой «коалиционной дружественности» в отношении между государствами. Когда нейтральные государства по отношению СССР – Швеция и Япония согласились представлять интересы государств, участвующих в непосредственном столкновении в «большой войне».²²⁹

Достаточно убедительным доказательством того, что образ врага по инерции активно не формировался в советском политическом дискурсе, может служить пример того, как происходил обмен дипломатическими сотрудниками и гражданами Советского Союза и Германии в первые месяцы фашистской агрессии июня-августа 1941 г. При чем, этот обмен был организован и касался не только дипломатических представителей Германии и СССР, но и обычных граждан указанных стран. Инициатором обмена, как свидетельствует авторское исследование документов Архива внешней политики РФ, было германское представительство в Советском Союзе во главе с послом Вернером фон дер Шуленбургом. Длительные предвоенные заверения Берлина в отношении Москвы о «глубоком дружественном нейтралитете», даже в условиях уже достаточно сильно разгоревшегося военного противостояния на территории Европы и других регионах мира создали иллюзию сохранения стабильного отношения в советско-германском взаимодействии. Что позволило сформироваться ситуации нахождения на территории Германии на момент начала войны значительного количества советских граждан, в том числе и достаточно высокого ранга, к примеру таких, как Бушмелев М.В. – заместитель Наркома боеприпасов СССР²³⁰. В этой ситуации забота Посла Германии в СССР о собственной жизни и жизни своих дипломатических сотрудников вынужденно способствовала решению

²²⁹ АВП РФ Ф.082, Оп.24, Д.5, Папка 105, Т.2, Л.245

²³⁰ URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=10638542@cmsArticle (дата обращения 18.10.2024). Текст: электронный.

проблемы обмена по принципу «всех – на всех». В соответствии с нормами международного права статус дипломатов был официально оформлен только в 1961 г. на Венской конференции. А в конце 30-х – начале 40-х годов XX века статус дипломатических сотрудников определялся общепризнанными международными обычаями. И тем не менее, посыл Шуленбурга с предложением «не считать обычных граждан частными лицами» позволил в итоге реализовать обмен дипломатических сотрудников и обычных граждан в соотношении: от СССР – 1695 человек, из которых 36 дипломатов, 93 сотрудников миссий, 19 экстерриториальных торговых служащих, 163 сотрудника консульств в Кёнигсберге, Вене и Париже, а также сотрудников ТАСС. От Германии, Италии, Словакии, Венгрии и Румынии – 444 человека. Кроме этого, благодаря процедуре обмена домой вернулись еще 668 граждан СССР.²³¹ Следует отметить, что обмен не закончился в активной фазе с возвращением нашего посла в Берлине В.Г. Деканозова в Москву 19 июля, а продолжался еще и в августе, и сентябре 1941 г. когда на родину возвращались и дипкурьеры, и семьи с детьми, и моряки с пароходов, задержанных в портах Германии и их союзников. Необходимо отметить, что автором в ходе архивного поиска при исследовании документов Архива внешней политики РФ были уточнены данные по количеству граждан стран и дипломатических сотрудников и членов их семей. При этом хочется высказать слова благодарности ученым в лице Рудницкого Артема Юрьевича²³², доктора исторических наук, профессора, который также обратил внимание в своей научной работе этому важному и сложному аспекту истории международных отношений и внешней политики.

В результате проведенного архивного поиска есть стойкая уверенность утверждать о необходимости продолжения научных исследований по этому

²³¹ АВП РФ Ф. Секретариата Зам. Наркома А.Я. Вышинского Оп.2, Д. 86, Папка 14, Л.11.

²³² Рудницкий, А.Ю. Всех на всех. Дипломатическая эвакуация летом 1941 года. Международная жизнь. 2024. № 11. – С. 144-157.

значимому для советской дипломатии событию с целью выяснения судьбы граждан нашей страны, оказавшихся в первые часы и дни войны волей служебных или иных обстоятельств на территории врага.

В ходе обмена гражданами в первые дни Великой Отечественной войны однозначно не удалось отметить влияние на внешнеполитические отношения феноменальности образа врага. Это было связано в первую очередь с тем, что обмен проводился с участием третьих стран – Швеции, Турции и Болгарии. Враждебность была отмечена только в отношении советских людей в процессе доставки железнодорожным транспортом на территорию Турции для обмена и только со стороны немецкой охраны, что не является предметом диссертационного исследования. Однако сам факт участия в обмене дипломатами и гражданами в первые дни агрессии подтверждает дипломатические возможности субъектов международной среды по нивелированию влияния такого инструмента внешней политики как образ врага.

Любое историческое исследование и данное, в частности, было бы не полным, если бы не были представлены люди, участвующие в решении столь сложных внешнеполитических проблем, одна из которых была проанализирована в исследовании. Следует упомянуть Заведующего Центрально-Европейским Отделом НКВД СССР В. Павлова, Первого заместителя Наркома иностранных дел А.Я. Вышинского, занимавшихся организацией обмена в НКВД СССР, М.Г. Грибанова - старшего референта секретариата Заместителя Народного комиссара иностранных дел, собиравшего информацию о наших гражданах и формирующего план обмена, Уполномоченного НКВД СССР А. П. Васюкова на советско-турецкой границе, представителей турецкого МИД Арифа Мардина и Джилала Дзияля,²³³ осуществлявших координацию действий по обмену на территории

²³³ АВП РФ Ф. «Реферантура по Германии» Оп.24, Д.91, Папка 116, Л.1-82.

Турции, Посла СССР в Германии Деканозова В.Г., поддерживающего наших граждан, оказавшихся в сложнейшей ситуации вдали от Родины, Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Швеции Коллонтай А.М.²³⁴, решавшую задачу нейтрализации влияния Германии в Скандинавии с первых дней и в течение всей войны до Победы 1945 г. В обмене граждан нашей страны участвовали не только указанные здесь персоналии, а значительно большее количество людей. Исследование деятельности этих и подобных им людей, граждан СССР, беззаветно преданных делу защиты Отечества, следует также считать одним из возможных направлений будущих исследований в контексте темы диссертационной работы.

Диссертационным исследованием установлено, что в решениях высшего политического руководства и первых документах начала войны образ врага присутствует, но конкретно не обозначен. Хотя следует отметить, что и в обращении Молотова В.М., и его, уже упомянутой телеграмме в 16 зарубежных советских представительств от 22 июня 1941 г. внешнеполитический посыл в формировании образа врага является основанием для если не программы, то основы в формировании всей внешнеполитической деятельности в изменившихся условиях международной среды. Нападение названо «вероломным и ничем не обоснованным», «разбойничьим», ответственность за которое возложена на германское фашистское правительство. Позиция нашей страны определена, как «миролюбивая». Гитлер представлен «стряпчим» ложного обвинительного заключения в отношении СССР по поводу невыполнения Пакта о ненападении. Государственная власть Германии определена как «фашистская германская клика». Категория «враг» обозначена, как символ-призыв, в конце

²³⁴ URL: <https://www.prilib.ru/history/619133> (дата обращения 20.10.2024). Текст: электронный.

его обращения, обеспечивающий единение народа и власти СССР для достижения победы в начавшейся войне.²³⁵

В большинстве исследований, посвященных первым дням начала Великой Отечественной войны, деятельность высшего политического и военного руководства Советского Союза обозначена как состояние некоего «шока» или как «времени крушения надежд». И тем не менее даже уже в речи В.М. Молотова 22 июня 1941 года можно отметить некую «правильность» и особую нацеленность советского внешнеполитического вектора, когда он дает оценку, например, событиям на границе с Румынией. Именно в этом направлении западной границы СССР реализовалась в полной мере предвоенная стратегия Красной Армии, когда врага нужно бить не его территории. Это касалось и приграничных боев за г. Перемышль, и операции по захвату мыса Сатул-Ноу – стратегически важного румынского района, и захвата артиллерийских позиций в районе румынского города Килия-Веке, откуда Красная Армия отошла лишь под угрозой окружения и только 19 июля 1941 г.²³⁶

Как уже указывалось в исследовании, событием, определившим однозначность восприятия германских солдат и Германии во главе с Гитлером именно как врага, следует считать директиву Главного политического

²³⁵ Текст выступления по радио заместителя председателя СНК СССР наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова: рукописный вариант. - [Б. н.], 22 июня 1941. - 4 л. - (Память о Великой победе). - Текст на одной стороне листа. - Написано от руки. Карандаш. URL: <https://www.prlib.ru/item/456566> (дата обращения 19.10.2024); Речь В.М. Молотова 22 июня 1941 г. по радио «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами! ». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LB4Y4q0kZPM> (дата обращения 19.10.2024); Телеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова в зарубежные представительства СССР о нападении Германии. - [Б. н.], 22 июня 1941. - 1 л. - (Память о Великой победе). - Перед текстом: Майскому, Богомолу, Уманскому, Горелкину, Сметанину, Лаврентьеву, Лаврищеву, Шаронову, Ерофееву, Коллонтай, Николаеву. Дописано от руки: Орлову, Афанасьеву, Бакулину, Иванову, Панюшкину. С рукоп. пометами и штампами. URL: <https://www.prlib.ru/item/456568> (дата обращения 19.10.2024)

²³⁶ По материалу: URL: <https://armystandard.ru/news/2024620727-BEfWe.html> (дата обращения 19.10.2024). Текст: электронный.

управления РККА № 278, подписанную Л.З. Мехлисом только 10 декабря 1941 г. Которая оценила лозунг идеи всей внешнеполитической деятельности нашей страны: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», как ошибочный и «неправильно ориентирующий» наших военнослужащих в борьбе против агрессора. Он был заменен лозунгом «Смерть фашистским оккупантам»²³⁷, что свидетельствовало о начале восприятия в межчеловеческом противостоянии и международной среде этого времени всего, что связано с Германией, как «фашистское». Указанный факт свидетельствует о подтверждении той внешнеполитической линии, которую занимал Советский Союз с момента прихода к власти в Германии НСДАП во главе с Гитлером в 1933 г. и с начала в этой стране фашистской диктатуры. Ибо суть враждебности внешней политики фашистской Германии не только в отношении своих ближайших соседей – европейских «демократических» стран, а и в отношении иных государств, которые олицетворяли «восточные жизненно важные для Германии пространства», раскрылась к этому времени всему международному сообществу «во все своей красе». Приказом Наркома Оборона № 130 от 1 мая 1942 г. констатировался факт необходимости формирования «ненависти всеми силами своей души»²³⁸ для победы над врагом. К лету 1942 г. в политическом восприятии советского общества понятия «немец» и «фашист»²³⁹ стали синонимами, фактически, до начала освобождения Красной Армией народов европейских государств в 1944 г. Когда «фашист» опять начал олицетворяться только с немцем, оказывающим вооруженное сопротивление.

Если советская внешняя политика периода Великой Отечественной войны (кроме ее начального периода) считается достаточно исследованной

²³⁷ См.: Директива Главного политического управления РККА № 278 от 10 декабря 1941 г. ЦАМО. Ф. 32, Оп. 920265, Д. 4, Л. 110.

²³⁸ Красная звезда. 1942. 1 мая.

²³⁹ См.: Эренбург, И. «Убей!»//Красная звезда. 24 июля 1942 г.; «Помни!» //Красная звезда 13 августа 1942 г.

учеными-историками, то деятельность фашистской Германии в отношении формирования образа врага в лице СССР этого периода нуждается в дополнении некоторой конкретной информации, основанной в первую очередь на архивных источниках.

И если советская пропаганда олицетворяла своего главного врага в этой войне в лице Гитлера, как руководителя Третьего рейха, то подобный подход был свойственен и гитлеровской государственной пропагандистской машине. В качестве доказательства этому может служить результат контент-анализа архивного источника – фальшивки газеты «Правда» от 21 декабря 1944 г.²⁴⁰ Такие газеты сбрасывались с бомбардировщиков Люфтваффе над советскими позициями и распространялись диверсионными группами и коллаборационистами на территориях в прифронтовой полосе Красной Армии. В издании основной упор при использовании образа врага сделан на личность главы нашего государства И. В. Сталина. Где в приказе Верховного Главнокомандующего № 1001 он поздравляет «красноармейцев, краснофлотцев, сержантов, офицеров и генералов, партизан и партизанок», а также трудящихся Советского Союза «с 65-летием своего дня рождения». Где даже традиционный девиз, казалось бы, государственной газеты – основного рупора политической власти СССР, уже содержит информацию искаженного вида, когда советская власть обозначена как «сталинская клика». «Да здравствует великий советский народ, героическая Красная Армия и Военно-Морской флот, изгнавшие захватчиков из нашей страны, ведущие борьбу со сталинской кликой!» и даже с констатацией факта, что это слова В. Ленина.²⁴¹ А в сводке от Советского Информбюро за 20 декабря представлено описание событий, вплетенных в контекст реальной обстановки о том, что, к примеру,

²⁴⁰ См.: «Правда» 21 декабря 1944 г. (издание Министерство пропаганды Третьего рейха к 65-летию И. Сталина) по состоянию на 2017 г.: АПРФ, ф.3, оп. 58, д. 462, л. 58-58об.; сегодня РГАНИ, ф. 3, оп. 58, д. 462, л. 58-58об. (с препроводительной от Л. Берия на Л. 57)

²⁴¹ См.: Там же.

«англо-турецкие войска возобновили попытку прорваться к г. Николаев», или «...в ночь на 20 декабря наша (советская*) авиация произвела налет на г. Архангельск (свой же советский город*)»²⁴² Показательным в контексте международного влияния, можно считать газетную выдумку Указа Президиума Верховного Совета СССР, помещенного в этой геббельсовской фальшивке «О введении обязательного для всех граждан Советского Союза и вновь занимаемых стран интернационального приветствия «Слава Великому Сталину»».²⁴³ А также «вследствии причисления Святейшим Синодом товарища Сталина И.В. к лику святых, все изображения, портреты и бюсты товарища Сталина И.В. впредь выпускать с изображением сияния вокруг головы».²⁴⁴ Результаты контент-анализа этого фальшивого издания свидетельствуют о том, что и в Германской внешнеполитической практике использовался значительный массив информации по дискредитации главы СССР, как одного из инструментариев формирования образа врага. В международном информационном поле, по докладу советских представителей из большого числа зарубежных государств поступала информация о появлении этого экземпляра.

Оценка внутривластного влияния формирования конструкта «враг» давала возможность высшему политическому руководству государств, как уже отмечалось в работе, не только объединять нацию, но и проще и понятнее ориентироваться в определенный исторический промежуток времени в международной среде в контексте необходимости набора инструментов внешней политики. В этом контексте, к примеру, нельзя обойти вниманием внешнюю политику США и Великобритании в отношении

*Пояснение автора.

²⁴² См.: Там же.

²⁴³ См.: Там же.

²⁴⁴ См.: «Правда» 21 декабря 1944 г. (издание Министерство пропаганды Третьего рейха к 65-летию И. Сталина) по состоянию на 2017 г.: АПРФ, ф.3, оп. 58, д. 462, л. 58-58об.; сегодня РГАНИ, ф. 3, оп. 58, д. 462, л. 58-58 об. (с препроводительной от Л. Берия на Л. 57)

союзницы гитлеровской Германии во Второй мировой войне – Финляндии. О чем уже упоминалось коротко в параграфе 2 первой главы диссертации. Великобритания и США в предвоенный период относились достаточно дружелюбно к таким странам, как Финляндия, опираясь на понимание своего англо-саксонского статуса в отношениях с иными странами. После вступления Финляндии 26 июня 1941 г. в войну на стороне Германии против СССР с ней были разорваны дипломатические отношения Великобританией только по активному настоянию нашего Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Великобритании И.М. Майского и только 4 сентября 1941 г.

Событиям изменения статуса Финляндии, как нейтрального государства по отношению к Советскому Союзу и дружественного – по отношению к Великобритании способствовали следующие обстоятельства, которые требуют анализа в контексте темы диссертации. В информационном поле Финляндии присутствует миф о вынужденном вступлении этой страны в войну против СССР в 1941 г. Однако, как свидетельствуют документы того периода, уже 17 июня 1941 г., по согласованию с руководством Германии, в Финляндии началась всеобщая мобилизация. Она была обоснована «присутствием на территории страны большого количества иностранных войск», хотя непосредственная подготовка к наступательной войне против СССР была начата еще 25 мая 1941г. после предварительных переговоров с германским военным командованием.²⁴⁵ Официально не участвуя в войне против нашей страны, финские вооруженные силы уже 22 июня своими подводными лодками минировали залив Кунда близь эстонского побережья. А 23 и 24 июня 1941 г. двумя финскими субмаринами подобная операция была повторена в районе Суурсаари.²⁴⁶ К подобного рода событиям еще 23 июня

²⁴⁵ *Mannerheim, G. Muistelmat. Osa II. Hels., 1952.* (перевод на рус. яз.: Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999) - С. 275.

²⁴⁶ Миф и реальность вступления в войну Финляндии URL:
https://wiki.istmat.org/%D0%BC%D0%B8%D1%84:%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D0%B2%D0%BE%D0%

следует отнести взрыв финской диверсионной группой моста на Мурманской железной дороге и сопровождение немецких бомбардировщиков финскими истребителями, возвращавшихся на финские аэродромы после бомбардировки советских городов.²⁴⁷ Советским посланником в Хельсинки П.Д. Орловым 22 июня 1941 г. был сделан официальный запрос финскому министру иностранных дел Виттингу по поводу отношения Финляндии к начавшейся войне, на что был получен ответ только 25 июня о том, что данный вопрос только будет рассматриваться в парламенте страны и именно 25 июня 1941 г.

Высшее политическое руководство СССР, оценивая такой вариант развития событий, связанное с активным сосредоточением на финских аэродромах большого количества немецких самолетов и проводимыми совместно с немецким военным руководством мероприятий на финской территории, приняло решение по предложению С. Тимошенко после совещания в Кремле 24 июня с участием И. Сталина и А. Жданова о нанесении упреждающего удара 25 июня 1941 г. по немецкой авиации, сосредоточенной на финских аэродромах. В ударе по 18 аэродромам было выполнено 40 вылетов бомбардировщиков и 18 вылетов советских истребителей.²⁴⁸ В результате были уничтожены 30 немецких самолетов на земле и 11 сбиты в воздухе. В финской авиации потери составили всего 3 самолета. При этом в день налета советской авиации по радио (в связи с отсутствием телефонной связи) было передано разъяснение о том, что превентивный удар не нацелен против Финляндии, а предназначен только для уничтожения германских ВВС.

Таким способом СССР еще пытался перевести ситуацию с Финляндией и ее вступлением в войну против нашей страны на стороне Гитлера, в

%B9%D0%BD%D1%83_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 20.10.2024). Текст: электронный.

²⁴⁷ См.: Там же.

²⁴⁸ См.: По материалу «План боевого применения Военно-воздушных сил Северного фронта на 25.6.41 г.» ЦАМО РФ. Ф.217.оп.12900с. Д.1. Л.39-40. URL: <https://tacticmedia.ru/news/25-iyunya-nalyety-na-finskie-aerodromy/> (дата обращения 21.10.2024). Текст: электронный.

дипломатическое русло, чего так опасалась финская сторона, отключив с нами линии связи. Хотя с формальной точки зрения, наша страна, совершая упредительные действия военного характера и нанося бомбовые удары хоть и по немецкой авиации, но находящейся на финских аэродромах, фактически сама инициировала ответные финские действия, которые и выразились во вступлении в войну Финляндии на стороне фашистской Германии.

Исследование дипломатических механизмов предотвращения финско-советского военного столкновения позволяет говорить об их исчерпанности, тем более, когда военная финско-германская машина войны уже была запущена в действие.

Преддверием упомянутого разрыва дипломатических отношений, но не объявления войны в отношении Финляндии, может служить подобный авиационный удар английских ВВС по сосредоточению немецких войск в Петсамо.²⁴⁹ Министерство экономической войны Великобритании, работавшее в мирное время над поставкой, в том числе, самолетов для финских ВВС, обозначало территорию Финляндии, как занятую противником для сохранения дружественности по отношению к Германии, которая к этому времени уже определялась как враг Британии.²⁵⁰ Официальное объявление войны Финляндии Великобританией состоялось только 6 декабря 1941 г.²⁵¹

Внешнеполитические устремления Лондона в отношении Финляндии в течение 1941-1944 годов были нацелены на то, чтобы от Финляндии осталось

²⁴⁹ Миф и реальность вступления в войну Финляндии URL:

https://wiki.istmat.org/%D0%BC%D0%B8%D1%84:%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%83_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 20.10.2024). Текст: электронный.

²⁵⁰ Справка об англо-американской политике по отношению к Финляндии и планах Финляндии выхода из войны. Архив внешней политики РФ, Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова», Опись 5, Литера доп. Дело 482, Папка 38, Л.4.

²⁵¹ Вывод из воны Финляндии URL:

https://www.may9.ru/history/articles/vivod_iz_voini_finlyandii/ (дата обращения 24.03.2025). Текст: электронный.

бы «хоть что-то», в случае крушения союза стран Оси и поражения Германии и ее сателлитов. Сохраняя такую дружественность, на фоне официальной вражды, Британия уповала на «своевременный выход Финляндии из войны». Для этого по дипломатическим и иным закрытым неофициальным каналам обращалась к финскому руководству о необходимости заключения соглашения с СССР о выходе из войны, надеясь на посредничество США в этом вопросе.²⁵²

Финская армия американским политическим истеблишментом рассматривалась как армия освободительница своих территорий, «хладнокровно захваченных Советским Союзом» в период «зимней» войны 1939-1940 гг. При этом американская позиция по поводу дружественности в отношении к Финляндии была определена следующим образом: США и Финляндия – друзья до тех пор, пока финская армия освобождает занятую СССР территорию. И в случае, если Финляндия продолжает войну против Советского Союза после освобождения «своих территорий», то тогда американское политическое руководство будет оценивать эту страну, как активного союзника Третьего рейха и американско-финской дружбе – конец.²⁵³ Такой подход американского политического руководства оценивался, прежде всего исходя из экономической заинтересованности США в торговых отношениях с Финляндией. Что отразилось во внешней политике США в течение всей Второй мировой войны, вплоть до выхода из войны Финляндии в 1944 г. А также способствовало тому, что США так и не объявили войну этой стране, хотя и сами являлись участниками антигитлеровской коалиции.

²⁵² По материалам газеты «Католик таймс» от 19 декабря 1942 года. АВП РФ, Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова», Опись 5, Литера доп. Дело 482, Папка 38, Л.10. Текст непосредственный.

²⁵³ По материалам газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» от 28 июня 1941 г. АВП РФ, Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова», Опись 5, Литера доп. Дело 482, Папка 38, Л.14. Текст непосредственный.

Американская внешнеполитическая позиция в отношении дружественности или враждебности Финляндии не была двойственной. Она однозначно опиралась на положение, что финское правительство, участвуя в войне против Советского Союза, лишь стремится сохранить свой суверенитет. Большинство конгрессменов и официальных лиц США продолжали испытывать симпатии к Финляндии и не желали разрывать с ней дипломатические отношения. Американская попытка оправдать Финляндию оформилась на страницах американских газет после заявления Корделла Хелла – государственного секретаря США на прессконференции 6 июля 1942 г. Она выглядела как искреннее восхищение и уважение малой страной, которая борется за свое освобождение.²⁵⁴

В качестве мизерного жеста поддержки СССР в борьбе против Германии и ее союзников США лишь закрыли свои консульства на территории Финляндии и финские консульства – на своей.

Охлаждение американско-финских отношений следует отметить не только после выхода японского антиамериканского фильма о нападении на Пирл Харбор, который был одобрен финским премьер-министром Рангелем. Это было связано также с успехами Красной Армии на восточном фронте, успехами войск союзников в Африке и Тихом океане, а также усталостью американских дипломатов от финских уверток от предложений выхода из войны посредством заключения мирного соглашения с Советским Союзом и возврату к границам 1940 года.

Результатами исследования установлено, что наиболее объяснимой причиной сохранения США в какой-то степени дружественности в отношении

²⁵⁴ По материалам Справки об англо-американской политике по отношению к Финляндии и планах Финляндии выхода из войны. АВП РФ, Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова», Опись 5, Литера доп. Дело 482, Папка 38, Л.17. Текст: непосредственный

Финляндии, являлось то, что эту страну американцы рассматривали как проблему для СССР в послевоенном устройстве мира.²⁵⁵

Оценивая финскую позицию в отношении англо-американского тандема, следует отметить, что в ее внешней политике просматривалась уверенность в том, что молниеносная война против СССР закончится гораздо раньше, чем США и Великобритания начнут оказывать Советскому Союзу действенную помощь. Даже в условиях уже начавшейся войны финское руководство понимало, что английское и американское политическое руководство не желает отдавать балтийские страны Советскому Союзу.

Дружественность финнов с американцами и англичанами сыграла положительную, но не главную роль в окончательном выводе из войны страны.

Выводы по параграфу:

Образ врага в годы Второй мировой войны окрашен цветом противостояния всего мира фашизму в лице внешнеполитических гегемонистских устремлений Германии и ее сателлитов. Особенностью его формирования в эти года является то, что он подкреплён психологической «подпоркой» стран и народов, борющихся с фашизмом не теоретически, а с оружием в руках на поле брани. Как и в период Первой мировой войны, следует отметить «коллективность» в восприятии международного сообщества этого образа в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. Как инструмент внешней политики он был сконцентрирован на создание негатива международного поведения, прежде всего, глав воюющих государств. А во вторую очередь был направлен на разделение народов, дабы создать атмосферу враждебности окружения вне зависимости от идеологической ориентированности государства. В период Второй мировой и

²⁵⁵ По материалу: Воробьев, С.С., Штоль, В.В. Образ врага в англо-американской внешней политике на примере Финляндии (1941–1944 гг.) Журнал «Обозреватель» № 3, 2023. – С.100-110. Текст: непосредственный.

Великой Отечественной войны сам по себе образ врага становится главной опорой и объединяющим фактором во внешней политике большинства государств мира, позволяющим добиться победы в страшной войне. При этом, как и в межвоенный период, во время войны этот инструмент содержит как формальную – видимую, так и латентную составляющую, при этом ярко не выраженную и однозначно не определяемую во внешнеполитических устремлениях как отдельных государств, так и их групп.

§2. Влияние образа врага на внешнюю политику государств в международных отношениях в годы «холодной войны»

Годы «холодной войны» являются особенно примечательным периодом с точки зрения исследования категории «образ врага». Противостояние, имевшее максимально высокий политический накал (ввиду чего и было названо «войной»), сравнимый разве что с «горячей» войной, не вытекло в прямое военное столкновение двух блоков и стоявших во главе их стран США и СССР (в этой связи все же названное «холодной»). Периодизация этого события имеет свои особенности. Ряд отечественных²⁵⁶ и зарубежных²⁵⁷ ученых рассматривают начало холодной войны сразу после окончания Второй мировой войны в 1945 г.

²⁵⁶ Близнец, Г.И. Влияние «холодной войны» на развитие концепции истории Второй мировой войны в советской историографии 1945 - 1965 гг. // Сборник: 70 лет окончания Второй мировой войны. Материалы республиканской научно-исторической конференции. 2015. – С. 14-17; Егорова, Н.И. История холодной войны, 1945-1991 гг. / Сер. 76 Высшее образование. (2-е изд., пер. и доп.). 2020. М.: Юрайт. 219 с.; Безбородов, А.Б., Евсеева, Е.Н. СССР в годы «холодной войны»: 1945-1984. – С. 9-200. История России 1901-2001 годов / Безбородов А.Б. [и др.]. 2002. М.: Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт. – 295 с.

²⁵⁷ Hong, L.T. Decolonization in Asia during the early cold war era: the case of VIETNAM, 1945-1954 // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4 (22). С. 30-41; Leffler, M. Cold War and Global Hegemony, 1945-1991 // ОАН Magazine of History. 2005. Vol. 19, № 2 P. 65-72; Leffler, M. The American Conception of National Security and the Beginnings of the Cold War, 1945-48 // The American Historical Review. 1984. Vol. 89. № 2. P. 346-381

В историографии также распространена точка зрения о начале «холодной войны» в 1946 г. Эта точка зрения поддерживалась как современниками, к примеру, американским ученым Ф. Харбаттом²⁵⁸, описывавшем различные подходы к историографии и увязывавшим начало «холодной войны» с «вызовом», брошенным США Советскому Союзу в 1945 г. и последующей консолидацией Восточной Европы как советского военного блока в 1946 г.²⁵⁹

Сложности в выборе начального периода холодной войны связаны с отсутствием четко зафиксированной точки отсчета, хотя таковой ряд исследователей считают фултонскую речь У. Черчилля, 5 марта 1946 г.²⁶⁰

Как уже отмечалось в параграфе 2 первой главы, автор за точку отсчета берет 1946 г., воспринимая его не только как довольно распространенную точку зрения, но и относя упомянутую фултонскую речь как начало отсчета важного этап в формировании послевоенного образа врага. Так, закончив самую разрушительную в истории человечества войну, вчерашние союзники инициировали обостренную конкуренцию. По сути, это повторно подтверждает тезис о том, что любая война начинается до ее официального начала с формирования психологии «свой-чужой». В научной литературе, посвященной противостоянию советского и капиталистического лагерей также встречается деление: «Мы-группа и Они – группа»²⁶¹. Спецификой «холодной войны» стало то, что идеология получила роль центрального элемента социально-культурных факторов, формирующих образ врага, как в советском блоке, так и в западном, возглавляемым США. И США, и СССР

²⁵⁸ Harbutt, F. American Challenge, Soviet Response: The Beginning of the Cold War, February-May, 1946 // Political Science Quarterly. Vol. 96. № 4. 1981. P. 623-639.

²⁵⁹ Ibid. P. 623-624.

²⁶⁰ Кутепов, В.А., Рыбаков, С.В. Фултонская речь Черчилля: суть и подтексты // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). – С. 17-20.

²⁶¹ Белоконева, А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2004. – С. 77.

использовали противопоставление системных ценностей для оправдания своей политики, внутренней мобилизации и усиления страха перед оппонирующим блоком. В рамках «холодной войны» такой образ разделения стал формироваться в рамках в первую очередь публичной речи британского, хоть и отставного, лидера.

У. Черчилль отмечал: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы - Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы»²⁶². В речи он прямо заявляет об «угрозе» применения устрашающих средств и «тирании», проводимой в отношении населения на подвластных территориях «полицейскими правительствами»²⁶³. Таким образом У. Черчилль ярко визуализирует образ врага не только определяя советский блок как отличающийся, «чужой», но и формирует страх перед якобы жестокими методами управления: «Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции»²⁶⁴.

Таким образом, в соответствии с результатами диссертационной работы, можно утверждать, что «холодная война» началась с публичного

²⁶² Речь Уинстона Черчилля, Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. // МИД России [Офиц. сайт] URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/6b0/%D0%A0%D0%B5%D1%87%D1%8C%20%D0%A3%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B0%20%D0%A7%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D1%8F.pdf> (дата обращения: 08.02.2025). Текст: электронный.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

формирования образа врага в рамках выступления британского лидера в Фултоне (США): «Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям»²⁶⁵. За публичным и, говоря современной терминологией, медийным выпадом в адрес Советского Союза, последовало доктринальное закрепление такого состояния отношений и в США.

Как показывают исторические исследования, поворотной точкой изменения внешней политики США в отношении СССР стала телеграмма поверенного в делах Соединенных Штатов в Советском Союзе Дж. Ф. Кеннана от 22 февраля 1946 г. Согласно телеграмме, Советский Союз был экспансионистским государством, стремившимся к расширению «русской полицейской мощи»²⁶⁶. Американский дипломат утверждал, что советское правительство стремилось разрушить традиционный образ жизни американцев, ликвидировать международное влияние Вашингтона в целях обеспечения собственной безопасности²⁶⁷. Автор телеграммы однако разделял советское правительство и народ. Дж. Кеннан называл «коммунистическую идеологию основной причиной советского экспансионизма и призывал сопротивляться болезнетворному паразиту, используя разнообразные методы, как внутри США, так и за их пределами»²⁶⁸.

В указанный хронологический период основным направлением во взаимодействии с СССР было названо «сдерживание» - термин, который будет превалировать во внешней политике США в течение всей холодной войны.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Ситникова, Е.Л. Образ Советского Союза как фактор внешней политики США (1945 - 1952 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. – С. 57.

²⁶⁷ Юнгблуд, В.Т. «Образы Российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944 - 1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1998. №6. – С. 66-78.

²⁶⁸ Ситникова, Е.Л. Образ Советского Союза как фактор внешней политики США (1945 - 1952 гг.). – С. 58.

На основе такого рода информации была подготовлена и провозглашена 12 марта 1947 г. «Доктрина Трумэна»²⁶⁹.

Президент Г. Трумэн в программном документе отказался от союзнических воззрений его предшественника Ф.Д. Рузвельта. Так как тот был уверен, что СССР будет интегрироваться в мировое сообщество в случае признания его законных интересов. А помощь Советскому Союзу и надежда на сотрудничество с ним в послевоенном мире составляли основу внешней политики США в годы второй мировой войны²⁷⁰. Г. Трумэн же, напротив, утверждал, что «народам многих стран мира недавно навязали тоталитарные режимы против их желания»²⁷¹, констатируя линию на сдерживание потенциальной агрессии СССР²⁷². Доктрина была поддержана в Сенате США, а линия на разделение советской власти и народа получила свое закрепление в выступлении сенатора А. Ванденберга²⁷³.

Таким образом, выявляется важная тенденция – два поддерживающих друг друга направления: публичного (медийного) формирования образа врага и доктринальное закрепление. Тенденции эти в той или иной степени проявлялись и ранее, но масштаб информационной кампании, как средства влияния на собственное общество и народы стран советского блока имел тенденцию к нарастанию в годы «холодной войны». Во многом это было связано с развитием современных по тому времени технологий.

Исследование показало, что подобная тенденция была характерна и для Советского Союза: «В первое десятилетие после Великой Отечественной войны в рамках советской пропаганды вместо Германии главным внешним

²⁶⁹ The Truman Doctrine, 1947 // Department of State. USA [Official Website] URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/truman-doctrine> (accessed: 08.02.2025)

²⁷⁰ Уткин, А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1990. С. 522.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Merrill, D. The Truman Doctrine: Containing Communism and Modernity // Presidential Studies Quarterly. 2006. Vol. 36. № 1. P. 27-37.

²⁷³ Vandenberg, A. The Privat Papers of Senator Vandenberg. Boston, 1952. P. 297.

врагом постепенно становятся США. Картина послевоенного мира складывается не сразу, но основывается на двух основных способах категоризации — идеологическом (представление о существовании враждебного капиталистического окружения) и социокультурном (представление о Западе как о «другом»). Третьей особенностью формирования образа мира в той его части, которая касается образов внешнего окружения, стал эффект перенесения образа врага, характерного для периода Великой Отечественной войны, на представления о послевоенном мире»²⁷⁴. Образ врага в работе советской пропаганды являл собой ось недружественного империалистического блока во главе с США. Исследователи отмечают, что советским внутриполитическим обоснованием формирования образа врага стала необходимость пресечения антисоветских настроений, возникавших у советских солдат и офицеров, прошедших европейские города во времена Второй мировой войны²⁷⁵. Разительное отличие в уровне жизни, с которым «столкнулись миллионы воевавших людей, был нравственным и психологическим ударом»²⁷⁶. Страна-победитель продолжала отставать в уровне жизни от Европы военных времен. В этой связи в послевоенное время Сталин боялся «нового Декабристского восстания»²⁷⁷.

Постепенная трансформация советской публичной политики шла вслед за американской. Именно вслед, но не опережая ее! Так, в 1946 г. на вопрос президента Американского Агентства Юнайтед Пресс: «Заинтересована ли все еще Россия в получении займа у Соединенных Штатов?», — следовал ответ И.В. Сталина: «Заинтересована»²⁷⁸. Подобный ответ станет немыслимым уже

²⁷⁴ Белоконева, А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2004. — С. 74.

²⁷⁵ Там же. С. 79

²⁷⁶ Зубкова, Е.Ю. Общество и реформы, 1945-1964. М.: Россия молодая, 1993. — 198 с.

²⁷⁷ Белоконева, А.С. Указ. соч. — С. 80.

²⁷⁸ Ответы товарища Сталина И. В. на вопросы президента Американского Агентства Юнайтед Пресс г-на Хью Бейли, полученные 23 октября 1946 года // Правда. 1946. 30 октября. С. 197.

в ближайшие годы, однако цитата из официальных публикаций доказывает, что образ врага в Советском Союзе начал формироваться в качестве ответной меры. В данном контексте историческая правда не искажается западными историками. Примечательно, что такой точки зрения придерживается и ряд западных исследователей²⁷⁹.

В западных исследованиях ранних этапов «холодной войны» распространено описание ориентирования Советского Союза на экономическое сотрудничество с США и Великобританией, как путь восстановления страны, пострадавшей во Второй мировой войне в наибольшей степени. При этом СССР представляется в этих работах как государство, готовое путем политического давления с опорой на военную силу продвигать интересы социализма в капиталистическом мире²⁸⁰. Такой пример научной аналитики нередко сопутствует тяжелым историческим событиям и в действительности является одновременно и их следствием и, в первую очередь, их причиной. Такой оценочный окрас намерений потенциального оппонента, либо партнера, идет в разрез с принципами объективности, достоверности и историзма. Базой подобных материалов становятся реальные факты, существенно разбавленные домыслами. Факты призваны придавать достоверность публикации. Выводы в таких работах основываются уже не на фактах, а именно на домыслах. Автор останавливается на данном аспекте подробно, так как именно такие научно-исторические и научно-политические работы становятся основой в формировании образа врага в международно-политическом его восприятии.

Как показало исследование, описанный принцип анализа был характерен для обоих государств-лидеров блоков времен «холодной войны».

²⁷⁹ Harbutt, F. American Challenge, Soviet Response: The Beginning of the Cold War, February-May, 1946 // Political Science Quarterly. Vol. 96. № 4. 1981. P. 623-639.

²⁸⁰ Barghoorn, F. The Soviet Union between War and Cold War // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 263, The Soviet Union Since World War II. 1949. P. 1-8

Международные отношения, основанные на противоборстве двух систем, обуславливали необходимость удержания своих союзников в единой системе безопасности. В этой связи оба блока и акцентировали угрозу противоположной системы.

За обозначением нового образа врага и его доктринальным закреплением последовала формализация противоборствующих блоков государств. Как и в первых двух вопросах, США первыми инициировали и реализовали создание военно-политического блока, таким образом навязывая военно-политическую гонку Советскому Союзу. Подготовкой общественности к необходимости военно-политического противостояния стала президентская предвыборная кампания в США 1948 г. Действующий президент Г. Трумэн нередко основывал свои речи на антикоммунистической пропаганде, сравнивая республиканцев и коммунистов: «Коммунисты ненавидят демократическое правительство, потому что оно проводит твердую внешнюю политику государства»²⁸¹. По мнению исследователей, доказательством значимой поддержки меньшинства (Г. Трумэна получило меньшее количество голосов избирателей, собрав при этом большинство голосов выборщиков²⁸²), стала победа действующего президента на выборах и занятие демократами большинства мест в обеих палатах Конгресса в 1948 г. «В инаугурационной речи 20 января 1949 г. переизбранный глава Белого дома четко обозначил противника всех «свободных» государств и народов - коммунизм. Сопоставляя его с демократией, Г. Трумэн не вышел за рамки привычного образа: коммунизму свойственно решать проблемы силой, отвергать элементарные права личности и полагать, что война неизбежна. Обозначив «программу мира и свободы на следующие годы», президент в качестве одного из важнейших пунктов выделил задачу укрепления

²⁸¹ Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1948. Washington, 1968.-P. 610.

²⁸² Ливанцев, К.Е., Бельсон, Я.М. История государства и права США. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – С. 110.

«свободолюбивых стран против угрозы агрессии»²⁸³, подводя, тем самым, общественность США к принятию мысли о необходимости создания НАТО»²⁸⁴. При этом коммунизм, как представляется, опять вышел на ведущее место в процессе формирования образа врага в международной среде, как это было сразу после Версальских соглашений и в течение всего межвоенного периода. Только если «главным врагом» в это период позиционировался коммунизм в лице сначала Советской России и Советского Союза. То теперь на арену враждебности был выдвинут весь социалистический лагерь стран во главе СССР. Суть враждебного состояния от этого не изменилась. Изменился лишь механизм формирования: от индивидуальной политической определенности – к коллективному восприятию. Уже в апреле 1949 г. была создана Организация Североатлантического договора (НАТО, Альянс), включившая на первоначальном этапе двенадцать стран: США, Великобританию, Францию, Италию, Канаду, Исландию, Норвегию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Португалию)²⁸⁵. Несмотря на содержащиеся в статье 1 договора положения о том, что «договаривающиеся стороны обязуются, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, мирно решать все международные споры»²⁸⁶, Альянс стал именно военно-политической силой. основополагающий тезис этому был заключен в ст. 5: «Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом»²⁸⁷. В статье 6

²⁸³ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789-2001 г.). С историческим комментарием. Пер. с англ. / Общ. ред. и комментарии Э.Я. Иваняна. Серия «История идей - история людей». М., 2001. – С. 405 - 408.

²⁸⁴ Ситникова, Е.Л. Образ советского союза как фактор внешней политики США (1945 - 1952 гг.). – С. 138.

²⁸⁵ Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия. 4 апреля 1949 г. // НАТО [Офиц. сайт] URL: <https://www.nato.int/docu/presskit/010219/005ru.pdf> (дата обращения: 09.02.2025). Текст: электронный.

²⁸⁶ Там же. Ст. 1.

²⁸⁷ Там же. Ст. 5.

конкретизировался широкий охват потенциальных объектов нападения, включая в него, например, «алжирские департаменты Франции» вооруженные силы и летательные аппараты и т.д.²⁸⁸ Едва ли для договаривающихся сторон была необходима такая конкретизация. Представляется очевидным, что нормы данной статьи писались в первую очередь для граждан государств-членов НАТО, как часть формирования образа коварного врага, способного напасть на слабые и отдаленные «от центра» объекты. Во вторую очередь, положения статьи 6, дополнявшей статью 5, были предназначены для оппонирующего, пока еще не сформировавшегося блока. По мнению автора, их функционал включал не только предупреждение об опасности нападения на государства-члены Альянса, но и фактически подчеркивал военную направленность блока против социалистических государств во главе с Советским Союзом. Это и обусловило впоследствии необходимость формирования противоборствующего блока в виде аналогичной военно-политической организации.

В советском информационном пространстве ощущавшееся военно-политическое давление США нашло отражение в усилении визуализации образа врага, стремящегося задавить финансовым влиянием даже ООН – организацию, созданную для поддержания мира. Это нашло свое отражение даже в советских плакатах периода холодной войны. Ввиду коллективного характера Североатлантического договора, принцип интегрированного союза стоял на ином уровне по сравнению двусторонними договорами СССР о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, например, с Польшей²⁸⁹,

²⁸⁸ Там же. Ст. 6.

²⁸⁹ Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой. 21 апреля 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. – С. 21-23.

Чехословакией²⁹⁰, Венгрией²⁹¹, Румынией²⁹², Финляндией²⁹³, Болгарией²⁹⁴, Югославией²⁹⁵. Данные договоры не содержали столь жестких формулировок о потенциальном нападении оппонентов и не подразумевали централизации действий. Анализ текстов двусторонних договоров с упомянутыми странами показывает, что это были рамочные договоры о дружбе, первоначально не подразумевавшие потенциал военного противостояния оппонирующему блоку, главным образом концентрируясь на потенциале германской агрессии. Угроза которой в Европе XX века уже стала причиной двух самых разрушительных войн в истории.

Проводя сравнение двусторонних договоров о дружбе СССР и европейских стран с Североатлантическим договором, можно констатировать, что в договорах Советского Союза прослеживался поствоенный образ потенциального противника – Германии, а в НАТО врагом виделся широкий

²⁹⁰ Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой. Москва, 12 декабря 1943 года // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. 22 июня 1941 г. - 31 декабря 1943 г.: Док. и материалы. М.: Госполитиздат, 1944. – С. 373-376.

²⁹¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Республикой. Москва. 18 февраля 1948 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. — М., 1957. – С. 175-176.

²⁹² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой. Москва. 4 февраля 1948 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. М.: ВПШ при ЦК КПСС, 1957. – С. 173-174.

²⁹³ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой. Москва. 6 апреля 1948 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций ... Москва, 1956. Вып. 13. № 505. – С. 22–24.

²⁹⁴ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ. 18 марта 1948 г. // Известия, 19 марта 1948 г. Опул. в газ.: Държавен вестник, 1 июля 1948 г.; в сб.: Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг. Документы и Материалы. М.: Политиздат, 1969. – С. 411—413; в сб.: Външна политика на Народна Република България. София: Наука и изкуство, 1970, т. 1. 1944—1962. – С. 111—114.

²⁹⁵ Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Югославией. 11 апреля 1945 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. 1 января - 3 сентября 1945 г.: Док. и материалы. М.: Госполитиздат, 1947. – С. 175-178.

перечень стран социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Такой вывод можно сделать как из результатов контент-анализа самого Североатлантического договора, так и из выступлений его инициаторов, прежде всего, Г. Трумэна. Как и в случае с блоковым противостоянием, за активной информационной кампанией и нормативным учреждением НАТО последовало создание ее доктринальных документов. При этом, анализируемые в диссертации натовские документы, имели свою собственную американскую основу: директивные установки 1947-1948 годов. Такие как Закон о национальной безопасности²⁹⁶, Директива директору ЦРУ NSC 4-A «Психологические операции»²⁹⁷ 1947 года или Директива СНБ США №20/1 от 18 августа 1948 г. «Цели США в войне против России»²⁹⁸ и др.

В НАТО приступили к подготовке подобных американским документов уже в октябре 1949 г. Первым стратегическим документом НАТО, утвержденным САС 6 января 1950 г., была «Стратегическая концепция обороны Североатлантического региона»²⁹⁹ – первая Стратегическая концепция НАТО.

В упомянутом документе Оборонного комитета (ОК) № 6/1 была сформулирована общая стратегическая концепция Североатлантического союза. В документе утверждалось, что первоочередной функцией НАТО является сдерживание агрессии и что силы Альянса будут задействованы только в том случае, если первоочередная функция не будет выполнена и будет совершено нападение. Ключевыми элементами данного проекта стали

²⁹⁶ National Security Act of July 26, 1947, PL 253, 80th Congress; 61 Stat. (pt. 1) 495-497.

²⁹⁷ NSC 4-A “Psychological Operations,” Washington 17 December, 1947. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d253> (дата обращения 10.02.2025).

²⁹⁸ URL: https://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1R.html (дата обращения 10.02.2025).

²⁹⁹ D.C. 6/1 1 December 1949. Note by the secretary to the North Atlantic Defense Committee on the Strategic Concept for the Defence of the North Atlantic Area // NATO [Official Website] URL: <https://www.nato.int/docu/stratdoc/eng/a491201a.pdf> (accessed: 09.02.2025)

также взаимодополняемость государств-членов и стандартизация. Подразумевалось, что участие каждого государства в обороне будет пропорционально его экономическим, промышленным, географическим и военным возможностям и что с помощью сотрудничества НАТО обеспечит оптимальное использование их ресурсов. Подчеркивалось численное превосходство СССР в плане военных ресурсов, а также опора НАТО на ядерный потенциал США. В документе также заявлялось, что Североатлантическому союзу следует «обеспечить способность осуществлять оперативное проведение стратегической бомбардировки всеми возможными средствами, с применением всех видов оружия без исключения»³⁰⁰.

Вторжение дивизий Северной Кореи на территорию Южной Кореи 25 июня 1950 года непосредственно сказалось на НАТО и на стратегическом мышлении организации. В этих условиях было решено сосредоточиться в своей работе на двух ключевых направлениях: эффективности военных структур НАТО и формировании численности войск (сил) НАТО³⁰¹.

В 1950 г. Североатлантический совет утвердил создание объединенных вооруженных сил под централизованным командованием, предложив назначить генерала Д. Эйзенхауэра на должность первого Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. В 1951 г. началось формирование Штаба Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе.

Существенные структурные изменения, вступление в Альянс Греции и Турции в 1952 г., а также Федеративной Республики Германия в 1955 г. продемонстрировали не только способность к расширению этого военно-политического блока, а трансформацию во взглядах высшего политического

³⁰⁰ Ibid.

³⁰¹ Стратегические концепции // NATO [Official Website] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_56626.htm?selectedLocale=ru (accessed: 09.02.2025)

руководства ведущих западных государств на Германию, как основного врага во Второй мировой войне. Что следует считать подтверждением в использовании такого внешнеполитического инструмента, как образ врага, с однозначной его переориентацией на СССР и страны социалистического толка.

Как уже отмечалось, концепция централизованного военно-политического блока была воспринята симметрично в советском лагере. В 1955 г. был формализован подобный союз, но только в виде Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Албанией, Народной Республикой Болгарией, Венгерской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Румынской Народной Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой³⁰². Очевидно, что не только сам принцип централизации, но и нормы документа во многом были позаимствованы у оппонентов. Однако формулировки договора социалистического блока представляются менее жесткими и менее конфликтными. В Таблице № 3.1 отражены ключевые сравнительные параметры указанных документов.

³⁰² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Албанией, Народной Республикой Болгарией, Венгерской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Румынской Народной Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой. Варшава. 14 мая 1955 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. М.: ВПШ при ЦК КПСС, 1957. – С. 265-268.

**Таблица № 3.1.* Сравнение отдельных положений
Североатлантического договора и Варшавского договора**

№ п/п	Параметр сравнения	Положение Североатлантического договора	Положение Варшавского договора
1	Причины вступления в боевые действия	Ст. 5. Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом и, следовательно, соглашаются с тем, что в случае, если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого Статьей 51-ой Устава Организации Объединенных Наций, окажет помощь Договаривающейся стороне, подвергшейся или Договаривающимся сторонам, подвергшимся подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение	Ст. 4. В случае вооруженного нападения в Европе на одно или несколько государств — участников Договора со стороны какого-либо государства или группы государств, каждое государство-участник Договора в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, окажет государству или государствам, подвергшимся такому нападению, немедленную помощь, индивидуально и по соглашению с другими государствами-участниками Договора, всеми средствами, какие представляются ему необходимыми, включая применение вооруженной силы. Государства-участники Договора будут немедленно консультироваться относительно совместных мер, которые

		вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности. Североатлантического региона.	необходимо предпринять в целях восстановления и поддержания международного мира и безопасности.
2	Образ врага	Ст. 6. В целях Статьи 5-й считается, что вооруженное нападение на одну или несколько Договаривающихся сторон включает в себя вооруженное нападение: ● на территорию любой из Договаривающихся сторон в Европе или Северной Америке, алжирские департаменты Франции (2), территорию Турции или острова, расположенные в Североатлантической зоне севернее Тропика Рака и находящиеся под юрисдикцией какой-либо из Договаривающихся сторон; ● на вооруженные силы, суда или летательные аппараты какой-либо из Договаривающихся сторон, если эти вооруженные силы, суда или летательные аппараты находились на этих территориях, или над ними, или в другом районе Европы, или над ним, если на них или в нем на момент	Ст. 7. Договаривающиеся Стороны обязуются не принимать участия в каких-либо коалициях или союзах и не заключать никаких соглашений, цели которых противоречат целям настоящего Договора...

		вступления в силу настоящего Договора размещались оккупационные силы какой-либо из Договаривающихся сторон, или в Средиземном море, или над ним, или в Североатлантической зоне севернее Тропика Рака, или над ней.	
3	Централизация управления	Ст. 9. Настоящим Договаривающиеся стороны создают Совет, в котором для рассмотрения вопросов, касающихся выполнения настоящего Договора, должна быть представлена каждая из них. Совет подлежит организации таким образом, чтобы иметь возможность быстро собираться в любое время. Совет обязуется создавать вспомогательные органы, в которых может возникнуть необходимость.	Ст. 5. Договаривающиеся Стороны согласились о создании Объединенного Командования их вооруженными силами, которые будут выделены по соглашению между Сторонами в ведение этого командования, действующего на основе совместно установленных принципов. Они будут принимать также другие согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности с тем, чтобы оградить мирный труд их, народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии.

*Таблица составлена автором по результатам сравнительного анализа

Сравнение положений нормативных документов, учреждавших
противоборствующие военно-политические блоки, приведенное в Таблице
№3.1. иллюстрирует более жесткие формулировки Североатлантического

договора в части причин, побуждающих к вступлению в боевые действия. Также данный договор определил образ врага как потенциально коварную угрозу – «хищника, готового растаскивать стаю по частям». Варшавский договор не имеет положений, которые можно было бы трактовать как образ врага, лишь анализ содержания статьи 7 может свидетельствовать о том, на кого направлено действие Варшавского договора, о наличии неких коалиций и союзов, «цели которых противоречат целям настоящего Договора» и то, в достаточно неконкретном виде. Оба договора содержат идентичные положения о централизации военного управления.

Посредством принятия указанных нормативных документов была сформирована базовая архитектура биполярного противостояния в части темы исследования. Дальнейшее сохранение накала требовало поддержания и отчасти формирования образа врага в лице противоборствующего блока. Соперничество усиливалось через гонку вооружений, космическую гонку и постоянно совершенствуемые механизмы пропаганды.

Идеологическая пропаганда работала на групповое мышление как внутри своих стран, так и стран потенциальных противников. Когда необходимо было принять решение, первое побуждение, как правило, – последовать примеру лидера, которому доверяешь. Однако в ситуациях, когда сослаться на лидера невозможно, группам приходится мыслить самостоятельно, люди пользуются клише, заранее заготовленными словами или образами, которые символизируют опыт или идеи всей группы в целом³⁰³. Данная технология была развита (и применяется по сей день) в США: усилия американцев были направлены на усиление поляризации и идеологической конфронтации между двумя сверхдержавами.

Например, в ставшей знаковой речи Джона Кеннеди в Берлине 26 июня 1963 года («Ich bin ein Berliner») была использована яркая символика, которая

³⁰³ Лебон, Г. Психология народов и масс. 2021. М.: Эксмо-Пресс. – 352 с.; Троттер У. Стадный инстинкт в мирное время и на войне. 2023. М.: АСТ. – 256 с.

укрепляла дихотомию между «свободным миром» и «коммунистическим блоком». Кеннеди подчеркнул контраст между жизнью в Западном Берлине, как символом свободы, и в Восточном Берлине, разделённом Берлинской стеной, которая стала олицетворением советского давления: «В свободе таится немало трудностей и демократия не идеальна, но мы никогда не построили бы стену для того, чтобы удерживать наших людей и препятствовать им уйти от нас»³⁰⁴. Данное выступление было направлено не только на жителей Берлина, но и на других союзников США, напоминая о значении и важности объединённого сопротивления советскому влиянию. Оно укрепляло идеологическое единство западного блока, подчеркивая ключевую роль США как защитника свободы.

Подобные выступления, дополняемые соответствующими информационными кампаниями, делали из Советского Союза образ угрожающего врага, стимулируя эмоциональное восприятие вместо критического анализа.

Советский Союз в ответ на усилия американской стороны использовал схожие социально-политические инструменты для укрепления своей позиции и мобилизации общества. В нашей стране и странах социализма активно формировался негативный образ Запада, опираясь на мощные инструменты идеологического и медийного воздействия, а также на конкретные события, работавшие на формирование определенных общественных настроений.

Так советская пропаганда в 1960-е годы представляла США как страну, стремящуюся к мировому господству через насилие, эксплуатацию и угнетение народов. Это подчеркивало контраст между социалистической системой, основанной на равенстве и справедливости, и капиталистической, характеризующейся «хищническими» интересами.

³⁰⁴ Ich bin ein Berliner // American Rhetoric [Official Website] URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkberliner.html> (accessed: 10.02.2025)

В 1960-е годы советские плакаты Куркыниксов (Приложение А) также работали на формирование образа врага, в частности высмеивали курс США на поддержку Южного Вьетнама: «Марш по болотным кочкам» и особенно острый по своему содержанию плакат «Заработал прибавку», касающийся дополнительных денежных выплат американским солдатам в этот период во Вьетнаме.

Инструменты внешнеполитического влияния в полной мере были использованы в период «холодной войны» в рамках идеологической борьбы на культурном фронте. Которая велась, в том числе, через противопоставление символов культурных достижений. Это служило способом создания негативного образа противника через различие в «цивилизационных» моделях. Подобное противостояние не только было частью холодной войны, но и наполняло ее новыми интерпретациями происходящих событий, выступая инструментом политической мобилизации, направленной на обеспечение общенациональной поддержки. Вместе с тем массовая культура создала убедительный образ возможной глобальной катастрофы и тем самым внесла существенный вклад в то, что человечеству удалось избежать ядерного конфликта сверхдержав.

Действительно, массовая культура в США активно использовала страх перед ядерной войной как инструмент мобилизации общественного мнения. Кинематограф как элемент идеологической борьбы упоминается в работах американских исследователей, например, фильм «Красный кошмар» (Red Nightmare, 1962)³⁰⁵. Данный фильм был создан как образовательный проект для Министерства обороны США и широко использовался в рамках пропагандистских программ. В нём описывается жизнь американского гражданина, который в один день просыпается в «альтернативной Америке», управляемой коммунистами. В фильме подчёркивались утрата личных свобод,

³⁰⁵ Seiler C. Statist Means to Individualist Ends: Subjectivity, Automobility, and the Cold-War State // American Studies. 2003. Vol. 44, № 3. P. 5-36

контроль над каждым аспектом жизни: от семейных отношений до религиозной практики и даже репрессии. Кинофильм имел целью укрепление страха перед коммунизмом и демонстрировал, что под властью СССР люди якобы теряли бы основные права. Картина транслировалась в школах, военных частях и на телевидении, формируя негативное отношение к социалистической системе и усиливая образ СССР как врага, угрожающего американским ценностям.

Подобные фильмы использовались для эмоционального воздействия, обосновывая противостояние «коммунистической угрозе». Кинокартины, посвященные эпохе холодной войны, появлялись, например, и в жанре антимилитаристской сатиры: фильм «Доктор Стрейнджлав, или, как я научился не волноваться и полюбил атомную бомбу», вышедший в 1964 г. в Америке, стал острой черной комедией на гонку вооружений³⁰⁶.

В отличие от США, в СССР формирование образа врага через кинематограф не носило систематического и агрессивного характера. Советский кинематограф 1960-х годов, содержал фильмы, направленные на критическое восприятие капиталистической системы, но не ставил своей основной целью формирование образа врага или угрозы. Напротив, акцент чаще делался на демонстрации силы гуманистических ценностей социалистического строя, а образ врага использовался как инструмент подтверждения правоты собственной идеологии, чем для целенаправленного нагнетания тревожности среди населения.

Например, фильм «Мёртвый сезон», вышедший в 1968 г. в СССР³⁰⁷, подчеркивал профессионализм и гуманизм советских разведчиков в противовес аморальным методам американских спецслужб. В советском

³⁰⁶ Lowery J. Dr. Strangelove: Or How I Learned to Stop Worrying and Teach the Film in the Classroom // OAH Magazine of History. 2002. Vol. 16. № 4, Film and History. P. 32-36

³⁰⁷ 55 лет назад на экраны вышел «Мёртвый сезон» // Ленфильм [Офиц. сайт] URL: https://www.lenfilm.ru/news/2024/04/55_let_nazad_na_ekrany_vyishel_Mertvyiy_sezon (дата обращения: 10.02.2025). Текст: электронный.

кинематографе акцент был сделан на коллективизм, справедливость, что выделяло его на фоне американских картин, часто использовавших гиперболизацию угрозы со стороны СССР.

Советская массовая культура в целом больше ориентировалась на воспитание позитивных ценностей, таких как трудолюбие, дружба народов и создание светлого будущего совместными усилиями. Это, безусловно, уменьшало риск милитаризации общественного сознания, которую можно наблюдать в американской культуре того времени.

Таким образом, хотя идеологическая борьба отражалась и в советском искусстве, её формы оставались менее агрессивными и в большей степени подчинялись задаче укрепления внутренней консолидации, чем открытой демонизации внешнего врага.

Результатами проводимого диссертационного исследования установлено, что спорт и спортивное противостояние также стали средством в формировании образа врага. Олимпийские игры 1960-х годов также превратились в арену идеологической борьбы. Каждая победа советских спортсменов рассматривалась США как угроза доказательства превосходства социалистической системы, а успехи американских атлетов — как триумф капитализма. Так, чрезвычайно натянутые отношения между двумя блоками на летних Олимпийских играх в Риме в 1960 г. получили отражение в известном интервью тренера легкоатлетической сборной США Л. Снайдера. В преддверии Олимпиады журналист задал вопросу главному тренеру сборной: «Выиграете ли вы у русских?» «Мы убьем их!», — ответил тренер.³⁰⁸ Однако амбициозным планам США не удалось сбыться: на Олимпиаде в 1960 г. в Риме

³⁰⁸ Итоги и достижения Олимпийских игр 1960 года // Олимптека [Офиц. сайт] URL: <https://olympdeka.ru/olymp/archive/article/37.html> (дата обращения: 11.02.2025). Текст: электронный.

американские спортсмены уступили советским в общемедальном зачете (103 медали против 71)³⁰⁹.

В советских средствах массовой информации, таких как «Советский спорт», еженедельник «Футбол. Хоккей», спортивные достижения СССР связывались с упорством, организованностью и патриотизмом, а не с превосходством над врагом³¹⁰.

Стоит отметить, что спортивное противостояние для СССР было, прежде всего, способом укрепить международный престиж и продемонстрировать преимущества социалистического образа жизни.

Помимо спорта важным фактором в формирование образа врага стала экономика. Соперничество между капиталистической и социалистической экономическими системами стимулировало поддержание образа врага: каждая из сторон пыталась доказать эффективность своей экономической модели. Стремление к доминированию в мировой экономике служило одной из мотиваций для усиления взаимного недоверия. В частности, гонка вооружений стала не только символом политического, но и экономического противостояния: она была направлена на изматывание противника и сопровождалась активным созданием негативного образа противника как технологически агрессивного и потенциально угрожающего не только экономическому благополучию другой стороны, но и безопасности³¹¹.

³⁰⁹ США проиграли в общем зачете СССР на Олимпиаде в Риме. Из-за этого американцам пришлось пойти на откровенный обман // Sport 24 [Официальный сайт] URL: <https://sport24.ru/news/other/2022-08-09-olimpiyskiye-igry-1960-v-rime-medalnyy-zachet-ssha-sssr-poddelka-rezultatov-podrobnosti> (дата обращения: 11.02.2025). Текст: электронный.

³¹⁰ Огородов, Д.А., Добрынина, М.В. Спорт высоких достижений в контексте советской политики и идеологии // ЭСГИ. 2021. № 4(32). – С. 89-98.

³¹¹ Воробьев, С.М., Комаров, С.А. Внешнеполитическая конфронтация СССР и США В вопросах ядерной гонки вооружения: историко-правовое осмысление // Теория государства и права. 2024. № 2 (36). – С. 25-38; Семиряд, Н.Ю., Воскобойников, С.Г. Холодная война. Гонка вооружений между СССР и США // Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 3 т. Юго-Западный государственный университет; Московский политехнический университет. 2018. – С. 169-172.

Расходы на изнурительную гонку вооружений, а также вводимые санкции оказывали значительное влияние на экономику СССР³¹². Интенсификация военной промышленности приводила к дефициту потребительских товаров и ограничивала возможности для инвестиций в гражданские отрасли. Связь с формированием образа врага проявлялась в том, что подобные затраты оправдывались идеологическими и стратегическими аргументами. Советская пропаганда подчеркивала необходимость таких расходов для защиты от агрессивных намерений «империалистического Запада». Одновременно, в США высокий уровень военных расходов СССР использовался для подкрепления образа общемировой «коммунистической угрозы». Экономическая помощь странам советского блока в 1960-е гг. стала инструментом влияния СССР, способствовавшим укреплению его идеологических и геополитических позиций в различных странах мира, в том числе во Вьетнаме³¹³, Индии³¹⁴, Камбожде³¹⁵, Мали³¹⁶, Египте³¹⁷ и многих других. Советская внешнеэкономическая стратегия включала широкий спектр

³¹² Воробьев, С.М., Комаров, С.А. Указ. соч. С. 26.

³¹³ Иванов, В.В. Влияние советско-китайских противоречий на аспекты оказания военной и экономической помощи СССР и КНР Демократической Республике Вьетнам во второй половине 1960-х гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов X Всероссийской научной конференции. Самарский государственный социально-педагогический университет; Самарский юридический институт ФСИН России; Тольяттинский государственный университет; ответственный редактор А.Н. Сквозников. 2022. – С. 67-75; Пат, К. Экономическая и техническая помощь Китая и СССР Северному Вьетнаму, 1955-1960 // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2021. Т. 5. № 2. – С. 88-106.

³¹⁴ Штода, А.Е. Участие СССР в строительстве металлургических заводов в Индии // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97. – С. 206-213.

³¹⁵ Харитонова, А.М. Экономическая помощь СССР Королевству Камбоджа в 1950-х - 1960-х годах // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны. доклады, представленные на III международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Захарова Л.В. (отв. редактор); Совет молодых ученых ИДВ РАН. 2016. – С. 240-245.

³¹⁶ Давидчук, А.С., Дегтерев, Д.А., Корендясов, Е.Н. Советская структурная помощь Республике Мали в 1960-1968 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. – С. 714-727.

³¹⁷ Солнцева, Е.А., Золотухин, Е.И. Асуанская плотина: международный инновационный проект советских ученых и инженеров // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 1-1. – С. 258-262.

действий — от прямой финансовой помощи и военных поставок до масштабных инфраструктурных проектов, направленных на поддержку стран, стремившихся освободиться от колониальной зависимости или шедших по социалистическому пути развития. Все указанное позволяет утверждать, что в отношении указанных и большинства иных государств во внешней политике Советского Союза отмечено нагнетание дружественного образа.

США рассматривали экономическую помощь СССР как угрозу, полагая, что Советский Союз стремится «экспортировать» социализм и подрвать западное влияние. Американские аналитики и СМИ акцентировали внимание на финансовых трудностях, с которыми сталкивался СССР из-за расходов на поддержку развивающихся стран. Эти нарративы использовались для формирования образа СССР как агрессивного экспансиониста, что также усиливало идеологическое противостояние между сверхдержавами.

СССР и США использовали экономическую помощь как инструмент мягкой силы. Американская помощь осуществлялась через созданное в 1961 г. агентство USAID. Ключевыми направлениями были укрепление капиталистической экономики и создание рынков для американских товаров³¹⁸. Эта стратегия также позволила США продвигать свою политическую систему как успешную и ориентированную на развитие. Например, среди конкретных проектов USAID в 1960-х, был Alliance for Progress, запущенный в 1961 году по инициативе Джона Кеннеди. Многомиллиардная программа помощи включала значительные инвестиции в инфраструктуру, образование и сельское хозяйство в Латинской Америке, в том числе, для предотвращения коммунистического влияния.

В то же время советская помощь концентрировалась на формировании социалистических экономик. Например, строительство инфраструктуры в Индии или Египте, таких объектов как Асуанская плотина, служило способом

³¹⁸ Natsios, A. Foreign Aid in an Era of Great Power Competition // PRISM. 2020. Vol. 8. № 4. P. 100-119.

показать преимущества сотрудничества с социалистическим строем. Американские СМИ изображали такие проекты как экономическое подчинение развивающихся стран советскому влиянию, что подчеркивало якобы «деструктивную» природу советской помощи. В СССР программы USAID воспринимались как инструмент, направленный на противодействие советскому влиянию. Некоторые аспекты оценки влияния различных факторов, способствующих обращению к образу врага, как инструменту внешней политики в годы «холодной войны» представлены в систематизированном виде в Приложении Б.

Карибский кризис 1962 года стал одним из самых напряжённых моментов в холодной войне, когда перед всем миром встала угроза прямого ядерного столкновения. Корни конфликта уходят в 1959 год, когда на острове Куба произошла социалистическая революция во главе с Фиделем Кастро, которая впоследствии установила в стране коммунистический режим. Победа социалистической революции на Кубе была бы невозможной без поддержки СССР. Таким образом в нескольких морских милях от берегов США появилось государство – союзник Москвы, конфронтационный по отношению к Вашингтону.

В этих условиях образ врага стал важной частью политической риторики во внешней политике как Советского Союза, так и США.

В заявлении советского правительства от 23 октября 1962 года, посвящённому ситуации вокруг острова Куба, было упомянуто несколько раз о том, что США выступают в качестве агрессора или империалистической державы: «Советское правительство неоднократно обращало внимание правительств всех стран и мировой общественности на серьёзную опасность для дела мира политики, проводимой США в отношении Республики Куба. Заявление президента США свидетельствует о том, что американские империалистические круги не останавливаются ни перед чем в своих попытках душиť суверенное государство-члена ООН... Если агрессоры

развяжут войну, то Советский Союз нанесёт самый мощный ответный удар»³¹⁹.

Советское правительство ни разу не использовало слово «враг» в своём заявлении. Это было обусловлено, своего рода управляемой эскалацией – созданием образа врага без разрушения пути к отступлению, оставление возможности для дипломатического пути разрешения противоречий.

В газете «Правда» от 24 октября 1962 года говорилось: «Действия, предпринимаемые американскими правящими кругами - вопиющее нарушение элементарных норм международного права, всех международных обычаев. Они несовместимы с принципами устава ООН. Это вызов всем миролюбивым народам, подобные действия представляют собой прямое возрождение пиратства, международного разбоя, с которым человечество надеялось покончить, навсегда осудив в Нюрнберге и Токио главных военных преступников ответственных за развязывание Второй мировой войны, за преступление, совершённое против мира и человечности... Кубинцы лишь хотят обезопасить свою родину против угрозы, которая исходит от империалистов США»³²⁰.

Данная цитата демонстрирует элемент некоего заимствования у американских официальных лиц приема разделения народа и власти. В данном случае советское СМИ противопоставляли народ даже не власти, а некой группе капиталистов, находящихся у власти.

В американском политическом дискурсе стоит обратить внимание на риторику Президента Кеннеди, который очень аккуратно подбирал термины, чтобы дополнительно не разжигать конфронтацию между двумя

³¹⁹ Заявление советского правительства. 23 октября 1962 года // МИД России [Офиц. сайт] URL:

<https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/779/dv8v684gtgwyg2ejcoqn74v6a4445z0h/%d0%9f%d0%a0%d0%98%d0%9b%d0%9e%d0%96%d0%95%d0%9d%d0%98%d0%95%20%d0%98%d0%97%20%d0%a2%d0%95%d0%9a%d0%a1%d0%a2%d0%90.pdf> (дата обращения: 12.02.2025). Текст: электронный.

³²⁰ Сорвать преступные замыслы врагов мира // Правда. 1962. 24 сентября.

государствами, называя советское размещение оружия на Кубе провокацией и неоправданным нарушением статус-кво³²¹.

Что касается американской прессы, то ей была отведена американской высшей политической властью практически основная роль в формировании образа врага. Это обусловлено, во-первых, тем, что от её риторики в меньшей степени зависело будущее состояние отношений между государствами. Во-вторых, американские СМИ не использовали слово враг напрямую, часто заменяя его термином агрессор, угроза, провокатор и провокация, что так или иначе смягчало риторику. Но иногда, для усиления эффекта публикации, категория «враг» использовалась в прямом его понимании. При этом однозначное указание на конкретного врага в лице Советского Союза, оценивалось с точки зрения влияния этой категории на состояние собственной безопасности.

Так в газете «The New York Times» за октябрь 1962 года действиям советского государства была дана четкая характеристика: «Советский Союз, размещая ракеты на Кубе, действует как враг, ставя жизни американцев под угрозу этим агрессивным шагом». А в газете Time Magazine от 9 ноября 1962 года было написано: «Советские ракеты на Кубе представляют собой наступление врага в Западном полушарии, провокационный акт, направленный прямо против безопасности США».

Таким образом, материалы газет не смягчали углы в и так напряженной политической ситуации, а практически напрямую назвала СССР врагом, что являлось противопоставлением заявлениям официальных лиц.

Отсюда можно сделать вывод, что обе стороны использовали схожие стратегии в формировании образа врага:

³²¹ Sagan S. Nuclear Alerts and Crisis Management // International Security. 1985. Vol. 9. № 4. P. 99-139.

1. Преимущественное описание оппонента как агрессора, угрожающего миру и стабильности, формируя негативный образ противостоящей стороны.

2. Использование логических цепочек, которые позволяли заявить, что противостоящая сторона является врагом, не говоря об этом напрямую.

3. Использование прессы для популяризации своей позиции, расширения охватов и доведения позиции страны до граждан и правительств других государств.

Образ врага в политическом дискурсе Карибского кризиса стал ключевым инструментом для мобилизации общественного мнения и оправдания внешнеполитических действий. Этот кризис продемонстрировал, насколько сильно риторика врага может влиять на восприятие конфликта, углубляя идеологические противоречия и формируя мировую политику в условиях глобального противостояния в конкретной международной ситуации.

Шестидневная война 1967 г. также стала одним из ключевых событий «холодной войны». Конфликт между Израилем, с одной стороны, и арабскими государствами - Египтом, Сирией и Иорданией - с другой, завершился стремительной победой Израиля и оккупацией обширных территорий, включая Синайский полуостров, Голанские высоты, Западный берег и Восточный Иерусалим. Это событие стало не только военно-политическим кризисом, но и идеологической битвой, где каждая сторона стремилась сформировать образ врага с целью консолидации общества для внутренней поддержки, а и для оправдания своих действий в международной среде.

Советский Союз, активно поддерживавший арабские страны, использовал риторику об империализме и агрессии Израиля, которого представляли как инструмент западных интересов, прежде всего, США. Западные державы, напротив, подчеркивали агрессивность арабских

государств и их союз с СССР. Таким образом, риторика конфликта была в некоторой степени схожа с Карибским кризисом.

Во время Шестидневной войны 1967 года в советских официальных документах врагом прямо или косвенно изображался Израиль. При этом образ врага виделся и в лице США, как государства, поддерживающего Израиль и дестабилизирующего положение дел на Ближнем Востоке. В заявлении советского правительства в связи с агрессией Израиля против ОАР от 6 июня 1967 года сказано: «Из-за авантюризма правителей одной страны – Израиля, который поощрялся тайными и открытыми действиями определённых империалистических кругов, на Ближнем Востоке вспыхнул конфликт»³²².

В данном заявлении изложена официальная позиция СССР, которая связывает Израиль со странами Запада, традиционно именовавшихся «империалистическими». Наряду с Израилем Запад обвиняется в агрессии и попустительстве. При этом в заявлении Советский Союз заявляет о себе как о миролюбивой державе, которая всеми силами пыталась предотвратить эскалацию ситуации.

Другим немаловажным документом, в котором Израиль обвиняется в агрессии и выставляется в качестве неприятеля, является нота, переданная в ходе встречи 10 июня 1967 г. первым заместителем министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецовым Послу Израиля в СССР К. Кацу: «Советское правительство заявляет, что ввиду продолжения агрессии со стороны Израиля против арабских государств и грубого нарушения им решений Совета Безопасности правительство СССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений Советского Союза с Израилем»³²³. Фактически Израиль на дипломатическом уровне объявляется советской стороной

³²² Заявление правительства СССР о положении на Ближнем Востоке. URL: <https://stylopedia.ru/2x9d4b.html?ysclid=m9eqjwnik3433207681> (дата обращения: 13.02.2025). Текст: электронный.

³²³ Запись беседы первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова с послом Израиля в СССР К. Кацем 10.06.1967 // АВП РФ. Ф. 089, Оп. 20, П. 32, Д. 2, Л. 7.

агрессором. В ноте подчеркивается, что Тель-Авив нарушает резолюции Совета Безопасности ООН.

Анализ приведенных документов демонстрирует, как в историческом контексте формировался образ врага: Израиль изображался не самостоятельным субъектом, а инструментом в руках западного империализма. Данные документы и сопутствовавшие им заявления и публикации были призваны формировать образа врага в лице США и стран Запада, при попустительстве которых стал возможен данный конфликт. Именно в содержательной части документального подтверждения можно увидеть инструментализм образа врага во внешней политике государств этого периода времени.

Как и во время карибского кризиса, советские СМИ поддерживали риторику советского правительства, дополняя её и помогая, тем самым, формировать отношение граждан к международным событиям. Особым нарративом в прессе СССР шли новости об ответственности Запада за развязывание войны на Ближнем Востоке: «Показательно, что в ночь на 5 июня из Англии в Израиль направился корабль «Мириам», гружённый бронетанками, крупнокалиберными пулемётами и боеприпасами»³²⁴.

Таким образом, «Правда» не только обвиняет Израиль в агрессии, но и продолжает нарратив о том, что за его спиной стоят страны Запада (в данном случае Великобритания).

В других публикациях подчеркивалось также непосредственное участие США: «Обострение происходит в трёх направлениях ... Второе – это стягивание военных сил США и Англии в районы Красного моря и восточной части Средиземного моря; сюда спешат авианосцы и истребительные эскадрильи, и даже добровольцы»³²⁵.

³²⁴ Кто подстрекает Тель-Авив?» // «Правда». 6 июня 1967 г.

³²⁵ Провокации империалистов на Ближнем Востоке: кружит чёрное вороньё // «Известия». 7 июня 1967 г.

Отдельно стоит отметить особенный приём советских СМИ по формированию образа врага. Часто советская пресса приводила слова рабочих, крестьян и жителей различных уголков СССР, которые высказывали мнение о международных событиях. Это создавало эффект массовости осознания в обществе внешнего врага в конкретной международной ситуации противостояния. «Советские люди единодушно одобряют заявление социалистических стран. Трудящиеся советской страны с напряжённым вниманием следят за событиями на Ближнем Востоке, они гневно осуждают агрессивные действия Израиля против арабских государств...Своё возмущение в связи с агрессией высказал 10 июня многотысячный коллектив Московского завода электровакуумных приборов. – Нам совершенно ясно, что за спиной Израиля стоит Вашингтон. С помощью Израиля американским и английским империалистам хотелось бы реставрировать колониальные порядки...Мы целиком и полностью поддерживаем политику и действия Советского правительства, направленную на поддержку арабских народов»³²⁶.

С помощью обозначенного приема читатель должен был солидаризироваться с многотысячным коллективом завода, присоединяясь к его призыву.

Риторика официальных документов и заявлений официальных лиц США была гораздо менее жёсткой, нежели чем в СССР. Как и в советском дискурсе в документах не упоминалось слово «враг», гораздо более популярным было слово «агрессор». Однако главной отличительной чертой было то, что в документах и заявлениях, относящихся к Шестидневной войне 1967 года, редко упоминался СССР как сторона, несущая ответственность за дестабилизацию ситуации. Гораздо более распространённым мотивом является обвинение арабских государств в угрозе мирному существованию Израиля.

³²⁶ Обуздать израильских агрессоров! // Правда. 12 июня 1967 года.

Например, обвинения арабских государств в создании нестабильности в регионе звучали из уст президента США Линдона Джонсона 19 июня 1967 года, которые он сказал в ходе пресс-конференции: «Ответственность за конфликт лежит на арабских государствах, чьи действия привели к эскалации напряженности, вынудив Израиль защищать свое существование»³²⁷.

Основной акцент в американских официальных документах делался на агрессии арабских стран, а также на необходимости защиты Израиля и его права на мирное существование.

Что касается американской прессы, то в контексте Шестидневной войны она также фокусировалась на арабских государствах, в первую очередь выставляя их агрессорами, что соответствовало общей стратегической линии на поддержку Израиля как ключевого союзника США на Ближнем Востоке.

Пресса содействовала формированию образа врага, усиливая восприятие арабских стран как непримиримых противников, стремящихся к уничтожению целой нации. Этот подход позволял обосновывать необходимость активной поддержки Израиля со стороны США. А такие характеристики подталкивали аудиторию к восприятию Израиля как стороны, защищающейся от агрессии³²⁸.

Таким образом, пресса формировала образ врага через акцент на реальных или интерпретируемых действиях арабских стран, представляя их как угрозу для Израиля. Эти усилия способствовали консолидации общественного мнения в США и странах Запада.

Риторика официальных лиц и прессы Израиля в рассматриваемый исторический период отличалась от советской и американской, по крайней мере тем, что использование слова «враг» было в порядке вещей в отличие от США и СССР. В выступлении премьер-министра Леви Эшколя перед

³²⁷ Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon B. Johnson. 1967. Book I. P. 630–634.

³²⁸ Roth A. Reassurance: A Strategic Basis of U.S. Support for Israel // International Studies Perspectives. 2009. Vol. 10. № 4. P. 378–393.

Кнессетом 22 мая 1967 г. подчёркивалось, что Израиль сталкивается с угрозой, которая является результатом политики арабских стран³²⁹. Официальная риторика представляла Израиль как сторону, защищающуюся от явной угрозы уничтожения, что позволяло заручиться поддержкой международного сообщества, а также широких масс населения.

Образ врага в официальной израильской риторике формировался через акцент на военных и дипломатических шагах арабских стран, угрожающих нормальной жизнедеятельности Израиля, таких как закрытие Тиранских проливов Египтом или размещение войск у границ Израиля. Эти действия интерпретировались как проявления агрессии.

Что касается израильской прессы, то в 1967 году она играла одну из ключевых ролей в формировании образа врага в контексте Шестидневной войны, используя официальную риторику Израиля, обеспечивая её информационное сопровождение: «Союз арабских государств под руководством Насера был явной попыткой стереть Израиль с карты, вытолкнув его народ в море»³³⁰. Такого рода риторика усиленно акцентировала экзистенциальный характер угрозы, представляя арабские страны как силы, объединённые одной целью — уничтожением Израиля. Использование таких громких слов способствовало экстренной мобилизации общества на борьбу с общим врагом.

Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, образ врага во время Шестидневной войны 1967 года формировался в риторике Советского Союза, США и Израиля через акцент на специфических угрозах, исходящих от противоположной стороны, с использованием ярких политических эмоционально окрашенных терминов. Эти подходы отражали

³²⁹ Statement to the Knesset by Prime Minister Eshkol. Vol. 1-2: 1947-1974 // Ministry of Foreign Affairs. Israel [Official website] URL: <https://www.gov.il/en/pages/3-statement-to-the-knesset-by-pm-eshkol-22-may-1967> (last accessed: 13.02.2025)

³³⁰ Haaretz. 09.06.1967

идеологические, геополитические и национальные интересы каждого из упомянутых государств, одновременно преследуя цель мобилизации собственного населения и обоснования своих внешнеполитических действий.

Совпадения в риторике всех рассматриваемых сторон проявляются в акцентах на агрессии и угрозе со стороны врага, что было направлено на оправдание военных действий. Однако различия видны в характере используемой лексики и в фокусе обвинений. Если США и Израиль концентрировались на действиях арабских стран, то СССР расширял рамки конфликта, обвиняя помимо Израиля и Запад.

В ходе работы по теме диссертационного исследования, есть необходимость обратиться к анализу и оценке событий в контексте темы работы, связанных с действиями ограниченного контингента Советских Вооруженных Сил в Афганистане.

Военная кампания СССР в Афганистане, начавшаяся в 1979 г. стала также, как и события шестидневной войны и Карибский кризис, одним из ключевых эпизодов холодной войны, где возможно проследить некоторые важные внешнеполитические аспекты формирования образа врага в период конфронтационного противостояния советской и западной государственно-политических систем. Введение советских войск в Афганистан было обусловлено стремлением обеспечить внешнюю и внутреннюю помощь установившемуся в стране просоветскому правительству, однако США восприняли это как акт экспансионизма. Афганская война быстро превратилась в опосредованный прокси-конфликт между двумя сверхдержавами, где США оказывали поддержку афганским моджахедам, а СССР пытался поддержать новое правительство, удержав контроль над ситуацией. В этой напряжённой обстановке формирование образа врага стало важнейшей частью внешнеполитических устремлений обеих сторон.

Как показало исследование, государственные органы СССР продолжали играть основную роль в формировании образа врага. В постановлении ЦК

КПСС от 12 декабря 1979 года, в котором объявлялось о принятии решения о вводе военного контингента в Афганистан, указано: «Необходимо принять решительные меры для нейтрализации враждебных элементов, поддерживаемых империалистическими державами, с целью обеспечения стабильности и прогресса в Демократической Республике Афганистан»³³¹. Исходя из текста документа, на момент принятия решения о вводе контингента в Афганистан советское правительство рассматривает в качестве врагов не США, а «элементы», которые только поддерживаются «империалистическими державами», и которые намерены свергнуть только что установившееся правительство.

В докладе Министерства обороны СССР «О ходе выполнения интернационального долга в Афганистане» от 15 сентября 1981 года говорится, что «Советские военнослужащие с честью выполняют поставленные задачи, нанося сокрушительные удары по вооружённым формированиям врага, стремящегося дестабилизировать обстановку в регионе».³³²

Формулировка «интернациональный долг», использованная в вышеупомянутом докладе, применялась в 1980-е гг. руководством страны практически постоянно. Такая форма подачи была призвана сформировать образ необходимости совершения действий в поддержку дружественного правительства Афганистана, где только что к власти пришли социалистические силы.

Советская пресса, выступая рупором Правительства СССР, усиливая эффект в формировании образа врага и концентрации внимания на необходимые темы, в том числе о важности и необходимости проведения

³³¹ Постановление Политбюро ЦК КПСС «К положению в Афганистане». 12.12.1979 // АВП РФ Ф.3, Оп. 67, Д.265, Л.5.

³³² О ходе выполнения интернационального долга в Афганистане // Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: сб. документов 1981 г. М.: Изд-во ИМО. 1982. – С. 189.

операции, концентрировалась на том, что это «интернациональный долг», обязанность страны – защитить молодое афганское правительство.

Например, газета «Правда» продолжая формировать государственную позицию в отношении событий в Афганистане констатировала: «Враги афганского народа, поддерживаемые империалистическими кругами, продолжают свои попытки дестабилизировать обстановку в стране».³³³ Таким образом, советская пресса с одной стороны заявляет, что те, кто противостоят Советской Армии, являются врагами всего афганского народа, а с другой - очерняет США, которые скрылись за формулировкой «империалистические круги», поскольку они оказывают поддержку «врагам».

В другой статье говорится: «Советские воины-интернационалисты с честью выполняют свой долг, противостоя врагам социалистического строительства в Афганистане»³³⁴ В статье был сделан акцент на том, что «враги» являются угрозой не только для Афганистана, а для всего социалистического строительства.

Данные примеры демонстрируют проведение нашим правительством линии на формирование образа врага, схожей, как уже упоминалось, с периодом Карибского кризиса и Шестидневной войны: советская информационная политика в годы Афганских событий 1979-1989 гг. демонстрирует целенаправленное и последовательное формирование образа врага как важнейшего элемента идеологической борьбы. В официальных документах и прессе термин «враг» использовался для обозначения как вооружённых формирований, противостоящих советским войскам и просоветскому правительству Афганистана, так и внешних сил, поддерживающих эти группы. Такой подход позволял советскому руководству оправдывать военное присутствие и формировать в международной среде и в общественном сознании образ противника,

³³³ Афганистан: борьба за мир и прогресс // Правда. 10.04.1980.

³³⁴ Интернациональный долг и враждебные происки // Правда. 29.05.1981.

угрожающего не только Афганистану, но и всему социалистическому миру, в том числе и СССР.

Советские государственные структуры, включая ЦК КПСС, Министерство обороны, МИД и другие, активно закрепляли в официальных документах представление о враге как о «контрреволюционных элементах», «бандформированиях» и «империалистических силах». Это подчёркивало внешний характер угрозы и необходимость военного присутствия СССР для защиты стабильности в регионе. Одновременно особое внимание уделялось моральному и патриотическому аспекту — советские военнослужащие представлялись как защитники социалистических ценностей, выполняющие «интернациональный долг». Советская пресса в указанных событиях выполняла ключевую роль в массовом распространении и закреплении этого дискурса. Использование ярких заголовков, эмоционально заряженной лексики способствовало поддержке государственной политики среди населения. Параллельно пресса формировала представление о врагах не просто как о противниках, а как о силах разрушения, угрожающих будущему Афганистана и Советского Союза.

Схожим образом действовали и Соединенные Штаты в исследуемой кризисной международной ситуации. Например, в президентском указе № 12163 от 29 сентября 1980 г. говорится, что: «Советское вторжение в Афганистан представляет собой угрозу миру и стабильности, и мы должны поддерживать тех, кто противостоит этому врагу свободы».³³⁵

В докладе ЦРУ «Советская военная интервенция в Афганистане» от 2 января 1980 г. утверждалось, что: «Советские силы в Афганистане

³³⁵ Presidential Decree. № 12163 of September 29, 1979 // Federal Register of the USA URL: <https://www.federalregister.gov> (дата обращения: 10.03.2025). Текст: электронный.

сталкиваются с ожесточённым сопротивлением со стороны моджахедов, которые считают их врагами ислама и независимости».³³⁶

При помощи данного приёма разведывательное управление США показало, что советские контингент является врагом в первую очередь самого Афганистана и его граждан, которые защищают свою религию, а вместе с ней и независимость страны. Распространяя данный мотив, Вашингтон оправдывал поставки вооружений афганским моджахедам – «борцам за ислам и независимость».

Особенно стоит отметить, что после прихода Рональда Рейгана в Белый Дом внешнеполитическая риторика в контексте темы диссертации ужесточилась. В своей речи от 8 марта 1983 года он заявил: «Мы поддерживаем мужественных афганских бойцов, сражающихся против советских захватчиков, наших общих врагов свободы и человеческого достоинства»³³⁷.

Анализ архивных публикаций американских средств массовой информации показал, что в контексте описания конфликта в Афганистане американская пресса следовала заданному руководством страны курсу, утверждая: «Советские войска в Афганистане сталкиваются с сопротивлением, поскольку местное население видит в них врагов своей независимости»³³⁸, - или: «Афганские повстанцы продолжают сражаться против советских войск, которых они считают врагами своей свободы».³³⁹

Американской прессой подчеркивалась и гиперболизировалась религиозная составляющая: «Моджахеды рассматривают советских солдат как врагов ислама и своей родины».³⁴⁰

³³⁶ The CIA report "The Soviet military intervention in Afghanistan", 1980 // National Archives USA URL: <https://www.archives.gov> (date accessed: 10.03.2025).

³³⁷ Speech by President Ronald Reagan on March 8, 1983 // National Archives USA URL: <https://www.archives.gov/research/intelligence/cia> (date accessed: 10.03.2025).

³³⁸ Soviet Actions in Afghanistan: A New Challenge // The New York Times. 04.01.1980.

³³⁹ Afghan Rebels Battle Soviet Forces // The Washington Post. 15.02.1980.

³⁴⁰ Soviet Strategy in Afghanistan Under Fire // Los Angeles Times. 10.03.1981.

Исследованием установлено, что американская пресса акцентировала внимание на том, что сами афганцы, рядовые граждане воспринимают советские войска как врагов. И что данная позиция – не позиция Белого Дома, а мнение обывателей.

Советская же пропаганда концентрировалась на образе врага как угрозе социалистическому порядку. В официальных документах и прессе ключевым элементом было представление моджахедов не как самостоятельной силы, а как подконтрольных Западу наёмников, дестабилизирующих регион и несущих угрозу миру и безопасности в стране. Советская пресса использовала эмоционально заряженные термины, подчеркивая, что советская армия выполняет «интернациональный долг» и защищает «законную власть» Афганистана.

В американском дискурсе образ врага формировался вокруг представления СССР как силы, угрожающей миру и стабильности. Политические лидеры и пресса акцентировали внимание на насильственном характере советской интервенции и страданиях афганского народа. Средства массовой информации широко использовали нарратив о том, что само местное население видело в советских войсках «врагов своей независимости», что как бы подталкивало и оправдывало поддержку моджахедов Вашингтоном.

Таким образом, оба государства использовали политическую риторику и СМИ для создания враждебного образа противоположной стороны. СССР оправдывал своё вмешательство борьбой с «империалистами», а США – защитой свободы и демократии. Как итог, обе стратегии были направлены на мобилизацию общественного мнения и легализацию своих действий в Афганистане.

Уже упоминавшаяся в параграфе специфика озвучивания официальных позиций руководства двух противоборствующих блоков последовательно формально исключала сам термин «враг» или ему подобные. Это делалось с целью сохранения пути для дипломатического диалога. Важно подчеркнуть,

что такой диалог велся не только на уровне внешнеполитических ведомств, но и на уровне взаимодействия иных субъектов, например, экономических (в части внешней торговли) или, что еще важнее на уровне научной и культурной дипломатии. Был разработан формат, известный как Дартмутский диалог. В рамках Дартмутских конференций, начиная с 1960 г. велся диалог по различным тематикам: «экономическое развитие стран третьего мира; научные и культурные обмены между двумя государствами; контроль над вооружениями; роль граждан во внешней политике своих стран и прочее»³⁴¹. Принято считать, что Дартмутский диалог был «неформальным экспертным диалогом, довольно устойчивым и надежным»³⁴². Эта мысль, выработанная исследователями на основании открытых данных, действительно представляется обоснованной, однако исследование рассекреченных архивных документов по данной тематике показало, что руководящую роль в назначении делегатов и формировании повестки с советской стороны имел ЦК КПСС. Исходя из описанной в параграфе специфики взаимодействия периода «холодной войны», можно предположить, что и с американской стороны формирование делегаций и повестки также курировались администрацией. Таким образом, Дартмутский диалог автор относит к важнейшему каналу взаимодействия, инструменту, призванному оказать стабилизирующее воздействие в рамках биполярной системы.

Выводы по параграфу:

«Холодная война», начатая сразу после окончания Второй мировой войны, связанная с дальнейшим последовательным доктринальным закреплением в американских официальных документах – в первую очередь в «Доктрине Трумэна» 1947 г. и последующими, стала очередным историческим

³⁴¹ Agenda. Dartmouth Conference. October 29 — November 4, 1960. Kettering Foundation.

³⁴² Московский М.А. Дартмутский диалог: первые шаги неформальной советско-американской дипломатии // Вестник РУДН, серия Международные отношения. 2012. № 3. – С. 35.

этапом публичного формирования образа врага во внешней политике государств мира, как одного из важных инструментов противопоставления субъектов и союзов субъектов в международной среде.

Тенденция наличия в двух поддерживающих друг друга направлений: публичного (медийного) формирования образа врага и доктринального закрепления посредством принятия доктринальных документов и выступлений первых лиц была задана американской администрацией и сохранялась в течение всего периода «холодной войны». При этом власти в США в своей риторике проводили линию по разделению советской власти и народа, создавая образ угнетаемого социалистическими правительствами населения.

Трансформация советской публичной политики шла вслед за американской: если в 1945-1946 гг. руководство СССР подчеркивало свою заинтересованность в развитии отношений с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, то с 1947 г. начинается, в качестве ответной меры на действия США, формирование образа врага империалистического.

За созданием образа врага и его доктринальным закреплением последовала формализация противоборствующих блоков государств. Как и в первых двух вопросах, США первыми инициировали и реализовали создание военно-политического блока НАТО в 1949 г., таким образом навязывая военно-политическую гонку Советскому Союзу. В 1955 г. в Варшаве был создан противоборствующий блок – ОВД. В части военно-политической направленности эти блоки были довольно похожи, однако выстраивание образа врага в НАТО прослеживается даже уже в базовом документе. ОВД с формальной точки зрения была лишена такого окраса.

Заявления официальных лиц двух блоков и их лидеров (руководство США и СССР) носили резкий, но все же дипломатический характер, термин «враг» не применялся по отношению к оппонентам. Более окрашенное эмоционально влияние оказывала пресса. Публикации американских газет

буквально пестрили образами врага и потенциальных страшных последствий победы данного врага над «свободным демократическим миром». Кинематограф в США также был направлен на формирование у населения страха перед ядерной войной и нападением советского блока. Советские фильмы же были направлены на формирование уверенности в правильности собственного курса, не вызывая отторжения США как потенциального агрессора. Основой указанному являлось наличие конфронтационного противопоставления двух разных идеологий. Идеологическая борьба отражалась и в советском искусстве, однако её формы оставались менее агрессивными и в большей степени подчинялись задаче укрепления внутренней консолидации, чем открытой демонизации внешнего врага. Спорт и противостояние на международных соревнованиях также стали инструментом в формировании образа врага и ареной сражений двух блоков.

Исследование показало, что события «холодной войны», на которых было направлено основное исследовательское внимание в параграфе: Карибский кризис 1962 г., Шестидневная война 1967 г. и конфликт в Афганистане 1979-1989 гг. стали показательными в формировании образа врага двух противоборствующих блоков. Они показали, насколько важным инструментом в международных отношениях являлся процесс создания и активизации образа врага в различных условиях зарождения и развития международной кризисной ситуации. В рамках Карибского кризиса усилия пропаганды Советского Союза и США было направлено на консолидацию своих обществ, отражая эпоху наибольшего обострения международных отношений периода «холодной войны». Советская риторика изображала США как империалистическую угрозу мировой стабильности, используя такие термины, как «агрессор» и «нарушитель международного права», но избегая прямого обозначения врага для сохранения дипломатических каналов. Американский же подход также акцентировал агрессивные действия СССР,

представляя его угрозой свободы слова, демократии и безопасности западного мира в целом.

Шестидневная война стала новым этапом идеологической конфронтации, где образ врага, как один из инструментов внешней политики, вновь играл ключевую роль. Советский Союз активно поддерживал арабские страны, изображая Израиль как проводника империалистической политики Запада. В заявлениях СССР Израиль упоминался как агрессор, а его действия связывались с влиянием США и Великобритании, что усиливало общий образ врага в лице западных держав. При этом американская риторика концентрировалась на защите Израиля, акцентируя внимание на угрозе, исходящей со стороны арабских стран и СССР. Израильская риторика была наиболее жёсткой среди анализируемых стран, так как в тот момент страна находилась в военном положении, что требовало форсированной перестройки общества на военный лад: арабские страны описывались как враги, стремящиеся уничтожить еврейское государство.

Советский и американский дискурсы в отношении войны в Афганистане (1979–1989 гг.) демонстрировали разные подходы к формированию образа врага, что отражало идеологические и политические различия двух стран. СССР стремился оправдать своё военное вмешательство, представляя противников просоветского афганского правительства как «контрреволюционные элементы», «бандформирования» и «агентов империализма». В свою очередь, США использовали антисоветскую риторику, изображая Советский Союз как «агрессора» и «врага свободы», а советский контингент — как захватчиков, угрожающих независимости Афганистана.

Различия в подходах использования такого инструмента внешней политики, как образ врага в годы холодной войны проявлялись в особенностях взаимодействия государственной власти и медиа. В СССР пресса была полностью подчинена государству, что позволяло формировать единый

нарратив. В США и Израиле, несмотря на независимость медиа, риторика также способствовала укреплению позиции правительств, хотя и предоставляла больше пространства для альтернативных интерпретаций.

Выводы по главе 3

Особенностями формирования образа врага как инструмента внешней политики во время Второй мировой и «холодной войны» следует указать такие, как:

- способы обозначения образа врага в международной среде опирались исключительно на национальные интересы конкретных участников международных отношений;

- обращение к указанному инструменту внешнеполитического влияния происходило как в периоды предкризисного состояния международных отношений, так и в период активной фазы противостояния субъектов;

- констатируется не эволюционность формирования образа врага, как поступательный процесс зарождения, становления и развития во внешней политике государств. Прослеживается «эксплуатация» его внешнеполитической образности с учетом исторических традиций, культурных ценностей и национальных особенностей, что может быть оценено исключительно как трансформация с адаптацией под конкретные задачи определенной международной ситуации;

- сохранение в период Второй мировой и Великой Отечественной войн оценочного состояния врага в лице фашизма и государств, его олицетворяющих;

- в период «холодной войны» происходит комплексирование в усилении влияния механизмов и способов в определении образности врага в международных отношениях, вследствие усложнения влияния взаимодействия геополитических, социально-культурных, информационных и иных факторов, которые усиливались в период ключевых событий указанной

эпохи. А также с целым рядом неопределенностей, связанных с этим многофакторным влиянием;

- исследуемый инструментарий внешней политики формировался и реализовывался по-разному в двух противоположных подсистемах, возглавляемых США и СССР. Политическая власть в обеих подсистемах обозначала образ врага либо неявно, используя «мягкие» категории для оставления возможности недопущения прямого военного столкновения и разрешения противоречий с использованием дипломатии, либо опосредованно. СМИ, как средство сопровождения внешнеполитических устремлений государств не пользовались смягчающими формулировками, а называли врагов – врагами. А подход и политической власти, и средств массовой информации во время «холодной войны» создавал единый комплекс противопоставления двух идеологически противоположных подсистем взаимодействия государств в рамках единой системы международных отношений – Ялтинско-Потсдамской системы.

Заключение

В результате проведенного диссертационного исследования при решении научной задачи в достижении цели работы были получены теоретические выводы с учетом принятых в исследовании допущений. Таких как:

1.Международные отношения во все указанные в диссертационном исследовании хронологические периоды формирования образа врага как инструмента внешней политики, представляют собой саморазвивающуюся, трансформирующуюся систему, на состояние которой влияет значительное количество факторов. В связи с невозможностью в исследовании учесть всю совокупность факторов, влияющих на состояние и развитие международной среды, автором было принято решение на каждом из исследовательских исторических периодов выделять определенный набор факторов с возможным их описанием и анализом. При этом в качестве факторов, автор берет на себя смелость, принимать материализованные причины и предпосылки, отобранные в соответствии с используемым подходом и критериями на основе принципа историзма: каждому историческому этапу – свои критерии и подходы.

2.В диссертационной работе, учитывая специальность проводимого диссертационного исследования, во главу угла ставятся материалы советского/российского и зарубежных внешнеполитических ведомств. Опираясь на принцип достоверности, автором используются результаты исследования прежде всего архивных документов, с дополнением их вторичной информацией: аналитическими обзорами, научными статьями специалистов-исследователей, материалами СМИ для реализации прикладной составляющей диссертационного исследования.

3. В получаемых научных результатах исследования предусмотрено обязательное присутствие политологической составляющей, увязанное в исторической результирующей конкретике.

4. Подтверждается очень корректное и уважительное отношение автора к выводам и заключениям предыдущих исследований по тематике диссертационной работы. Согласие или несогласие с их авторами, высказанные в ходе научного поиска необходимых результатов, не могут рассматриваться как окончательные и необходимы автору для формулирования выводов по каждой исследовательской задаче и предложению научно обоснованных рекомендаций на основании исторического опыта и уроков из проведенного исследования формирования образа врага в истории международных отношений XX века указанного хронологического отрезка времени.

Теоретические выводы по результатам работы могут быть представлены следующим образом:

Во-первых, теоретическую исследовательскую основу образности врага в международных отношениях, как инструмента внешней политики, составили результаты исследования образа врага, полученные в философских, психологических, социологических, культурологических, политологических и имагологических исследованиях. В которых были научно обоснованы и представлены как разделенные понятия «враг» и «образ», так и синтезированная категория «образ врага». В рамках раскрытия темы диссертации предложено уточнение в интересах представленной работы в авторском варианте данной междисциплинарной категории с учетом исторической направленности исследования в следующем виде: «образ врага – это качественная оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании нации (народа) относительно внешнего вида, изображения государственных, социальных, религиозных или иных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям конкретных

участников международных отношений, приносящих им вред и являющихся угрозой национальным интересам в конкретном историческом периоде».

Наряду с общенаучным (междисциплинарным) определением с учетом исторической обоснованности «образа врага», выявлена необходимость введения в научный оборот понятия «образ врага как инструмента внешней политики», учитывающее психологический, поведенческо-социетальный, внутривнутриполитический и формально внешнеполитический уровни его оценки, в следующем виде: «Образ врага как инструмент внешней политики государства – это качественная оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании нации (народа) относительно внешнего вида, изображения государственных, социальных, религиозных или иных образований, стоящих на позициях, противоположных позициям конкретных участников международных отношений, приносящих им вред и являющихся угрозой национальным интересам, представленная как средство влияния для достижения цели национального интереса в международной среде в конкретном историческом периоде, облаченное в определенную форму, в соответствии с внешнеполитическими устремлениями конкретного субъекта – государства».

Исследование исторического опыта формирования образа врага позволяет выявить его разрушительный потенциал для международных отношений, понять механизмы манипуляции массовым сознанием и подчеркнуть важность критического осмысления подобных конструктов для предотвращения конфликтов и поиска путей мирного сосуществования. Главный исторический урок: Образ врага – мощное оружие в политике, обращение с которым требует крайней ответственности и осознания последствий его действия.

Во-вторых, особенностями формирования образа врага как инструмента внешней политики для достижения целей национального интереса в зарубежных государствах, в сравнении с российским и советским походом в

формировании внешнеполитической инструментальности образа врага в течение XX века являются следующие:

- активизация обращения политической власти государств к образу врага во внешнеполитической деятельности реализовывалась в период предкризисного и кризисного (военного) состояния международных отношений. При этом указанный инструментарий, включающий средства и способы внешнеполитического воздействия на иные субъекты международной среды и их общества, использовался всеми исследованными государствами не только для оказания воздействия на граждан и политическую власть других стран, а и для консолидации своего общества в условиях внешней угрозы;

- в зарубежных государствах обращение к указанному инструменту внешней политики обосновывалось идеологическим фоном коммунистического вредоносного влияния всегда в течение всего хронологического отрезка времени исследования. Особенно это стало явным в период появления и существования в международной среде государства социалистического уклада – Советской России и СССР, с наличием в его внешнеполитическом векторе идеологического ориентира, противоположного западному – с 1917 по 1991 гг.;

- в российской и советской внешней политике использование образа врага представлено не эволюционным, а трансформационным процессом, когда «эксплуатация» вражеской образности обоснована конкретной международной ситуацией и исключительно для достижения цели национального интереса в ней, может быть охарактеризована как процесс волнообразного использования инструментальности образа врага во внешней политике;

- в большинстве исследуемых политических практиках использования образа врага во внешней политике Российской империи и Советской России (СССР) прослеживается более мягкий подход в оценке народов и более

жесткий – в отношении политической власти стран-противников-врагов. В зарубежной внешнеполитической действительности в рамках исследования таких различий не было выявлено. Наша страна у них всегда воспринималась как противник или враг, не зависимо – в общественном или властном дискурсе.

Акцентируя внимание на особенностях формирования такого внешнеполитического инструмента как образ врага в различные исторические периоды XX века, необходимо отметить его присутствие во внешней политике таких исследуемых государств, как Австро-Венгрия, Германия, Франция, Великобритания, Россия с начала XX века и до окончания Первой мировой войны. Когда каждое из указанных государств использовало данный инструмент с учетом собственного национального интереса с «оглядкой на коалиционность» международных отношений. В межвоенный период до 1939 года происходит некая «индивидуализация» международных отношений, когда под влиянием практического отсутствия системы коллективной безопасности, каждый из субъектов международной среды выбирал собственное видение необходимости и направленности использования такого инструмента внешней политики как образ врага.

Оценивая волнообразность использования образа врага в межвоенный период во внешней политике как зарубежных государств, так и нашей страны СССР, следует отметить, что это было связано с дихотомией двух противоположностей в выборе внешнеполитических действий: «необходимость-вынужденность». Когда на принимаемые внешнеполитические решения влияло в первую очередь состояние и возможности собственного государства, нежели состояние и возможности страны-соперника, страны-оппонента, страны-противника. Использование образ врага как внешнеполитического инструмента в это время прослеживается во внешней политике Великобритании, Франции, Польши, Германии, СССР и большинства «малых» государств Европы. Активизация

образности врага происходит уже в ходе начавшейся Второй мировой войны под влиянием общей угрозы уничтожения собственного суверенитета, исходящей от германского фашизма. Еще более акцентированное внимание этому внешнеполитическому инструменту следует отметить с началом Великой Отечественной войны – с нападением Германии на СССР, а также началом военного противостояния США и Японии в 1941 г. Когда во внешней политике, прежде всего, таких государств, как СССР, Великобритания, США, Финляндия, Германия, Япония, образ врага вышел на ведущие позиции как внешнеполитического влияния, так и внутривнутриполитической и национальной консолидации обществ. При этом идеологическая составляющая противоречий между СССР и иными упомянутыми государствами ушла с ведущих позиций и уступила место общему глобальному международному интересу – переходу к новому миропорядку без фашистской угрозы.

В годы «холодной войны» образ врага как инструмент внешней политики активно эксплуатировался, но уже в рамках мирного сосуществования с обострением в различных кризисных международных ситуациях и локальных конфликтах (Берлинские и Карибский кризисы, война во Вьетнаме, Арабо-израильская война, Афганистан). Особенности использования образа врага как инструмента внешней политики в это время связаны с противостоянием двух противоположных подсистем международных отношений в рамках одной – послевоенной – Ялтинско-Потсдамской. В рамках этого противостояния отмечено, что такие государства, как США и СССР наиболее активно в своей внешней политике использовали такой инструмент как образ врага, являясь лидерами своих подсистем.

В-третьих, благодаря систематизации доктринальных государственных установлений по поводу образа врага в условиях кризисного состояния системы международных отношений следует заключить, что образ врага, как инструмент внешней политики государств формировался первоначально в

доктринальных государственных установлениях, а затем транслировался в пропагандистский и общественный дискурсы. Основным средством его реализации на практике являлись средства массовой информации. Механизмами достижения результата в применении образа врага во внешней политике являлись, как политические, экономические, военные и культурные средства, так и конкретная деятельность представителей высшей государственной власти, основанная на субъективной, порой ошибочной, оценке как конкретной международной ситуации в целом, так и отдельного субъекта международных отношений.

Средствами достижения целей в инструментальном представлении образа врага являлись как результаты внешнеполитических действий, таких как заключенные соглашения, заявления первых лиц государств или ведущих политических деятелей. Так и иные, определяемые технологическими, техническими и культурными возможностями определенного исторического отрезка времени XX века. Такие как кино, печать, радио, телевидение, культурные и спортивные достижения. Способами в достижении результата «эксплуатации» вражеской образности в международной среде были как конкретные решения во внешней политике, так и конкретные образцы представления «врага», указанные в рамках исторически допустимых средств. Роль отечественной дипломатии в трансформации образа врага в XX веке определена как высоко-значимая. Это объясняется тем, что обращение к образу врага в отечественной внешней политике было бы невозможно без аналитической оценки состояния отношения к нашей стране в зарубежных государствах и без информационного сопровождения такой оценки российскими и советскими дипломатами.

В-четвертых, образ врага, как ментальный совместный продукт общества и власти формируется в любом государстве как мизантропный феномен. Вне зависимости от формы правления или степени демократизации, исторической памяти народа или иных факторов. В различных формах и видах

этот внешнеполитический инструмент свое значение не утрачивает, а сам по себе является основой внешней политики субъектов международной среды. При этом, как и в предвоенные периоды XX века, так и во время войн содержит как формальную – видимую, так и латентную составляющую, при этом ярко не выраженную и однозначно не определяемую во внешнеполитических устремлениях как отдельных государств, так и их групп. Характерным для международных отношений всего исследуемого хронологического периода XX века следует отметить присутствие во внешней политике исследуемых государств «комплексного образа врага», либо в лице противостоящих союзов государств, как это было перед началом и в ходе Первой мировой войны. Либо в лице коммунистической идеологии и Советской России, как ее источника, что обозначилось после ее окончания. Сохранение сложносоставной «комплексности», с наложением на коммунистическую идеологию, – еще и фашистской – в межвоенный период и в годы Второй мировой войны. Комплексность сохранилась в качестве характеристики концентрированного противостояния двух различных подсистем (буржуазной и социалистической) в рамках единой – послевоенной системы международных отношений после окончания Второй мировой войны.

В-пятых, исследование такого инструмента внешней политики как образ врага за более чем 70-й период в XX веке дает возможность получения исторического опыта для современных событий века XXI, которые можно охарактеризовать как состояние кризиса международной системы. Когда в конфронтационном военном противоречии в рамках одной международной ситуации принимают участие фактически два братских народа – российский и украинский. Народы с общим историческим прошлым, общим культурным кодом, общими традициями, общим, одним и тем же русским языком. Наблюдаемое влияние образности врага во внешней политике сегодня, происходящее за счет сжатия времени под влиянием современных, в том числе и информационных технологий, может дать возможность оценить влияние

этого инструмента от «братских» отношений между этими народами – к отношениям враждебности. Народы, существовавшие как единое сообщество в течение более тысячелетия менее чем за десятилетие стали противниками – врагами. Что подтверждает еще раз первое теоретическое положение о главном историческом уроке: Образ врага – мощное оружие в политике, обращение с которым требует крайней ответственности и осознания последствий его действия.

В-шестых, отмечая политическую феноменальность образа врага как инструмента внешней политики, основанную на психологически обоснованной необходимости власти любого из представленных в диссертационном исследовании государств в защите собственных национальных интересов в определенной международной ситуации, следует констатировать, что причиной этому является то, что в разных государствах под влиянием политической власти этот феномен проходит через стадии разновременной трансформации. Эта разновременность является не только причиной, но и движущей силой необходимости использования во внешней политике методов и способов воздействия на другие государства из арсенала категории «образ врага» в конкретных международных ситуациях.

Практическими предложениями и рекомендациями с обобщением материала исторического опыта по формированию образа врага в международных отношениях и внешней политике государств являются следующие:

- органам государственной власти России предлагается при формировании внешнеполитической деятельности указанный инструментарий использовать в соответствии с условиями конкретной международной ситуации, но только с учетом последствий его применения и при наличии обратной связи. В случае, невозможности получения которой – привлекать экспертное научное сообщество;

- исключить из механизмов влияния недружественности образов такую категорию как общество, акцентировав влияние только на представителях государственной власти, как олицетворении враждебности в международной среде, ибо власть в контексте реализации собственных властных интересов не в полной мере и не всегда отвечает на запросы большинства общества;

- предлагается в научном плане задать программы исследований научным и образовательным учреждениям РФ, связанных с влиянием образа врага на различные направления внешнеполитической деятельности нашего государства.

В качестве направлений последующих научных исследований в контексте темы диссертации представляется рассмотреть следующие: о вкладе российских и советских дипломатов в решении острых проблем межгосударственного общения в конфронтационные периоды; деятельность Коминтерна, как прообраза альтернативного формата взаимодействия государств и обществ в рамках международной среды в предкризисные и кризисные периоды истории. Дальнейшими направлениями научных исследований могут быть также избраны особенности использования, указанного в теме диссертации, внешнеполитического инструмента в условиях разрушенной биполярной системы международных отношений после 1991 г.

Список источников и литературы

Архивные документы

1. «Правда» 21 декабря 1944 г. (издание Министерство пропаганды Третьего рейха к 65-летию И. Сталина) по состоянию на 2017 г.: АПРФ, ф.3, оп. 58, д. 462, л. 58-58об.; на 2025 год – РГАНИ, Ф. 3, Оп. 58, Д. 462, Л. 58-58об. (с препроводительной от Л. Берия на Л. 57).
2. АВП РФ Ф. «Реферантура по Германии» Оп.24, Д.91, папка 116. Л.1-82.
3. АВП РФ Ф. Секретариата Зам. Наркома А.Я. Вышинского Оп.2, Д. 86, папка 14, Л.11.
4. АВП РФ Ф.082, Оп.24, Д.5, Папка 105, Т.2, Л.1.
5. АВП РФ Ф.082, Оп.24, Д.5, Папка 105, Т.2, Л.245.
6. Воззвание императора Российской империи Николая II к русскому народу Австро-Венгрии с призывом «не обижать мирных людей, какой бы они ни были народности»/ Газета «Прикарпатская Русь», издание Карпато-русского освободительного Комитета. Киев, 10 августа 1914 г. АВПРИ, Фонд Особый политический отдел Оп. 474, Д. 152, Л. 60.
7. Выпуск газеты «Боротьба» февраль 1915 г. АВПРИ Ф. Особый политический отдел, Оп. 474, Д.30, Л. 3-6 об.
8. ГАРФ. - Ф. 9425. - Оп. 2. - Д. 19. - Л. 121, 176.
9. Директива Главного политического управления РККА № 278 от 10 декабря 1941 г. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4. Л. 110.
10. Донесение российского представителя в Константинополе Б.С. Серафимова во Второй политический отдел МИД о пропагандистской деятельности в Турции руководителей созданного австрийцами «Союза освобождения Украины» (М.И. Меленевского) 4 января 1915 г. АВПРИ Ф. Особый политический отдел, Оп. 474, Д.18, Л. 6-7 об.
11. Досье особого политического отдела МИД России июнь 1916 г. АВПРИ, Фонд Особый политический отдел Оп. 474, Д. 387, Л. 62.

12. Запись беседы первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова с послом Израиля в СССР К. Кацем 10.06.1967 // АВП РФ. Ф. 089. Оп. 20. Папка 32. Д. 2. Л. 7.
13. Издание Документы из архивов царского и временного правительства 1878-1917 гг. – М., Л.: Гос.- соц.-экон. из-во 1931-1938. – 568с.
14. Краткое изложение записки депутата Государственной Думы графа В.А. Бобринского о прикарпатской Руси (июнь 1914 г.), АВПРИ. Фонд. Особый политический отдел. Оп. 474. Дело 155, Л. 63.
15. Листовка «Союза освобождения Украины», адресованная солдатам Русской армии в ноябре 1914 г. АВПРИ Фонд особый политический отдел Оп. 474, Д. 21, Л. 69-69 об.
16. Материалы газеты «Католик таймс» от 19 декабря 1942 года. АВП РФ, Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова», Опись 5, Литера доп. Дело 482, Папка 38, Л. 10.
17. Материалы газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» от 28 июня 1941 г. Архив внешней политики РФ, Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова», Опись 5, Литера доп. Дело 482, Папка 38, Л. 14.
18. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительства 1878-1917 гг. – М., Л.: Гос.-соц.-экон. из-во 1931-1938. – 559 с.
19. План боевого применения Военно-воздушных сил Северного фронта на 25.6.41 г. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 12900с. Д. 1. Л. 39-40. URL: <https://tacticmedia.ru/news/25-iyunya-nalyety-na-finskie-aerodromy/> (дата обращения 21.10.2024).
20. Постановление Политбюро ЦК КПСС «К положению в Афганистане». 12.12.1979 // АП РФ Ф. 3, Оп. 67, Д. 265, Л. 5.
21. РГАКФД 4624-4644.
22. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 2, 6, 8, 27; Д. 730. Л. 3; Д. 732. Л. 3, 5, 23.

23. Россия на Голгофе: (из походного дневника 1914-1918 гг.)/А. И. Верховский; предисл., коммент. А. М. Савинова; Гос. публ. ист. б-ка России. - М., 2014, – 208 с.
24. Сопроводительное письмо российского представителя в Константинополе Б.С. Серафимова о направлении во Второй политический отдел МИД некоторых распространявшихся в Турции изданий «Союза освобождения Украины». 12 апреля 1915 г. и М. С. Грушевский. Обзор украинской истории (София, 1914, болг. яз.). АВПРИ, Фонд Особый политический отдел Оп. 474, Д. 18, Л. 13.
25. Справка об англо-американской политике по отношению к Финляндии и планах Финляндии выхода из войны. АВП РФ, Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова», Опись 5, Литера доп. Дело 482, Папка 38, Л.4,17.
26. Статья в газете «Русское слово» АВПРИ Ф. Особый политический отдел, Оп. 474, Д.21, Л. 14.
27. Телеграмма Чичерина постпредам СССР в европейских столицах от 19 августа 1923 г. АВП РФ. Ф. 04, Оп. 7, Папка 64, Д. 891, Л. 111.
28. Шифртелеграмма членов Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича и В. М. Молотова И. В. Сталину с проектом ответа председателя ВЦИК М. И. Калинина на письмо президента США Ф. Рузвельта о советско-американских отношениях. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 11, Д. 48, Л. 16. URL: <https://www.prilib.ru/item/1296993> (дата обращения 28.08.2024).

Официальные источники

29. BBC (Великобритания): речь Уинстона Черчилля, 22 июня 1941 года. URL: <https://inosmi.ru/20110622/171041761.html> (дата обращения 17.10.2024).
30. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения 20.10 2023).

31. Выступление В.М. Молотова на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР первого созыва. 31 августа 1939 г. // "Правда", 1 сентября 1939 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102783-iz-vystupleniya-v-m-molotova-na-vneocherednoy-chetvertoy-sessii-verhovnogo-soveta-sssr-pervogo-sozyva-31-avgusta-1939-g> (дата обращения 12.10.2024).
32. В.М. Молотов «О внешней политике Советского Союза» - Доклад на заседании внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва // Интернациональная литература 1939, №11 – С.1-11 URL: <http://www.inostranka.ru/data/documents/1939-11-Molotov.pdf> (дата обращения 28.08.2024).
33. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Албанией, Народной Республикой Болгарией, Венгерской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Румынской Народной Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой. Варшава. 14 мая 1955 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. М.: ВПШ при ЦК КПСС, 1957. – С. 265-268.
34. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой. 21 апреля 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. – С. 21-23.
35. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой. Москва, 12 декабря 1943 года // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. 22 июня 1941 г. - 31 декабря 1943 г.: Док. и материалы. М.: Госполитиздат, 1944. – С. 373-376.
36. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Югославией. 11

апреля 1945 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. 1 января - 3 сентября 1945 г.: Док. и материалы. М.: Госполитиздат, 1947. – С. 175-178.

37. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Республикой. Москва. 18 февраля 1948 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. — М., 1957. – С. 175-176.

38. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой. Москва. 4 февраля 1948 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. М.: ВПШ при ЦК КПСС, 1957. – С. 173-174.

39. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой. Москва. 6 апреля 1948 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций ... Москва, 1956. Вып. 13. № 505. – С. 22–24.

40. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ. 18 марта 1948 г. // Известия, 19 марта 1948 г. Опубл. в газ.: Държавен вестник, 1 июля 1948 г.; в сб.: Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг. Документы и Материалы. М.: Политиздат, 1969, с. 411—413; в сб.: Външна политика на Народна Република България. София: Наука и изкуство, 1970, Т. 1. 1944—1962. – С. 111—114.

41. Доклад В.И. Ленина на I -м Всероссийском съезде казаков 1 марта 1920 г. ПСС, Т.40. – С.181-182.

42. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939 / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ЧССР. — М.: Политиздат, 1979. – С. 319–320.
URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/91053-dokumenty-po-istorii-myunhenskogo-sgovora-1937-1939> (дата обращения 25.08.2024).

43. Документы внешней политики СССР. Т. XVI. 1 января - 31 декабря 1933. - М., 1970. – 921 с.
44. Закон РФ "О государственной тайне" от 21.07.1993 N 5485-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения 17.10.2024).
45. Запись беседы с Луначарским (по материалу «Советское Кино» № 1-2, 1933, С. 10) Ленин В.И. ПСС Т.44. – С.579.
46. Заявление правительства СССР о положении на Ближнем Востоке. URL: <https://stydopedia.ru/2x9d4b.html?ysclid=m9eqjwnik3433207681> (дата обращения: 13.02.2025).
47. Заявление советского правительства. 23 октября 1962 года // МИД России [Офиц. сайт] URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/779/dv8v684gtgwyg2ejcoqn74v6a4445z0h/%d0%9f%d0%a0%d0%98%d0%9b%d0%9e%d0%96%d0%95%d0%9d%d0%98%d0%95%20%d0%98%d0%97%20%d0%a2%d0%95%d0%9a%d0%a1%d0%a2%d0%90.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).
48. Красная звезда. 1942. 1 мая.
49. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. N 229). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/5a8fbcac394ddab0776787a083406b2583bd2bdc/ (дата обращения 12.04.2023).
50. О внешней политике Советского Союза, доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза СССР 31 октября 1939 г./ Комсомольская правда 1 ноября 1939 г. № 251 (4434), С. 1, Библиотека им. Н.А. Некрасова, electro.nekrasovka.ru, URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6148916/pages/1> (дата обращения 21.06.2023).

51. О ходе выполнения интернационального долга в Афганистане // Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: сб. документов 1981 г. М.: Изд-во ИМО. 1982. – 540с.
52. Ответы товарища Сталина И. В. на вопросы президента Американского Агентства Юнайтед Пресс г-на Хью Бейли, полученные 23 октября 1946 года // Правда. 1946. 30 октября.
53. Послание президента США Ф.Д. Рузвельта председателю ЦИК СССР М.И. Калинину в числе других глав государств - участников Мировой экономической конференции и Конференции по сокращению и ограничению вооружений. 16 мая 1933 г. // ДВП СССР. Т. XVI. – С. 300-302. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/155494-poslanie-prezidenta-ssha-f-d-ruzvelta-predsdatelyu-tsik-sssr-m-i-kalininu-v-chisle-drugih-glav-gosudarstv-uchastnikov-mirovoy-ekonomicheskoy-konferentsii-i-konferentsii-po-sokrascheniyu-i-ogranicheniyu-vooruzheniy-16-maya-1933-g> (дата обращения 28.08.2024).
54. Речь Уинстона Черчилля, Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. // МИД России [Офиц. сайт] URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/6b0/%D0%A0%D0%B5%D1%87%D1%8C%20%D0%A3%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B0%20%D0%A7%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D1%8F.pdf> (дата обращения: 08.02.2025).
55. Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия. 4 апреля 1949 г. // НАТО [Офиц. сайт] URL: <https://www.nato.int/docu/presskit/010219/005ru.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).
56. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. - М., 1934. – 716 с.
57. Текст выступления по радио заместителя председателя СНК СССР наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова: рукописный вариант. - [Б.

н.], 22 июня 1941. - 4 л. - (Память о Великой победе). - Текст на одной стороне листа. - Написано от руки. Карандаш. URL: <https://www.prilib.ru/item/456566> (дата обращения 19.10.2024).

58. Речь В.М. Молотова 22 июня 1941 г. по радио «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LB4Y4q0kZPM> (дата обращения 19.10.2024);

59. Телеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова в зарубежные представительства СССР о нападении Германии. - [Б. н.], 22 июня 1941. - 1 л. - (Память о Великой победе). - Перед текстом: Майскому, Богомолу, Уманскому, Горелкину, Сметанину, Лаврентьеву, Лаврищеву, Шаронову, Ерофееву, Коллонтай, Николаеву. Дописано о руки: Орлову, Афанасьеву, Бакулину, Иванову, Панюшкину. С рукоп. пометами и штампами. URL: <https://www.prilib.ru/item/456568> (дата обращения 19.10.2024).

60. Стратегические концепции // NATO [Official Website] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_56626.htm?selectedLocale=ru (accessed: 09.02.2025).

61. СССР. Верховный Совет. Заседания Верховного Совета СССР. - М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1938-1991. Седьмая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (1 августа-7 августа 1940 г.): стенографический отчет. - 1940. - С. 24. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/31969-sedmaya-sessiya-verhovnogo-soveta-sssr-1-go-sozyva-1-avgusta-7-avgusta-1940-g-stenograficheskiy-otchet-1940> (дата обращения 14.10.2024).

62. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 20.10.2022).

63. Бжезинский, З. Меморандум помощника президента по вопросам национальной безопасности президенту Картеру. Вашингтон, 28 декабря 1978

г. Еженедельный отчет СНБ № 83 (U). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d106> (дата обращения 15.11.2022)

Официальные источники на иностранном языке

64. Agenda. Dartmouth Conference. October 29 — November 4, 1960. Kettering Foundation.
65. D.C. 6/1 1 December 1949. Note by the secretary to the North Atlantic Defense Committee on the Strategic Concept for the Defence of the North Atlantic Area // NATO [Official Website] URL: <https://www.nato.int/docu/stratdoc/eng/a491201a.pdf> (accessed: 09.02.2025).
66. Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1948. Washington, 1968.
67. The Truman Doctrine, 1947 // Department of State. USA [Official Website] URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/truman-doctrine> (accessed: 08.02.2025).
68. Vandenberg A. The Privat Papers of Senator Vandenberg. Boston, 1952 – 593 p.

Монографии

69. Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке: монография / под ред. Т.В. Кашириной и А.В. Аваткова. – 5-е изд. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2022. – 411 с.
70. Арнаут, Н.Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 - ноябрь 1938). / монография. Новосибирск: НГУ. 2012. – 251 с.
71. Безбородов, А.Б., Евсеева, Е.Н. СССР в годы «холодной войны»: 1945-1984. С. 9-200. // История России 1901-2001 годов / Безбородов А.Б. [и др.]. М.: Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт. 2002. – 295 с.

72. Бжезинский, З. Власть и принцип: воспоминания советника по национальной безопасности, 1977–1981 гг. NY. 1983. URL: <https://www.raptisrarebooks.com/product/power-and-principle-memoirs-of-the-national-security-adviser-1977-1981-rare/> (дата обращения 15.11.2022).
73. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. — М.: Кучково поле, 2014. — 864 с.
74. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Л. 1989. — 433 с.
75. Дипломатический словарь. Гл. ред. Вышинский А.Я., Лозовский С.А. М., 1948. URL: <http://doc20vek.ru/node/3551> (Дата обращения 10.08.2023).
76. Жарких, Е.В. Германия и немцы глазами русских в конце XIX-начале XX веков: социально-экономические аспекты восприятия / монография. Орел: Орловский государственный технический университет, 2009. — 200 с. URL: <https://elib.oreluniver.ru/monografiya/germaniya-i-nemcy-glazami-russkikh-v-kon.html> (дата обращения 16.11.2022).
77. Зубкова, Е.Ю. Общество и реформы, 1945-1964. М.: Россия молодая, 1993. — 198 с.
78. И. Сталин в беседе с английским послом в СССР 8 июля 1941 г. / Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1983. Т. 1. — 542 с.
79. Иванов, А.А. Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения. С.-Петербург. 2017. — 72 с.
80. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789-2001 г.). С историческим комментарием. Пер. с англ. / Общ. ред. и комментарии Э.Я. Иваняна. Серия «История идей - история людей». М., 2001. — 528 с.
81. История внешней политики России: В 5 т. Т. 5. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). — М.: Академический проект; Парадигма, 2018. — 658 с.

82. История Всесоюзной Коммунистической Партии (Большевиков). М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. – 352 с.
83. История дипломатии Т.II, Дипломатия в новое время 1872-1919 /под ред. В.П. Потемкина. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, М.: 1945- Ленинград. – 423 с.
84. История дипломатии. Т.III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919-1939) / под ред. В.П. Потемкина, ОГИЗ, М.: 1945.- Ленинград, Главы 22-26.
85. Колесникова, А.Г. "Бой после победы": образ врага в советском игровом кино периода холодной войны / монография. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. – 230 с.
86. Лебон, Г. Психология народов и масс. 2021. М.: Эксмо-Пресс. – 352 с.
87. Троттер У. Стадный инстинкт в мирное время и на войне. 2023. М.: АСТ. – 256 с.
88. Лемке, М. 250 дней в царской ставке // Первая мировая. М., 1989. – 448 с.
89. Лемонон, Э. Очерк истории англо-французских отношений. М., 1923. – 100 с.
90. Ливанцев, К.Е., Бельсон, Я.М. История государства и права США. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 167 с.
91. Макнамара, Р. Путем ошибок - к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры: Перевод с английского. Издание. М. 1988. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie7057.html> (дата обращения 15.11.2022).
92. Найдено, Б.Н. Прибалтийский регион в советской военной политике (1918 -1940 гг.): монография. – М.: Издательство «Дирижабль», 2020. – 410 с.
93. Неймарк, М.А. Эволюция внешнеполитической стратегии России: монография. М.: Проспект, 2020. – 320 с.
94. Новиков, М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании, 1936–1939 гг. Ярославль, 2007. – 133 с.

95. Палеева, Н.В., Гарсиа де ла Пуэнте И. и др. Культурная память. Интерпретация культурных кодов. / Монография. Саратов: ЛИСКА, 2008. – 158 с.
96. Потапов, Н. М. Печать и война / Н. М. Потапов; с предисл. И. М. Подшивалова; СССР. - М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 82 с.
97. Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. второе, дополненное и исправленное. Издательство «Наука», М.: 1979. – 232 с.
98. Потапов, Д.С. К вопросу об образе врага в социальных и психологических исследованиях. Психология/ Историко-критические обзоры и современные исследования. Т.8, Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» Ногинск, 2019. – 236 с.
99. Робинсон, Л. Современная политическая война: текущие практики и возможные ответы. Санта-Моника, Калифорния. 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1772.html (дата обращения 16.11.2022)
100. Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (Сентябрь 1931 г.-сентябрь 1937 г. / Ин-т Дальнего Востока РАН, Ист.-док. департамент МИД РФ, Федер. агентство архивов РФ, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; Отв. ред. С.Л. Тихвинский. — М.: Памятники исторической мысли, 2010. — 861 с.
101. Рябцева, Е.Е., Карабущенко, П.Л., Элита и общественность США: мнения и предпочтения /монография. -Астрахань: Астрах. гос. техн. ун-т, 2002. – 240 с.
102. Сенявская, Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. / монография – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 288 с., URL: https://iriran.ru/sites/default/files/Senyavskaya_E.S._Protivniki%20Rossii%20v%20voinah%20XX%20veka%282006%29.pdf (дата обращения 17.11.2022).

103. Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А. Д. Богатурова. Том 1. 1918–1945 гг. -М., 2006. URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1/chapter14_1.htm (дата обращения 10.10.2024).
104. Труды Института российской истории. Выпуск 5 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. – 350 с., URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=serie§ion=8&id=26> (дата обращения 18.11.2022).
105. Уткин, А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1990. – 68 с.
106. Фатеев, А. Образ врага в советской пропаганде. 1945 - 1954 гг. Москва: ИРИ РАН, 1999. – 261 с.
107. Чубарьян, А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года / А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. - М.: Наука, 2008. – 476 с.
108. Штоль, В.В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019. – 434 с.

Монографии на иностранном языке

109. Beckett I. The Great War. London, 2007. - 856 p.
110. Diner D. Verkehrte Welten. Antiamerikanismus in Deutschland. Ein historischer Essay. Frankfurt: Eichborn, 1993.
111. Sanders M., Taylor P. British Propaganda during the First World War, 1914-18. London, 1982. - 320 p.
112. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1994. - 330 s.
113. Springenschmid, K. Deutschland und seine Nachbarn. Geopolitische Bildsreihe. Mit einem Geleitwort von K. Haushoffer. Leipzig, 1937.

114. Verhey J. Der «Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg, 2000. - 416 s.
115. Ziegler W. Die Judenfrage in der modernen Welt. B., 1939.

Диссертации

116. Акопов, А.А. Формирование образа врага на страницах газеты "Северокавказский край" в годы Первой мировой войны. Диссертация. Пятигорск. 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-obraza-vraga-na-stranitsakh-gazety-severokavkazskii-krai-v-gody-pervoi-mirovoi-read> (дата обращения 16.11.2022).
117. Арнаут, Н.Б. Образ "врага народа" в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект: декабрь 1934 г. - ноябрь 1938 г. Диссертация. М. 2008. URL: <https://www.prilib.ru/item/354361> (дата обращения 16.11.2022).
118. Белоконева, А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946-1953 гг.). Диссертация. М. 2004. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002740994.pdf (дата обращения 13.11.2022).
119. Васильева, Н.Ю. Международный аспект в идеологии и политике крайне правых политических движений во Франции в 80-е - первой половине 90-х годов. Диссертация. М. 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/mezhdunarodnyi-aspekt-v-ideologii-i-politike-kraime-pravykh-politicheskikh-dvizhenii-vo-fran> (дата обращения 16.11.2022).
120. Григорьева, О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933 -1941 гг. Диссертация. М.- 2008. – 240 с.
121. Доминик, О.И. Эволюция взглядов на применение невоенных средств в военных конфликтах будущего (по официальным документам США: 1946–1991 гг.). Историческое исследование. Диссертация. 2022. URL:

<https://vagsh.mil.ru/Nauka/Dissertacionnyj-sovet/D07.2.001.01/item/375144/> (дата обращения 18.11.2022).

122. Евгенийев, В.А. Образ СССР-России в контексте мировой политики (По работам Збигнева Бжезинского второй половины XX в.). Диссертация. М. 2004. URL: <http://www.dslib.net/teoria-politiki/obraz-sssr-rossii-v-kontekste-mirovoj-politiki.html> (дата обращения 13.11.2022).

123. Жарких, Е.В. Германия и немцы глазами русских в конце XIX - начале XX веков: социально-экономические аспекты восприятия. Диссертация. Орел. 2005. URL: https://new-disser.ru/product_info.php?products_id=714859 (дата обращения 16.11.2022).

124. Забелина, Н.Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны. Диссертация. М. 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/vragi-i-soyuzniki-v-vospriyatii-britantsev-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny> (дата обращения 16.11.2022).

125. Камалова, С.Д. Образ “чужих” в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературы о палестино-израильском конфликте). Диссертация. М. 2020. URL: <https://www.dissercat.com/content/obraz-chuzhikh-v-multikulturnoi-literature-s-pozitsii-lingvisticheskoi-imagologii-na-materia> (дата обращения 14.11.2022).

126. Колесникова, А.Г. Формирование и эволюция образа врага периода "холодной войны" в советском кинематографе: середина 1950-х - середина 1980-х гг. Диссертация. М. 2009. URL: <https://www.prilib.ru/item/389176> (дата обращения 17.11.2022).

127. Коршенко, С.В. Образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны, Диссертация. Санкт-Петербург, 2019. – 208 с.

128. Маркелов, С.Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939-1941 гг. Диссертация. Омск. 2004. URL: <https://www.prilib.ru/item/389176> (дата обращения 17.11.2022).
129. Палеева, Н.В. Конструирование русского националистического дискурса и его "другие" в 1860-1917 гг. Диссертация. СПб. 2006. URL: <http://www.dslib.net/teoria-politiki/obraz-sssr-rossii-v-kontekste-mirovoj-politiki.html> (дата обращения 14.11.2022).
130. Рябцева, Е.Е. Американское общественное мнение по проблемам внешней политики и его место в политической системе США. Диссертация. Волгоград. 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/amerikanskoe-obshchestvennoe-mnenie-po-problemam-vneshnei-politiki-i-ego-mesto-v-politichesk> (дата обращения 14.11.2022).
131. Сенявская, Е.С. Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование. Диссертация. М. 1999 URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologiya-rossiiskikh-uchastnikov-voin-xx-veka-sravnitelno-istoricheskoe-issledovanie> (дата обращения 17.11.2022).
132. Ситникова, Е.Л. Образ Советского Союза как фактор внешней политики США: 1945 - 1952 гг. Диссертация. Курск. 2007. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/obraz-sovetskogo-sojuza-kak-faktor-vneshnej-politiki-ssha-1945-1952-gg.html> (дата обращения 17.11.2022).
133. Ульянов, П.В. Эволюция содержания «образа врага» (по отношению к Германии) в британской пропаганде в период Первой мировой войны. Диссертация. Барнаул, 2019. – 218 с.
134. Феклюнина, В.С. Политический имидж России в американской прессе 2000-2004 гг. Диссертация. Саратов 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/politicheskii-imidzh-rossii-v-amerikanskoj-presse-2000-2004-gg> (дата обращения 15.11.2022).
135. Хоруженко, В.А. Концепты "Война" и "Враг" в современной русскоязычной публицистике. Диссертация, М. 2010. URL:

<https://cheloveknauka.com/kontsepty-voyna-i-vrag-v-sovremennoy-russkoyazychnoy-publitsistike> (дата обращения 14.11.2022).

136. Черниловский, А.А. Первая мировая война в сознании военной элиты России на рубеже XIX – XX вв. Диссертация. Брянск. 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/pervaya-mirovaya-voyna-v-soznanii-voennoi-elity-rossii> (дата обращения 18.11.2022).

137. Шварцкопф, К.Э. Образ внешнего мира в национал-социалистической пропаганде (1933-1941 гг.). Диссертация. Краснодар, 2004. – 300 с.

138. Эйдук, Д.В. Образ врага и перспективы войны в русской периодической печати 1914-1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: Диссертация. М., 2008. – 198 с.

Научные статьи и иные публикации

139. Акопов, А.А. Проблема пропаганды и формирования образа врага в периодической печати начала XX века: историографический обзор // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 10. – С. 4-9.

140. Алексеева, Г.Д. Изучение методологических проблем истории в XX веке // Труды Института российской истории. Вып. 5 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. – С. 226-243.

141. Афганистан: борьба за мир и прогресс // Правда. 10.04.1980.

142. Ачкасов, В.А. Роль «образ врага» в процессах этнополитической мобилизации// ПОЛИТЭКС, Т. 12 №1 – С. 106-124.

143. Бачурин, В.Д. Формирование дискурсивного образа «Врага» в политическом языке (на материале Тони Блэра, посвященных войне в Ираке) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-diskursivnogo-obraza-vraga-v-politicheskom-yazyke-na-materiale-rechey-toni-blera-posvyaschennyh-voyne-v-irake/viewer> (дата обращения 12.02.2023), 2016. – С.75-78.

144. Близнец, Г.И. Влияние «холодной войны» на развитие концепции истории Второй мировой войны в советской историографии 1945 - 1965 гг. //

Сборник: 70 лет окончания Второй мировой войны. Материалы республиканской научно-исторической конференции. 2015. – С. 14-17.

145. Бруз, В.В. Историческая оценка событий 1968 года в Чехословакии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. – С. 83-94.

146. Бруз, В.В., Вититнев, С.Ф., Шмелёва, А.В. Феномен фашизма в трактовках современных зарубежных авторов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. – С. 133-145.

147. Васильева, Н.Ю. Французский национальный фронт и ближневосточный конфликт в 80-е-90-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4. – С. 93-101 URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2000/4/countries-and-regions/frantsuzskiy-natsionalyniy-front-i-blizhnevostochniy-konflikt-v-80-90-e-godi> (дата обращения 16.11.2022).

148. Вишлёв, О.В. Накануне 22 июня 1941 года. — М.: Наука, 2001. – С. 13-14. URL: <https://militera.lib.ru/research/vishlev/index.html> (дата обращения 12.10.2024).

149. Воробьев, С.В. Исторические и современные аспекты формирования образа врага в международных отношениях// Сборник материалов Первой Международной научно-практической конференции «Международные отношения в условиях новых угроз безопасности» М., МГЛУ, 2023. – С.27-33.

150. Воробьев, С.В. Украинский вопрос в российской истории // Обозреватель, №5(406), 2024. – С. 114-115.

151. Воробьев, С.В., Воробьев, С.С., Елифанова, Т.В., Каширина, Т.В., «Неравнозначный обмен» в истории России: от слухов и домыслов – к анализу достоверных документов//Вопросы истории. М.: 2022. – С.57-62.

152. Воробьев, С.В., Каширина, Т.В. Историография коллаборационизма на оккупированных европейских и советских территориях в годы Второй мировой войны //Вопросы истории. 2019. № 6. – С. 157-169.

153. Воробьев, С.М., Комаров, С.А. Внешнеполитическая конфронтация СССР и США В вопросах ядерной гонки вооружения: историко-правовое осмысление // Теория государства и права. 2024. № 2 (36). – С. 25-38.
154. Воробьев, С.С. Формирование образа врага как инструмента внешней политики в межвоенный период (1918-1939 гг.) // Евразийский союз: вопросы международных отношений. Т.13. №12 (65), 2024. – С. 2193-2200.
155. Воробьев, С.С., Штоль, В.В. Образ врага в англо-американской внешней политике на примере Финляндии (1941–1944 гг.) Журнал «Обозреватель» № 3, 2023. – С.100-110.
156. Герасимов, Д.И. Фактор государства Манчжоу-Го в советско-японских отношениях 1931-1935 гг. // Человеческий капитал, 2023, № 4(172). – С. 36-47.
157. Григорьева, О.И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты "Правда" (январь 1933 -июнь 1941 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 61. – С. 92-97.
158. Гришаева, Л.Е. Превентивная война с нацистской Германией: вероятность и реальность / В сборнике: Европа в 1938-1939: на пути к мировой катастрофе. Сборник научных статей. Москва, 2024. – С. 39-58.
159. Гришаева, Л.Е. Черчилль о разделе сфер влияния и новом устройстве мира // Вопросы истории. 2020. № 8. – С. 166-190.
160. Гришаева, Л.Е., Кокорев, М.А. Политика СССР по урегулированию военного конфликта в Афганистане: 1978-1991 гг. // Человеческий капитал. 2025. № 2 (194). – С. 9-24.
161. Давидчук, А.С., Дегтерев, Д.А., Корендясов, Е.Н. Советская структурная помощь Республике Мали в 1960-1968 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. – С. 714-727.

162. Давыдов, Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. № 4. – С. 69-80.
163. Де Лазари, А., Рябов, О. Образы врага: поляки и русские в сатирической графике межвоенного периода (1918-1939 ГГ.) // Историк и художник. 2008. № 1-2. – С. 68-82.
164. Денисов, Д.А. Идентификация образа врага в политической коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-obraza-vraga-v-politicheskoy-kommunikatsii-1/viewer> (дата обращения 12.02.2023) – С. 113-125.
165. Дженна Е. Джордан, Адам Н. Сталберг, М. Троицкий. Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях: определение, значение и дилеммы//Международные процессы, Том 19, № 1r (64). – С.8-9.
166. Доклад Бернда Зелинского (Университет Париж-Запад) «Образ врага в ГДР и ФРГ: конкуренция двух систем» на международной конференции «Взглянуть в лицо врагу: Образ врага в культуре XIX, XX веков» 24-25.11.2011 г. Опубликовано в журнале Новое литературное обозрение 2012, №6.
167. Дорогавцева, И.С. Я и Другой в современной русской культуре: тенденции ксенофобии и изоляционизма 2017. – С.82-86.
168. Дроздова А. С. (Белоконева) Механизмы формирования «образа врага» в период «холодной войны» // Диалог. Компромисс. Консенсус. - М, 1998. – С. 19-29.
169. Дубровина, О. Образ врага: представления о Советской России в Италии в межвоенный период // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2020. № 5 (32). – С. 176-182.
170. Евгеньев В.А. Образы США и СССР в концепции мировой политики Збигнева Бжезинского // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. – С.

- 179-186. URL: https://www.politstudies.ru/index.php?page_id=489&jid=3146 (дата обращения 13.11.2022).
171. Евгеньева, Т.В., Селезнева, А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной молодежи // Полития №3, 2007. – С. 83-92.
172. Егорова, Н.И. История холодной войны, 1945-1991 гг. Учебник / Сер. 76 Высшее образование. (2-е изд., пер. и доп.). 2020. М.: Юрайт. – 219 с.
173. Елифанова, Т.В. Эволюция принципа правого дела в теории справедливой войны // Обозреватель. 2024. № 5 (406). – С. 73-84.
174. Забелина, Н.Ю. Первая мировая война: немцы глазами британцев // Новая и новейшая история. 2011. № 1. – С. 210-218.
175. Закаурцева, Т.А., Каширина, Т.В., Цветов, П.Ю. Роль Светского Союза в созыве и проведении Женевского совещания 1954 года (в свете новых публикаций архивных материалов) // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). – С. 76-85.
176. Зверева, Т.В. Как дружить цивилизациями? // Международная жизнь. 2013. № 9. – С. 188-193.
177. Знаков, В.В. Когнитивное и аффективное бессознательное понимание чужого как врага // Вестник Московского университета, Серия 14. Психология, 2014, №1. – С. 3-15.
178. Иванов, В.В. Влияние советско-китайских противоречий на аспекты оказания военной и экономической помощи СССР и КНР Демократической Республике Вьетнам во второй половине 1960-х гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов X Всероссийской научной конференции. Самарский государственный социально-педагогический университет; Самарский юридический институт ФСИН России; Тольяттинский государственный университет; ответственный редактор А.Н. Сквозников. 2022. – С. 67-75.

179. Иванова, М.С. Образ друга и врага в политической науке. Международные политические аспекты//Modern science, 2021 №5-1. – С.374-379.
180. Известия. 1936.30 ноября.
181. Интернациональный долг и враждебные происки // Правда. 29.05.1981.
182. Камалова С.Д. Специфика понятийного аппарата имагологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-1 (88). – С. 26-29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ponyatiynogo-apparata-imagologii> (дата обращения 14.11.2022).
183. Карпович, О.Г., Смагина, Л.А. Основные факторы идеологического противостояния или «война идей» // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. – С. 2-3.
184. Каширина, Т.В. Внешнеполитический курс США на советском направлении в период президентства Дж. Картера (1977-1980 гг.)// Дипломатическая служба. 2016. № 2. – С. 7-12.
185. Каширина, Т.В. Экономический фактор и его влияние на политику советско-американской разрядки в 1970-е гг. //Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). – С. 210-215.
186. Козырев, Г.И. Образ врага в меняющемся мире. Является ли деление на «своих» и «чужих» родовой приметой человечества. М. 2013. URL: https://nvo.ng.ru/scenario/2013-06-25/9_enemy.html (дата обращения 14.11.2022)
187. Кокошин, А.А. Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политике // Вестник РАН, Т.88, №11, 2018. – С. 271-278.
188. Крылов С.А. Движение неприсоединения: история и современность. //Обозреватель-Observer №3, 2018. – С.26-43.
189. Кто подстрекает Тель-Авив?» // «Правда». 6 июня 1967 г.
190. Кузьминская, С.И. «Образ врага» в современной политической мифологии//Вестник ВГУ 2016, №3. – С. 49-52.

191. Кульков, Е.Н. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // Вестник МГИМО-Университета №5, - 2009. – С.4.
192. Курылев, К. П. Советская внешняя политика 1960-1980-х годов. Эклектичность и противоречивость // Свободная мысль. 2024. № 2 (1704). – С. 161-176.
193. Кутепов, В.А., Рыбаков, С.В. Фултонская речь Черчилля: суть и подтексты // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). – С. 17-20.
194. Лукин, Р.Н. Образ врага в религии: особенности антропологической зависимости 2018. – С.88-93.
195. Маркелов, С.Ю. Политико-моральное состояние Красной Армии как реакция на внешнеполитическую ситуацию и советскую пропаганду в преддверии нападения Германии // Социальные конфликты в истории России: Материалы Всероссийской науч. конференции. Омск, 22 октября 2004 г. Омск: Изд-во Ом ГПУ, 2004. – С. 350-354.
196. Маслаков, С.И. Формирование «образа врага» как средство манипулятивного воздействия на социальные группы/ С.И. Маслаков // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 19-20 нояб. 2015 г. / НИУ БелГУ, Институт социально-политических исследований РАН, Юго-Западный государственный университет; отв. ред. Ю.А. Зубок. - Воронеж; Белгород, 2015. – С. 507-512. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/14514?mode=full> (дата обращения 16.04.2023).
197. Матвеев, О.В. Проблема сдерживания гонки стратегических ядерных вооружений в российско-американских отношениях: история и политика // Вестник Екатеринбургского института. 2020. № 2 (50). – С. 103-109.
198. Мильчина, В. Международная конференция «Взглянуть в лицо врагу: Образ врага в культуре, XIX – XX века» Журнал НЛО, 2012, №6 URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/mezhdunarodnaya-konferenciya->

vzgljanut-v-liczo-vragu-obraz-vraga-v-kulture-xix-8212-xx-veka.html (Дата обращения 10.07.2023).

199. Миргородский, Д.С., Воробьев, С.В., Смирнов, Е.В., Елифанова, Т.В. Советско-американское противоборство в области создания ракетно-ядерного оружия в 1940 – 1950-е гг. // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). – С. 67-75.

200. Молодяков, В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения. Ежегодник. Япония. 2009. – С. 294 -310.

201. Московский, М.А. Дартмутский диалог: первые шаги неформальной советско-американской дипломатии // Вестник РУДН, серия Международные отношения. 2012. № 3. – С. 33-47.

202. Неймарк, М.А. Мир и Россия, Россия и мир: о неизбывности одной тенденции в западнцентричном дискурсе // Обозреватель. 2024. № 6 (407). – С. 135-140.

203. Обуздать израильских агрессоров! // Правда. 12 июня 1967 года.

204. Огородов, Д.А., Добрынина, М.В. Спорт высоких достижений в контексте советской политики и идеологии // ЭСГИ. 2021. № 4(32). – С. 89-98.

205. Орлов, А.А. Перед Отечественной войной 1812 г.: Дипломатическая борьба России и Франции в последний период Тильзитского союза / В сборнике: Вестник военно-исторических исследований. сборник научных трудов. Пенза, 2019. – С. 61-78.

206. Орлов, А.А., Сопленков, С.В., Альбертина, В.А. Идеи справедливого мирового порядка: Исторический опыт Западной, Центрально-Восточной Европы и России (середина XV – начало XXI вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. – С. 63-76.

207. Пат, К. Экономическая и техническая помощь Китая и СССР Северному Вьетнаму, 1955-1960 // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2021. Т. 5. № 2. – С. 88-106.

208. Пашенцев, Е.Н. "Закон о борьбе с противниками через санкции" в контексте стратегической информационно-психологической войны // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 66. – С. 23-43.
209. Поршнева О.С. Историография и источники изучения образов союзников в сознании российского общества в годы Первой мировой войны // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — XX веков. Сб. ст. Челябинск, 2011. – С. 56-63.
210. Правда. 1936. 30 ноября;
211. Провокации империалистов на Ближнем Востоке: кружит чёрное вороньё // «Известия». 7 июня 1967 г.
212. Репина, Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. – С. 9-19. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/39_1/repina_l.p./national-character-and-the-image-of-the-other (Дата обращения 12.05.2023).
213. Рожков, А.А. «Интересы» и «идеалы»: переопределяя политический реализм. /А.А. Рожков // «Полития» №4 (95), 2019. – С. 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-i-idealy-pereopredelyaya-politicheskiy-realizm/viewer> (дата обращения 12.12.2022).
214. Рудницкий, А.Ю. Всех на всех. Дипломатическая эвакуация летом 1941 года. Международная жизнь. 2024. № 11. – С. 144-157.
215. Рудницкий, А.Ю. Май 1941-го. Предостережение из Варшавы // Родина. 2019. № 9. – С. 111-113.
216. Рыбалкин, Ю. Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. – С. 28–29.
217. Рябчикова, Е.Е. Имагология как раздел культуроведческой компаративистики// Слово. Ру: балтийский акцент. 2018.Т.9. – С.52-59.
218. Семиряд, Н.Ю., Воскобойников, С.Г. Холодная война. Гонка вооружений между СССР И США // Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции перспективных

- разработок молодых ученых: в 3 т. Юго-Западный государственный университет; Московский политехнический университет. 2018. – С. 169-172.
219. Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. – С. 140-156.
220. Синегубов, С.Н., Шилов, С.П. Кайзеровская Германия-Великобритания-Россия: альтернативы и реалии военно-морских отношений в 1897-1906 гг. СПб., 2016. – С. 109-143.
221. Ситникова, Е.Л. Роль СМИ В процессе эволюции образа СССР в США в годы президентства г. Трумэна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. Т. 2. № 3 (34). – С. 48-52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-protssesse-evolyutsii-obraza-sssr-v-ssha-v-gody-prezidentstva-g-trumena> (дата обращения 17.11.2022).
222. Соленцова, Е.А., Золотухин, Е.И. Асуанская плотина: международный инновационный проект советских ученых и инженеров // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 1-1. – С. 258-262.
223. Сорвать преступные замыслы врагов мира // Правда. 1962. 24 сентября.
224. Спутник агитатора. 1939. № 16.
225. Феклюнина В.С. Иррациональные составляющие политического имиджа // Проблемы политологии и политической истории. 2003. № 12. Издательство Саратовского государственного университета. – С. 209-214.
226. Харитонов, А.М. Экономическая помощь СССР Королевству Камбоджа в 1950-х - 1960-х годах // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны. доклады, представленные на III международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Захарова Л.В. (отв. редактор); Совет молодых ученых ИДВ РАН. 2016. – С. 240-245.

227. Хауэр-Тюкаркина О.М. Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государств//Мир и политика. М.: октябрь 2018. – С.181-194.
228. Хоруженко, В.А. Формирование мифологизированного образа Врага в политической публицистике и пропаганде // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2010. № 2. – С. 223-227.
229. Черниловский, А.А. Будущая мировая война в общественном сознании россиян конца XIX – начала XX вв. // Аспирант и соискатель. 2004. №2. – С. 13-19.
230. Шибкова, М. Ad hoc альянсы как доминанта внешнеполитического инструментария Италии // Международные процессы. 2021. Т. 19. №1г. – С. 139–154.
231. Штода, А.Е. Участие СССР в строительстве металлургических заводов в Индии // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97. – С. 206-213.
232. Штоль, В.В. Империя как прошлое и будущее России // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 2 (2). – С. 26-41.
233. Штоль, В.В. Польская политика в болоте исторических химер //Обозреватель. 2021. № 3 (374). – С. 5-26.
234. Штоль, В.В., Задохин, А.Г. Холодная война: истоки, наследие и альтернативы, когнитивный аспект // Обозреватель. 2020. № 2 (361). – С. 5-24.
235. Щукин, Д.А. Философская интерпретация конструирования врага в контексте психологических и психоаналитических теорий. // Вестник Пермского университета. Выпуск 3 (11), 2012. – С. 127-132.
236. Эренбург, И. «Убей!»//Красная звезда. 24 июля 1942 г.; «Помни!» //Красная звезда 13 августа 1942 г.
237. Юдин, Н.В. Общественные отношения во Франции в начале Первой мировой войны (по донесениям префектов)//Вестник Московского

университета. Серия 8. История 2013. №3. – С.83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-nastroeniya-vo-frantsii-v-nachale-pervoy-mirovoy-voyny-po-doneseniyam-prefektov/viewer> (дата обращения 14.08.2023).

238. Юнгблюд, В.Т. «Образы Российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944 - 1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1998. №6. – С. 66-78.

Научные статьи и иные публикации на иностранном языке

239. 28.10. 1938 г. //NS-Pressenanweisungen... Bd 6. S. 1016.

240. 28.4 -4. 5. 1940 г. // Wochensprüche der NSDAP

241. Afghan Rebels Battle Soviet Forces // The Washington Post. 15.02.1980.

242. Barghoorn F. The Soviet Union between War and Cold War // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 263, The Soviet Union Since World War II. 1949. P. 1-8

243. Fyfe H. The Illusion of National Character. 171 p.

244. Gorr D. Nationalsozialistische Sprachwirklichkeit als Gesellschaftsreligion: Eine sprachsoziologische Untersuchung zum Verhältnis von Propaganda und Wirklichkeit im Nationalsozialismus. Aachen, 2000. 211 s.

245. Haaretz. 09.06.1967

246. Harbutt F. American Challenge, Soviet Response: The Beginning of the Cold War, February-May, 1946 // Political Science Quarterly. Vol. 96. № 4. 1981. P. 623-639.

247. Harris S. Factories of Death. Japanese Biological Warfare, 1932-1945, and the American Cover-up. New York: Routledge. 424 p.

248. Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. Bd. 2. 744 s.

249. Hong L.T. Decolonization in Asia during the early cold war era: the case of Vietnam, 1945-1954 // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 4 (22). С. 30-41.

250. Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. 1955. 192 p.

251. Krause V., Singer J.D. Minor Powers, Alliances, And Armed Conflict: Some Preliminary Patterns // Small States and Alliances. 2001. P. 15-20. Текст: электронный. URL: https://www.researchgate.net/publication/238710571_Minor_Powers_Alliances_And_Armed_Conflict_Some_Preliminary_Patterns_1
252. La dottrina del fascismo. E i documenti ufficiali dal 1919 al 1945. Roma: Passaggio al Bosco. 2019. 180 p.
253. Le Seur P. Das Ziel der Weltgeschichte und unsere völkische Pflicht B., 1937.
254. Leffler M. Cold War and Global Hegemony, 1945-1991 // OAH Magazine of History. 2005. Vol. 19, № 2 P. 65-72.
255. Leffler M. The American Conception of National Security and the Beginnings of the Cold War, 1945-48 // The American Historical Review. 1984. Vol. 89. № 2. P. 346-381.
256. Pelzer E. Die Wiedergeburt Deutschlands 1813 und die Dämonisierung Napoleons // Deutschlandbilder- Frankreichbilder 1700-1850. Rezeption und Abgrenzung zweier Kulturen / Hg. von T. Höpel. Leipzig, 2001. S. 271-284.

Интернет-источники

257. 55 лет назад на экраны вышел «Мёртвый сезон» // Ленфильм [Официальный сайт] URL: https://www.lenfilm.ru/news/2024/04/55_let_nazad_na_ekrany_vyishel_Mertvyiy_sezon (дата обращения: 10.02.2025).
258. URL: «Образ врага-буржуя»: кому помогли интервенты, вторгшиеся в Россию в 1918 г. <https://histrf.ru/read/articles/obraz-vragha-burzhuia-komu-pomoghli-intiervienty-vtorgshshiiesia-v-rossiiu-v-1918-ghodu> (дата обращения 10.06.2024).
259. URL: <https://bigenc.ru/c/grazhdanskaia-voina-v-ispanii-1936-1939-f6d5c7> (дата обращения 16.04.2023).
260. URL: <https://bigenc.ru/c/obraz-vraga-35a05d> (дата обращения 16.04.2023).

261. URL:

<https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7+%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B0>

(дата обращения 16.04.2023).

262. URL:

https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=10638542@cmsArticle (дата обращения 18.10.2024).

263. URL: <https://paul-atrydes.livejournal.com/183808.html> (дата обращения 25.07.2024).

264. URL:

<https://sinonim-k-slovu.ru/%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B3> (Дата обращения 16.04.2023).

265. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4005> (дата обращения 16.04.2023).

266. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения 16.04.2023).

267. URL: <https://web.archive.org/web/20200604010411/https://www.nationalchurchillmuseum.org/disaster-of-the-first-magnitude.html> (дата обращения 11.08.2024).

268. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/45920/> (дата обращения 10.10.2024).

269. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3880624> (дата обращения 08.07.2024).

270. URL: <https://www.prilib.ru/history/619133> (дата обращения 20.10.2024).

271. URL: https://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1R.html (дата обращения 10.02.2025).

272. URL: <https://www.un.org/ru/sections/history-united-nations-charter/1941-atlantic-charter/index.html> (дата обращения 18.10.2024).

273. URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B3> (Дата обращения 16.04.2023).

274. Вывод из войны Финляндии URL: https://www.may9.ru/history/articles/vivod_iz_voini_finlyandii/ (дата обращения 24.03.2025).
275. Гражданская авиация России: крылья Страны Советов URL: <https://zavodfoto.livejournal.com/4596717.html> (дата обращения 14.10.2024)
276. Гусейнов, А.А. Любите врагов ваших URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001047/st000.shtml> (дата обращения 16.04.2023).
277. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III (апрель 1920-март 1921) Издательство Наука, - 1965. – С. 13 URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/893679> (дата обращения 08.07.2024).
278. Савельев, А.Н. Образ врага URL: http://www.zlev.ru/910_18.htm (дата обращения 13.02.2023).
279. Итоги и достижения Олимпийских игр 1960 года // Олимптека [Офиц. сайт] URL: <https://olympтека.ru/olymp/archive/article/37.html> (дата обращения: 11.02.2025).
280. Козырев Г.И. Образ врага в меняющемся мире. Является ли деление на «своих» и «чужих» рядовой приметой человечества http://www.ng.ru/stsenarii/2013-06-25/9_enemy.html от 25.06.2013 (Дата обращения 14.05.2023).
281. Козырев, Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях// Социологические исследования. 2008. URL: <https://naukarus.com/vrag-i-obraz-vraga-v-obschestvennyh-i-politicheskikh-otnosheniyah> (Дата обращения 16.04.2023).
282. URL: <https://rus-bse.slovaronline.com/74595-%D0%A1%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0>

283. Миф и реальность вступления в войну Финляндии URL: https://wiki.istmat.org/%D0%BC%D0%B8%D1%84:%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%83_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 20.10.2024).
284. Хронология Второй мировой войны. Энциклопедия холокоста URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/world-war-ii-key-dates> (дата обращения 10.10.2024).
285. О международном положении URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/61932-19-avgusta-1923-g-moskva-locale-nil-telegramma-g-v-chicherina-polpredam-sssr-v-evropeyskih-stolitsah#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения 08.07.2024).
286. Образ врага и образ союзника в восприятии советских людей. URL: https://encyclopedia.mil.ru/files/morf/VoV_Vol10_Obraz_vraga.pdf (дата обращения 22.04.2023).
287. Schmitt K. „Der Begriff des Politischen“. URL: https://www.kuwi.europa.uni.de/de/lehrstuhl/ehemalige_professoren/neuzeit/lehre/lehresose13/c_-schmitt_der-begriff-des-politischen.pdf (дата обращения 16.06.2023).
288. Мухаметов, Р.С. Инструменты внешней политики России: сущность и форма реализации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-vneshney-politiki-rossii-suschnost-i-formy-realizatsii/viewer>, – С.133 (дата обращения 20.07.2023).
289. URL: <https://armystandard.ru/news/2024620727-BEfWe.html> (дата обращения 19.10.2024).
290. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-razdel-literaturovedcheskoy-komparativistiki/viewer> (дата обращения 22.06.2023)
291. Савельев, А.Н. Образ врага URL: http://www.zlev.ru/910_18.htm (дата обращения 16.05.2023)

292. Ленин, В.И. Тетради по империализму. М., 1939. – С.631. URL: <http://doc20vek.ru/node/3551> (дата обращения 10.08.2023).
293. С. Фрейд URL: <http://intencia.ru/Pages-view-621-2-1.html> (дата обращения 24.04.2023).
294. Советско-польская война. ИСТОРИЯ. РФ – Главный исторический портал страны. URL: <https://histrf.ru/read/articles/sovietsko-polskaia-voina> (дата обращения 10.06.2024).
295. США проиграли в общем зачете СССР на Олимпиаде в Риме. Из-за этого американцам пришлось пойти на откровенный обман // Sport 24 [Офиц. сайт] URL: <https://sport24.ru/news/other/2022-08-09-olimpiyskiye-igry-1960-v-rime-medalnyy-zachet-ssha-sssr-poddelka-rezultatov-podrobnosti> (дата обращения 11.02.2025).
296. «Arbeiter Zeitung», 28. XI. 1917, - № 327. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?datum=19171128&zoom=33> (дата обращения 05.07.2024).
297. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17765> (дата обращения 16.04.2023).
298. : URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=7041> (дата обращения 17.04.2023).
299. URL: <https://worldtable.info/istorija/vneshnjaja-politika-sssr-v-30-ye-gody-tablica.html> (дата обращения 5.01.2023).
300. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d253> (дата обращения 10.02.2025).
301. Грос П. Операция «Откат»: тайная война Америки за железным занавесом. Бостон: Хоутон Миффлин. 2001. URL: <https://www.jstor.org/stable/4087034> (дата обращения 18.11.2022).
302. Кнотт Стефан, Ф. Секретно и санкционировано: тайные операции и президентство США. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1996. URL:

https://books.google.ru/books/about/Secret_and_Sanctioned.html?id=DgYxLklV7UwC&redir_esc=y (дата обращения 18.11.2022).

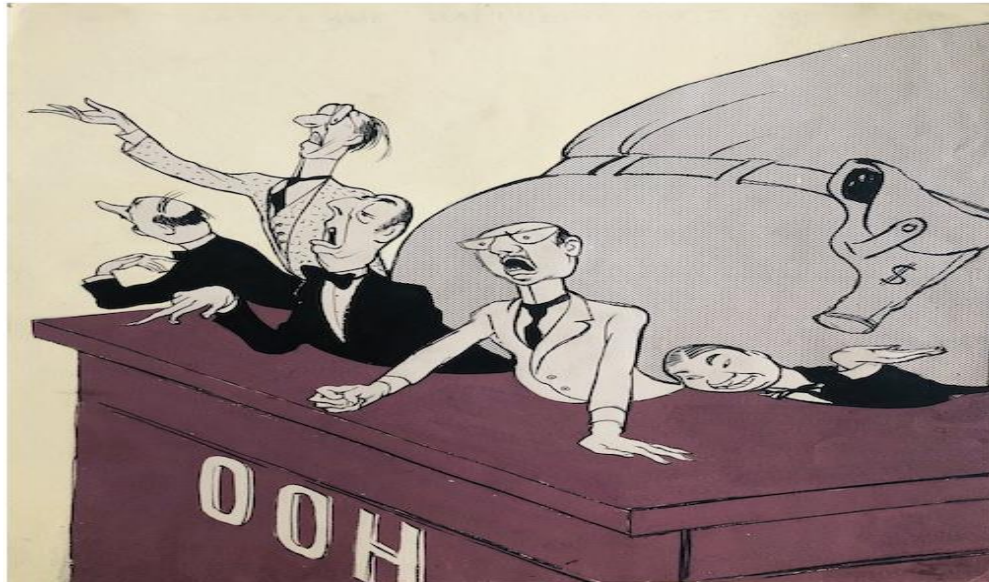
303. Отчет ОРФ Института истории АН СССР за 1953 г. в НА ИРИ РАН. URL: https://komiswow.ru/Hist_01 (дата обращения 28.05.2025).

304. Эверт, Т. «Историческая справка по российским немцам» выступление на круглом столе молодежного клуба «HoffnungWind» 22 апреля 2012 г. URL: <https://rusdeutsch.ru/Nachrichten/3594> (дата обращения 18.11.2022).

Приложения

Приложение А

Примеры советских плакатов, представляющих образ врага в период «холодной войны» «ООН»

URL: <https://artifex.ru/%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%BA%D1%83%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D1%81%D1%8B/> (дата обращения 10.01.2025)

«Машина голосования»

URL: <https://maysuryan.livejournal.com/1985519.html> (дата обращения 10.01.2025)

«Марш по болотным кочкам»

URL: <https://www.psychologies.ru/wellbeing/3-1-neizvestnye-i-znamenitye-kukryniksy-v-manezhe/> (дата обращения 10.01.2025)

«Заработал прибавку»

URL: <https://art-kukryniksy.narod.ru/kukryniksy97.htm> (дата обращения 10.01.2025)

Приложение Б

**Факторы «холодной войны» в формировании образа врага, как
инструмента внешней политики***

Категория факторов	Аспект	Сходства	Различия	Примеры
Геополитические	Биполярная система МО	Обе стороны воспринимали друг друга как угрозу своему влиянию в мире, что усиливалось через гонку вооружений и соперничество за стратегически важные регионы.	СССР акцентировал угрозу капитализма как системы эксплуатации; США — подавление свобод в социалистических странах.	Берлинский кризис, Карибский кризис, Вьетнамская война
	Деколонизация	Оба государства использовали экономическую помощь и идеологические инструменты для влияния на страны, которые недавно освободились от колониальной зависимости и хотели стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку и побороть экономические трудности	СССР поддерживал борьбу с «неоколониализмом», а также установление новых социалистических режимов; США — капиталистическую модель, свободный рынок и демократию.	Строительство Асуанской плотины в Египте по проекту СССР и с его финансированием, программы USAID (США)
Социально-культурные	Идеологическое противостояние	Идеология являлась центральным элементом социально-культурных факторов, формирующих образ врага, как в СССР, так и в США. Оба государства	СССР подчеркивал солидарность и справедливость, США - индивидуализм и свободу	Риторика американских официальных лиц (речь Джона Кеннеди в Берлине 1963 г.), советские политические плакаты; фильмы с пропагандистским содержанием

		использовали противопоставление системных ценностей для оправдания своей политики, внутренней мобилизации и усиления страха перед оппонентом.		
	Технологическое соперничество	Успешное освоение новых рубежей в космическом пространстве	СССР связывал успехи с коллективизмом и патриотизмом, США — с личной свободой и предпринимательским духом.	Победа СССР в космической гонке — первый полет человека на околоземную орбиту (1961); в 1960-х американская компания Fairchild Semiconductor разработала первые коммерческие интегральные схемы, что заложило основу для революции в электронике и развития первых компьютеров
	Спортивное соперничество	Крупные спортивные достижения на Олимпиадах в 1960-х рассматривались как доказательство превосходства системы	В СССР победы представлялись как демонстрация морального превосходства и достижения социалистического строя, а в США как триумф индивидуальной свободы	Олимпийские игры 1960 года в Риме, Летние Олимпийские игры 1964 года в Токио
Медийные	Роль пропаганды и влияние массовой культуры	Использование СМИ для создания образа врага через кино, литературу и доступные визуальные инструменты. Массовая культура	СССР разоблачал аморальность капитализма, США — усиливали страх перед «красной угрозой»	Фильмы: «Мёртвый сезон» (СССР), «Красная угроза» (США)

		формировала стереотипы и углубляла противопоставление систем		
События эпохи	Холодная война	Международные отношения как противостояние систем, необходимость удерживать союзников в единой системе безопасности	Оба блока акцентировали угрозу противоположной системы, но пользовались при этом различными идеологическими стратегическими инструментами	Адаптация НАТО и ОВД к новым условиям холодной войны
	Гонка вооружений	Увеличение военных расходов для поддержания военного паритета	СССР фокусировался на ракетно-ядерной программе, США — на стратегической обороне и ПРО	Разработка МБР (СССР), программа ПРО (США)

*Таблица составлена автором по результатам анализа, представленного во 2-м параграфе третьей главы.